

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 24. № 1

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 24. No. 1

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

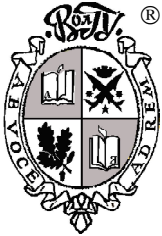
Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025

Том 24. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025

Volume 24. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025. Vol. 24. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval,*

I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Febr. 10, 2025.

Date of publication: Apr. 24, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 14.0. Published pages 15.0.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 12. «C» 3.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025. Т. 24. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 10.02 2025 г.

Дата выхода в свет: 24.04 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,0.
Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 12. «С» 3.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Голев Н.Д., Иркова А.В. Смысловая диффузия как семасиологическая, конфликтологическая и лингвоюридическая категория в цифровом измерении 5
- Самыличева Н.А., Бинштейн М.М. Редукционизм как коммуникативный прием убеждения в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») 15

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Политова А.А. Перевод названий периодики как отражение актуальной динамики стратегий перевода [На англ. яз.] 25
- Калинин О.И., Мироненко К.Н. Лингвопрагматические характеристики репрезентации российско-украинского конфликта в медиадискурсе КНР [На англ. яз.] 40
- Савватеева И.А. Вербализация поведенческого аспекта лингвофилософской категории «отношения» в итальянском и английском языках [На англ. яз.] 52
- Каменский М.В., Бредихин С.Н. Алгоритмические процедуры идентификации рекламных текстов в дискурсивном пространстве средств массовой информации 64

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Кушнина Л.В., Фоменко Е.А. Современное состояние российского и китайского экотранслатоведения: наукометрический подход 79
- Пэй Хайтун. Роль корпусного языкознания в современных лингвистических исследованиях и переводоведении [На англ. яз.] 95
- Пташкин А.С. Сенсорика категории физиологической и ментальной девиаций в английских народных шутках [На англ. яз.] 107
- Озюменко В.И., Ларина Т.В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны 117

ДИСКУССИИ

- Таланов М., Карабулатова И.С., Ерохин В., Валверду Дж. Социоморфное нейромоделирование в академической эмотиологии как интеграция нейрокогнитивных и психолингвистических знаний в искусственном интеллекте [На англ. яз.] 131

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Golev N.D., Irkova A.V. Semantic Diffusion as a Semasiological, Conflictological and Legal Linguistic Category in the Digital Dimension 5
- Samylicheva N.A., Binshtein M.M. Reductionism as a Communicative Technique of Persuasiveness in Political Discourse (Based on the Talk Show “60 Minutes”) 15

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Politova A.A. Translation of Periodical Titles as a Reflection of the Current Dynamics in Translation Strategies 25
- Kalinin O.I., Mironenko K.N. Linguapragmatic Characteristics of the Russian-Ukrainian Conflict Representation in Chinese Media 40
- Savvateeva I.A. Verbalization of the Behavioral Aspect of the Linguo-Philosophical Category of “Relations” in Italian and English Languages 52
- Kamensky M.V., Bredikhin S.N. Algorithmic Procedures of Identifying Advertisement Texts in Mass Media Discourse 64

MATERIALS AND REPORTS

- Kushnina L.V., Fomenko E.A. The Current State of Russian and Chinese Ecotranslation Studies: A Scientometric Approach 79
- Pei Haitong. The Role of Corpus Linguistics in Contemporary Linguistics Research and Translation Studies 95
- Ptashkin A.S. Sensorics of the Category of Physiological and Mental Deviations in English Drolls 107
- Ozyumenko V.I., Larina T.V. Artificial Intelligence in Translation: Advantages and Limitations 117

DISCUSSIONS

- Talanov M., Karabulatova I.S., Erokhin V., Vallverdú J. Sociomorphic Neuromodeling in Academic Emotionology as an Integration of Neurocognitive and Psycholinguistic Knowledge in Artificial Intelligence 131

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.1>

UDC 81'322.4:34
LBC 81.184

Submitted: 20.05.2024
Accepted: 25.11.2024

SEMANTIC DIFFUSION AS A SEMASIOLOGICAL, CONFLICTOLOGICAL AND LEGAL LINGUISTIC CATEGORY IN THE DIGITAL DIMENSION

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Anna V. Irkova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of semantic ambiguity of legal texts on environmental topics using innovative digital methods. The aim of the work is to identify patterns of semantic diffusion as a semasiological, conflictological and legal linguistic category based on the analysis of federal and regional laws. Using computer programmes that provide reverse translation and check texts for similarity, semantic shifts caused by the ambiguity of the source text were identified. It was determined that an extract from a federal law is more translatable, understandable and accurate than an extract from a regional legislative act. The regional document contains wording that allows for dual interpretation, which increases its conflict potential. It was found that semantic ambiguity is created by terms that reflect the specifics of legal culture and mentality and are interpreted ambiguously by lawyers and ordinary native speakers. The results obtained indicate the need to improve the clarity, comprehensibility and unambiguity of legal terminology, develop unified definitions of federal and regional legislation in general and in the field of environmental protection in particular, as well as develop recommendations for improving the quality of legal language. Further research can be aimed at automation of semantic diffusion analysis process, creating specialized linguistic tools for conducting legal expertise.

Key words: semantic diffusion, semantic uncertainty, legal linguistics, linguistic conflictology, digital technologies, reverse machine translation.

Citation. Golev N.D., Irkova A.V. Semantic Diffusion as a Semasiological, Conflictological and Legal Linguistic Category in the Digital Dimension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 5-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.1>

УДК 81'322.4:34
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 20.05.2024
Дата принятия статьи: 25.11.2024

СМЫСЛОВАЯ ДИФФУЗИЯ КАК СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ, КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

Николай Данилович Голев

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Анна Валентиновна Иркова

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию смысловой неопределенности юридических текстов экологической тематики с применением инновационных цифровых методов. Цель работы – установление закономерностей реализации смысловой диффузии как семасиологической, конфликтологической и лингвоюридической категории на основе анализа федеральных и региональных законов. При помощи компьютерных программ, обеспечивающих реверсивный перевод и проверку текстов на схожесть, обнаружены семантические сдвиги, вызванные неоднозначностью исходного текста. Отмечено, что фрагмент федерального закона более переводим, понятен и точен, чем фрагмент регионального законодательного акта. В региональном документе наблюдаются формулировки, допускающие двоякое толкование, что повышает его конфликтогенный потенциал. Зафиксировано, что смысловую диффузию создают термины, отражающие специфику правовой культуры и менталитета, они интерпретируются неоднозначно юристами и рядовыми носителями языка. Полученные результаты указывают на необходимость повышения ясности, понятности, однозначности юридической терминологии, разработки унифицированных дефиниций федерального и регионального законодательства в целом и в сфере охраны окружающей среды в частности, составления рекомендаций по улучшению качества юридического языка. Дальнейшие исследования могут быть направлены на автоматизацию процесса анализа смысловой диффузии, создание специализированных лингвистических инструментов для юридической экспертизы.

Ключевые слова: смысловая диффузия, смысловая неопределенность, юридическая лингвистика, лингвоконфликтология, цифровые технологии, обратный машинный перевод.

Цитирование. Голев Н. Д., Иркова А. В. Смысловая диффузия как семасиологическая, конфликтологическая и лингвоюридическая категория в цифровом измерении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 5–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.1>

Введение

В эпоху цифровых преобразований анализ проблем в области гуманитарных исследований приобретает ключевое значение [Голев, 2018; 2022; Иркова, 2024]. Широкое применение получили технологии искусственного интеллекта в сфере гуманитарных наук, образования, культуры, искусства. Междисциплинарный характер исследований перевода обуславливает особенности его изучения не только с позиции теории и практики перевода, но и с точки зрения когнитивной лингвистики, транслятивной лингвистики, культурологии, литературоведения, философии и т. п. В связи с этим особенно остро встает вопрос использования машинного перевода и обратного машинного перевода как инструментария для различных исследовательских разработок.

Смысловая неопределенность в языковых единицах дискурсивного уровня представляет собой одну из наиболее актуальных лингвистических проблем, ярко проявляющихся в юридических текстах. Они связаны с культурными универсалиями и ценностями, которые формируют правовую среду. Эти тексты выступают частью институционального обще-

ния, содержат оценочные компоненты, которые могут варьироваться в зависимости от контекста. Например, терминология, используемая в экологическом праве, может иметь разные значения в тех или иных правовых системах, что создает дополнительные сложности при интерпретации текста.

В настоящее время одной из актуальных задач современной лингвистики считается комплексное изучение разнообразных лексических феноменов при помощи цифровых технологий, в том числе рассмотрение смысловой диффузии в семасиологическом, конфликтологическом и лингвоюридическом аспектах. Вслед за А.К. Киклевичем под смысловой диффузией в рамках данной статьи понимается неопределенность содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации [Kiklewicz, 2007, s. 302]. Семасиологический аспект связан с определением динамики лексических значений слов при реверсивном переводе. Конфликтологическая составляющая проявляется в том, что неоднозначность интерпретации наиболее труднопере-

водимых лексем, словосочетаний и фраз может вызвать социальный конфликт. Лингво-юридический аспект выходит в область лингвистической экспертизы законодательных текстов в аспекте наличия и (или) отсутствия в них неопределенности смыслов. В последние годы существует тенденция использования цифровых технологий в рамках лингвистических изысканий [Habibzadeh, 2023; Nitu, Dascalu, 2024].

Цель данного исследования – установление закономерностей проявления смысловой диффузии как семасиологической, конфликтологической и лингвоюридической категории с применением цифровых методов. Новизна работы в контексте улучшения понимания юридического языка состоит в использовании перевода как метода транслятивной лингвистики (по терминологии доктора филологических наук, профессора Н.Д. Голева), в рамках которой описываются лингвистические особенности переводимого языка.

Материал и методы

В настоящей статье применяются компьютерные программы по преобразованию текста не в переводоведческих целях, а в целях решения поставленных исследовательских задач. В качестве материала для изучения смысловой диффузии выступают тексты как федерального, так и регионального уровня: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Федеральный закон № 7-ФЗ, 2002); Закон Иркутской области от 10 ноября 2011 г. № 107-ОЗ «Об областной государственной поддержке деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал» (Закон Иркутской области № 107-ОЗ, 2011). Выбор этих документов природоохранного законодательства обусловлен тем, что глобальные экологические вызовы требуют четкого и однозначного правового регулирования.

В работе используются методы обратного машинного перевода, сравнения текстов по сходству (веб-инструмент Cioх.ru, «Сравнение текстов онлайн» (text.num2word.ru)). Явление, известное как юридикто-лингвистическая неопределенность, возникает в силу различий в использовании языковых единиц и кон-

струкций юристами и рядовыми носителями языка. В юридической лингвистике обратный машинный перевод отождествляется с интерпретацией текста среднестатистическим гражданином, читающим закон и вникающим в его смысл. Web-инструмент для определения схожести двух текстов показывает процент идентичности оригинального текста и обратного перевода на основе алгоритма шинглов. Различающиеся элементы установлены благодаря второй компьютерной программе (text.num2word.ru). При машинном переводе языком-посредником служит английский язык. Перевод осуществлен с помощью DeepL.com.

Результаты и обсуждение

Тематика исследования, связанная с изучением способов устранения неоднозначности текста для улучшения его понимания, вписывается в широкий научно-лингвистический контекст [Vo, Nguyen, 2024; Hosseini M., Hosseini M., Javidan, 2024]. Особое внимание привлекает проблематика эквивалентности и неэквивалентности в практике перевода [Jiang, Zhuang, 2019; Sharifa, 2024]. Компьютерные методы обработки данных и машинные переводчики нового поколения постоянно развиваются и включают в себя достаточно большое количество языков, контекстов и терминов.

При этом, безусловно, имеются и ограничения этих методов [Tahseen, Hussein, 2024]. Так, в исследовании А.М. Монеуса и Ю. Сахараи проведена оценка применения машинного перевода в юридической сфере. Для достижения этой цели были выбраны юридические тексты из различных договоров. Эти фрагменты предоставлены переводчикам-юристам для определения доступности юридического текста и переводятся с помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ). Авторы показывают, что искусственный интеллект использует алгоритмы и большие объемы данных для перевода текста. ИИ может обеспечить быстрый и экономичный перевод, но не всегда способен точно уловить тонкости и культурные нюансы текста, как это может сделать переводчик-человек. Кроме того, при переводе с использованием искусственного интеллекта могут возникнуть проблемы с идиоматическими выражениями,

метафорами и другими специфичными для языка особенностями, которые переводчик-человек, скорее всего, поймет и переведет точно [Moneus, Sahari, 2024].

В настоящее время огромное количество людей использует смартфоны и онлайн-приложения для машинного перевода, чтобы взаимодействовать, преодолевая языковые барьеры, сокращая дистанции между культурами и языковыми системами. Некоторые исследователи полагают, что с развитием инструментов автоматизированного перевода появилась новая концепция перевода, известная как перевод с искусственным интеллектом. Дополнительные функции создаются для обеспечения достаточно высокой эквивалентности текста, чтобы помочь переводчикам-людям (см., например: [Yang, 2022]). Авторы утверждают, что между двумя процессами (машинным переводом и человеческим переводом), в которых переводчики-люди занимают лидирующие позиции, по-прежнему существует непреодолимая пропасть в производительности.

Как отмечают С. Маджумде, С. Лаули, М. Надедже, М. Федерико, Дж. Дину, на сегодняшний день большинство исследований в области машинного перевода сосредоточено на переводе и оценке предложений изолированно, без учета контекста, в котором они встречаются. В связи с этим авторы указывают на перспективы совершенствования процесса перевода, что открывает ряд преимуществ, среди которых: 1) простота формирования наборов данных; 2) разработка более эффективных алгоритмических моделей; 3) более быстрая оценка человеком уже выполненных машинных переводов [Majumder et al., 2022]. В работе М. О'Хагана подчеркивается, что бесплатные онлайн-переводчики на основе автоматического перевода (например, Google Translate) пользуются большой популярностью, поскольку необходимы рядовым пользователям Интернета, а также общественным группам и корпорациям. Их преимущества: скорость, стоимость и простота перевода, когда не требуются услуги профессионального перевода [O'Hagan, 2016]. В публикации Ш. О'Брайен рассмотрено внедрение систем компьютерного перевода (CAT) в производство коммерческих переводов узкой направленности. Автор обнаружил, что про-

граммные решения продолжают динамично менять социальную коммуникацию. При этом сама переводческая отрасль в силу своей специфики так и остается несколько раздробленной и неравномерной по степени сложности решаемых задач [O'Brien, 2012]. В статье М. Диаз выявлены тенденции использования ChatGPT (чат-бот с искусственным интеллектом). Изначально он создавался для общения, включая чат-боты и системы обмена сообщениями, на основе модели серии GPT-3.5, обучение которой завершилось в начале 2022 г. [Diaz, 2024].

В связи с представленным контекстом значимо обратиться к юридическим документам с использованием комплексной методологии, включающей несколько методов анализа неоднозначности смысла, охарактеризованных выше.

Текст обратного перевода фрагмента законодательного акта федерального уровня точен, весьма близок к оригиналу. Общий смысл, универсальные эквиваленты в нем преобладают, что позволяет говорить о четко выраженной определенности текста. При этом неоднозначность, смысловая диффузия в правовых контекстах неизбежны, поскольку юристы пользуются естественным языком, поэтому в тексте присутствует юридико-лингвистическая неопределенность употребляемых в нормативном акте понятий и терминов (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, расхождение между двумя текстами несущественно. При этом некоторые значения словосочетаний и фраз изменяются при обратном переводе. Это происходит во многом в силу многозначности слов, которые учитываются при переводе (представлены в таблице 2).

Функциональная замена одних конструкций другими при сохранении общего смысла фразы показывает наличие смысловой диффузии в минимальной степени, так как смысл текста остается неизменным.

Обратный машинный перевод (далее – ОМП) законодательного текста регионального уровня демонстрирует большую степень юридико-лингвистической неопределенности. ОМП-текст динамичен, изменчив, поскольку призван конкретизировать федеральные нормы с учетом специфики регионального правоприменения (см. табл. 3).

Таблица 1. Обратный машинный перевод фрагмента законодательного текста федерального уровня (с русского языка на английский и обратно на русский язык)

Table 1. Reverse machine translation of an extract from a federal-level legislative text (from Russian into English and back into Russian)

Исходный фрагмент текста (496 слов, 4 322 знака)	Обратный машинный перевод (489 слов, 4115 знаков)
<p>Статья 1. Основные понятия В настоящем Федеральном законе используются следующие основные понятия:</p> <p>окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов;</p> <p>природная среда (далее также – природа) – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов;</p> <p>компоненты природной среды – земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле;</p> <p>природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства;</p> <p>природно-антропогенный объект – природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение;</p> <p>антропогенный объект – объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов</p>	<p>Статья 1. Основные понятия В настоящем Федеральном законе используются следующие основные понятия:</p> <p>окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов;</p> <p>природная среда (далее также – природа) – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов;</p> <p>компоненты природной среды – земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и другие организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, которые в совокупности обеспечивают благоприятные условия для существования жизни на Земле;</p> <p>природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства;</p> <p>природно-антропогенный объект – природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) созданный человеком объект, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и охранное значение;</p> <p>антропогенный объект – объект, созданный человеком для удовлетворения своих социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов</p>

Таблица 2. Некоторые трансформации слов и фраз после обратного машинного перевода фрагмента законодательного текста федерального уровня

Table 2. Some transformations of words and phrases after reverse machine translation of an extract from a federal-level legislative text

Лексемы до обратного перевода	Лексемы после обратного перевода
иные организмы	другие организмы
обеспечивающие в совокупности	которые в совокупности обеспечивают
объект, созданный человеком	созданный человеком объект
рекреационное и защитное значение	рекреационное и охранное значение

Таблица 3. Обратный машинный перевод фрагмента законодательного текста регионального уровня (с русского языка на английский и обратно на русский язык)

Table 3. Reverse machine translation of an extract from a regional-level legislative text (from Russian into English and back into Russian)

Исходный фрагмент текста (475 слов, 4233 знака)	Обратный машинный перевод (446 слов, 3942 знака)
<p>Статья 2. Формы оказания областной государственной поддержки деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал</p> <p>Областная государственная поддержка деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал (далее – областная государственная поддержка), осуществляется органами государственной власти Иркутской области в следующих формах:</p> <p>1) информационная поддержка деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал;</p> <p>2) организационная поддержка деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал;</p> <p>3) финансовая поддержка деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал</p>	<p>Статья 2: Формы областной государственной поддержки деятельности, направленной на сохранение и улучшение уникальной экологической системы озера Байкал.</p> <p>Областная государственная поддержка деятельности по сохранению и улучшению уникальной экологической системы озера Байкал (далее – областная государственная поддержка) осуществляется органами государственной власти Иркутской области в следующих формах:</p> <p>1) информационная поддержка деятельности по сохранению и улучшению уникальной экологической системы озера Байкал;</p> <p>2) организационная поддержка деятельности по сохранению и улучшению уникальной экологической системы озера Байкал;</p> <p>3) финансовая поддержка деятельности по сохранению и улучшению уникальной экологической системы озера Байкал</p>

В актуализированных данных также обнаруживается неоднозначность смысла, которая реализуется в изменениях некоторых конструкций (*направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал – по сохранению и улучшению уникальной экологической системы озера Байкал; улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал – улучшение уникальной экологи-*

ческой системы озера Байкал и т. п.). Наблюдаются опущения слов *состояние, направленной*, что позволяет сократить общий объем документа без существенной потери смысла.

Следующим этапом анализа является определение схожести двух текстов с целью установления процента идентичности оригинала и обратного перевода (рис. 1, а, б).

Степень сходства между оригиналом и ОМП выше (87,65 %) при переводе федераль-

■ ■ ■ Сравнение схожести текстов

■ ■ ■ Сравнение схожести текстов

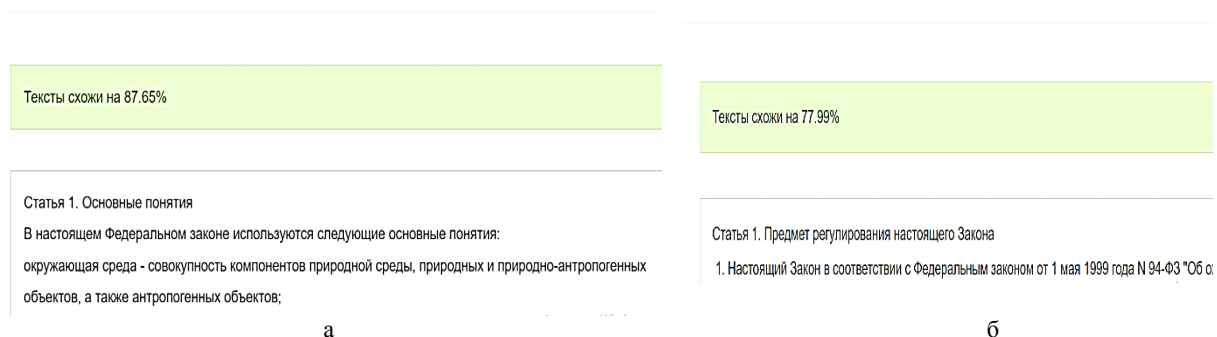

Рис. 1. Сравнение схожести текстов (ciox.ru):

а – обратный перевод текста федерального уровня; б – обратный перевод текста регионального уровня

Fig. 1. Comparing text similarities (ciox.ru):

a – reverse translation of the federal-level text; б – reverse translation of the regional-level text

ного закона. При сопоставлении двух правовых текстов регионального уровня после реверсивного перевода степень близости снижается (77,99 %). Представляется, что данные различия зависят от степени сложности, переводимости и типа переводимого документа (федеральный и региональный).

Далее, переходим от уровня текста к уровню лексем, которые выделяет вторая компьютерная программа (рис. 2, 3).

Вывод компьютерной программы: тексты разные. Обнаружены различающиеся фрагменты (53). Не совпадают такие лексемы, как *иные – другие, обеспечивающие – которые обеспечивают, защитное – охранный, обеспечения – удовлетворения, естественная экологическая система – природная экологическая система* и др. Жел-

тым цветом выделено то, что было в тексте изначально. Зеленым обозначены добавления в текст обратного перевода. Зачеркивания показывают расхождения (семантические сдвиги). Так, словосочетание *природоохранная деятельность* заменяется на фразу *охрана окружающей среды*. Известно, что термины *окружающая среда, природная среда, природный объект, природный ландшафт, природно-антропогенный объект* и мн. др. обладают смысловой неопределенностью, входят в большое количество синонимических рядов. Эти слова и словосочетания служат некими «пусковыми факторами» потенциальной языковой конфликтности и напряженности, так как их семантика достаточно широка и имеет многофункциональное наполнение.

Результат
сравнения:

Экспортировать в Word

Статья 1. Основные понятия

В настоящем Федеральном законе используются следующие основные понятия:

окружающая среда - совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов;

природная среда (далее также - природа) - совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов;

компоненты природной среды - земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и **иные другие** организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство,

обеспечивающие в совокупности **обеспечивают** благоприятные условия для существования жизни на Земле;

природный объект - естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства;

природно-антропогенный объект - природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) **объект**, созданный человеком **объект**, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и **защитное**

Рис. 2. Сопоставление оригинального текста и обратного машинного перевода

Fig. 2. Comparison of original text and reverse machine translation

Результат
сравнения:

Экспортировать в Word

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Закона

1. Настоящий Закон в соответствии с Федеральным законом от 1 мая 1999 года N 94-ФЗ "Об охране озера Байкал", Уставом Иркутской области устанавливает формы и условия **оказания** **предоставления** областной государственной поддержки деятельности, направленной на сохранение и улучшение **состояния** уникальной экологической системы озера Байкал - объекта **Всемирного** природного наследия и иных территорий, **входящих в пределы** экологически **зона** Байкальской природной территории (далее - озеро Байкал), **находящихся** **расположенных** на территории Иркутской области.

2. Действие настоящего Закона не распространяется на отношения, возникающие в связи с **оказанием** **предоставлением** органами государственной власти Иркутской области, иными государственными органами Иркутской области мер областной государственной поддержки некоммерческим организациям, осуществляющим социально ориентированную деятельность на территории Иркутской области, в соответствии с Законом Иркутской области от 8 июня 2011 года N 37-ОЗ "Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций".

Статья 2. **Формы** **оказания** областной государственной поддержки деятельности, направленной на сохранение и улучшение **состояния** уникальной экологической системы озера Байкал.

Областная государственная поддержка деятельности, **направленной на** **по** сохранение **и** улучшение **состояния** уникальной экологической системы озера Байкал (далее - областная государственная поддержка) осуществляется органами государственной власти Иркутской области в следующих формах:

1) информационная поддержка деятельности, **направленной на** **по** сохранение **и** улучшение **состояния** уникальной экологической системы озера Байкал;

2) организационная поддержка деятельности, **направленной на** **по** сохранение **и** улучшение **состояния** уникальной экологической системы озера Байкал;

3) финансовая поддержка деятельности, **направленной на** **по** сохранение **и** улучшение **состояния** уникальной экологической системы озера Байкал.

Статья 3. Информационная **поддержка** деятельности, **направленной на** **по** обеспечение деятельности **по** сохранение **и** улучшение **состояния** уникальной

Рис. 3. Сопоставление оригинального текста и обратного машинного перевода

Fig. 3. Comparison of original text and reverse machine translation

Вывод компьютерной программы: тексты разные. Имеются различающиеся фрагменты (116). Отметим несовпадающие лексемы: *оказания – предоставления, находящихся – расположенных, вопросы – проблемы, сведения – информация* и др. Представляется, что актуализированные различия выступают в качестве маркеров для измерения конфликтного потенциала текста с целью дальнейшей оценки напряженности в языковом сообществе.

Заключение

В результате проведенного исследования показаны возможности использования компьютерных программ для анализа и интерпретации юридических текстов с целью выявления смысловой неопределенности. Реверсивный перевод и сравнение схожести текстов правовых документов позволили обнаружить трансформации слов и конструкций, создающих зоны смысловой диффузии, при этом обнаружив различия текстов федерального и регионального законодательства. При обратном переводе текстов федерального уровня, как правило, наблюдается более высокая точность и близость к оригиналу, чем в случае реверсивного перевода региональных законодательных актов, а следовательно, меньшая конфликтность. Это связано с тем, что федеральные законы в подавляющем большинстве более стандартизированы и формализованы.

Семасиологический и конфликтологический аспекты проявления семантической неоднозначности обусловлены наличием определенной динамики лексических значений слов при обратном переводе. Употребление некоторых терминов дает возможность расширительного толкования обозначенных ими понятий.

Полученные результаты указывают на необходимость повышения ясности, понятности, однозначности юридической терминологии посредством разработки унифицированных определений федерального и регионального законодательства в целом и в сфере охраны окружающей среды в частности, составления рекомендаций по улучшению качества юридического языка. Дальнейшие исследования могут быть направлены на автоматизацию процесса анализа смысловой диффузии, создание

специализированных лингвистических инструментов для юридической экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голев Н. Д., 2018. Об использовании обратного машинного перевода в юрислингвистической практике (постановка проблемы) // *Современные тенденции развития науки / под ред. С. О. Гаврилова, Д. М. Бородулина. Кемерово : Кемер. гос. ун-т. С. 3–5.*
- Голев Н. Д., 2022. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода // *Вестник Кемеровского государственного университета. № 6 (94). С. 717–734. DOI: 10.21603/2078-8978-2022-24-6-717-734*
- Иркова А. В., 2024. Фактор дискурса в семантической неопределенности обратного машинного перевода медиатекстов // *Медиалингвистика. № 2. С. 209–223. DOI: 10.21638/spbu22.2024.204*
- Diaz M., 2024. How to Use ChatGPT. ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/how-to-use-chatgpt/>
- Habibzadeh F., 2023. GPTZero Performance in Identifying Artificial Intelligence-Generated Medical Texts: A Preliminary Study // *Journal of Korean Medical Science. № 38. P. 3–19. DOI: 10.3346/jkms.2023.38.e319*
- Hosseini M., Hosseini M., Javidan R., 2024. Leveraging Large Language Models for Clinical Abbreviation Disambiguation // *Journal of Medical Systems. Vol. 48, iss. 1. P. 1–16. DOI: 10.1007/s10916-024-02049-z*
- Jiang L., Zhuang Y., 2019. Non-Equivalence in Legal Translation // *Theory and Practice in Language Studies. Vol. 9, № 12. P. 1630–1634.*
- Kiklewicz A. K., 2007. *Zrozumiec jezyk. Szkice z filozofii jezyka, semantyki, Ingiwistyki komunikacyjnej. Lask : Oficyna Wydawnicza Leksem. 453 s.*
- Majumder S., Laully S., Nadejde M., Federico M., Dinu G., 2022. A Baseline Revisited: Pushing the Limits of Multi-Segment Models for Context-Aware Translation. URL: <https://arxiv.org/abs/2211.10906v2>
- Moneus A. M., Sahari Y., 2024. Artificial Intelligence and Human Translation: A Contrastive Study Based on Legal Texts // *Heliyon. Vol. 10, iss. 6. P. 1–14. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e28106*
- Nitu M., Dascalu M., 2024. Beyond Lexical Boundaries: LLM-Generated Text Detection for Romanian Digital Libraries // *Future Internet. Vol. 16, iss. 2. P. 1–31. DOI: 10.3390/fi16020041*
- O'Brien S., 2012. Translation as Human – Computer Interaction // *Translation spaces. Vol. 1, iss. 1. P. 101–122.*

- O'Hagan M., 2016. Translations Massively Open Translation: Unpacking the Relationship Between Technology and Translation in the 21st Century // *International Journal of Communication*. Vol. 10. P. 929–946.
- Sharifa H., 2024. Overview of the Problems of Equivalence in Translating Texts // *Periodica Journal of Modern Philosophy, Social Sciences and Humanities*. Vol. 29. P. 7–10.
- Vo C., Nguyen P., 2024. An Initial Study of Abbreviation Disambiguation in Vietnamese Clinical Texts // 18th International Conference on Ubiquitous Information Management and Communication (03–05 January 2024). Malaysia : IMCOM. P. 1–8.
- Tahseen W. M., Hussein S. H., 2024. Investigating Machine Translation Errors in Rendering English Literary Texts into Arabic // *Integrated Journal for Research in Arts and Humanities*. Vol. 4, № 1. P. 68–81. DOI: 10.55544/ijrah.4.1.11
- Yang C. Y., 2022. The Application of Artificial Intelligence in Translation Teaching // *ICIST '22: Proceedings of the 4th International Conference on Intelligent Science and Technology*. № 8. P. 56–60. DOI: 10.1145/3568923.3568933
- Development of Science]. Kemerovo, Kemer. gos. un-t, pp. 3-5.
- Golev N.D., 2022. Translyativnaya lingvistika (aspektualizirovanny obzor iskhodnykh polozheniy). Chast 1. Gnoseologiya perevoda [Translative Linguistics: An Aspectualized Review of Initial Provisions. Part 1. Gnoseology of Translation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 6 (94), pp. 717–734. DOI: 10.21603/2078-8978-2022-24-6-717-734
- Irkova A.V., 2024. Faktor diskursa v semanticheskoy neopredelennosti obratnogo mashinnogo perevoda mediatekstov [Discourse Factor of Semantic Uncertainty in Reverse Machine Translation of Media Texts]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 2, pp. 209–223. DOI: 10.21638/spbu22.2024.204
- Diaz M., 2024. *How to Use ChatGPT*. ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/how-to-use-chatgpt/>
- Habibzadeh F., 2023. GPTZero Performance in Identifying Artificial Intelligence-Generated Medical Texts: A Preliminary Study. *Journal of Korean Medical Science*, no. 38, pp. 3–19. DOI: 10.3346/jkms.2023.38.e319
- Hosseini M., Hosseini M., Javidan R., 2024. Leveraging Large Language Models for Clinical Abbreviation Disambiguation. *Journal of Medical Systems*, vol. 48, iss. 1, pp. 1–16. DOI: 10.1007/s10916-024-02049-z
- Jiang L., Zhuang Y., 2019. Non-Equivalence in Legal Translation. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 9, no. 12, pp. 1630–1634.
- Kiklewicz A.K., 2007. *Zrozumiec jezyk. Skice z filozofii jezyka, semanytki, lngiwistyki komunikacyjnej*. Lask, Oficyna Wydawnicza Leksem. 453 s.
- Majumder S., Laully S., Nadejde M., Federico M., Dinu G., 2022. *A Baseline Revisited: Pushing the Limits of Multi-Segment Models for Context-Aware Translation*. URL: <https://arxiv.org/abs/2211.10906v2>
- Moneus A.M., Sahari Y., 2024. Artificial Intelligence and Human Translation: A Contrastive Study Based on Legal Texts. *Heliyon*, vol. 10, iss. 6, pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e28106
- Nitu M., Dascalu M., 2024. Beyond Lexical Boundaries: LLM-Generated Text Detection for Romanian Digital Libraries. *Future Internet*, vol. 16, iss. 2, pp. 1–31. DOI: 10.3390/fi16020041
- O'Brien S., 2012. Translation as Human – Computer Interaction. *Translation Spaces*, vol. 1, iss. 1, pp. 101–122.
- O'Hagan M., 2016. Translations Massively Open Translation: Unpacking the Relationship

ИСТОЧНИКИ

- Закон Иркутской области от 10.11.2011 № 107-ОЗ «Об областной государственной поддержке деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал». URL: <https://irkutsk-pravo.ru/zakon/2011/11/10/n-107-oz/>
- Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/
- Сравнение текстов онлайн. URL: <http://text.num2word.ru/>
- Веб-инструмент для определения схожести двух текстов. URL: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts

REFERENCES

- Golev N.D., 2018. Ob ispolzovanii obratnogo mashinnogo perevoda v yurilingvisticheskoy praktike (postanovka problemy) [On the Use of Reverse Machine Translation in Legal Linguistic Practice (Statement of the Problem)]. Gavrilov S.O., Borodulin D.M., eds. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki* [Modern Trends in the

- Between Technology and Translation in the 21st Century. *International Journal of Communication*, vol. 10, pp. 929-946.
- Sharifa H., 2024. Overview of the Problems of Equivalence in Translating Texts. *Periodica Journal of Modern Philosophy, Social Sciences and Humanities*, vol. 29, pp. 7-10.
- Vo C., Nguyen P., 2024. An Initial Study of Abbreviation Disambiguation in Vietnamese Clinical Texts. *18th International Conference on Ubiquitous Information Management and Communication (03–05 January 2024)*. Malaysia, IMCOM, pp. 1-8.
- Tahseen W.M., Hussein S.H., 2024. Investigating Machine Translation Errors in Rendering English Literary Texts into Arabic. *Integrated Journal for Research in Arts and Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 68-81. DOI: 10.55544/ijrah.4.1.11
- Yang C.Y., 2022. The Application of Artificial Intelligence in Translation Teaching. *ICIST '22: Proceedings of the 4th International Conference on Intelligent Science and Technology*, no. 8, pp. 56-60. DOI: 10.1145/3568923.3568933

SOURCES

- Zakon Irkutskoy oblasti ot 10.11.2011 № 107-OZ «Ob oblastnoy gosudarstvennoy podderzhke deyatel'nosti, napravlennoy na sokhranenie i uluchshenie sostoyaniya unikalnoy ekologicheskoy sistemy ozera Baykal»* [Law of the Irkutsk Region of November 10, 2011, No. 107-OZ “On Regional State Support for Activities Aimed at Preserving and Improving the Condition of the Unique Ecological System of Lake Baikal”]. URL: <https://irkutsk-pravo.ru/zakon/2011/11/10/n-107-oz/>
- Federalnyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchey sredy»* [Federal Law of January 10, 2002, No. 7-FZ “On Environmental Protection”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/
- Sravnenie tekstov onlayn* [Compare Texts Online]. URL: <http://text.num2word.ru/>
- Web-instrument dlya opredeleniya skhozhesti dvukh tekstov* [Web Tool for Determining the Similarity of Two Texts]. URL: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts

Information About the Authors

Nikolay D. Golev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ngolevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Anna V. Irkova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, a.irkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-9931>

Информация об авторах

Николай Данилович Голев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, ngolevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Анна Валентиновна Иркова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, a.irkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-9931>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.2>

UDC 811.161.1'42:32
LBC 81.055.1

Submitted: 01.07.2024
Accepted: 23.12.2024

REDUCTIONISM AS A COMMUNICATIVE TECHNIQUE OF PERSUASIVENESS IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE TALK SHOW “60 MINUTES”)

Nadezhda A. Samylicheva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Margarita M. Binshtein

HSE University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article characterizes reductionism as a communicative technique, which implements a communicative persuasion strategy in political discourse, viewed as a key goal of political interaction aimed at forming a certain public opinion. Based on the material of the Russian television political talk show “60 Minutes” issued in 2019–2024, the following types of reductionism: the semantic, stylistic, grammatical, and logical ones are described. It is revealed that this technique is explicated at different linguistic levels. In particular, at the lexical level the contents of utterance is simplified by means of generalizing metaphors and vocabulary with a broad meaning, the use of colloquial and slang vocabulary to create the effect of closeness to the audience. The implementation of grammatical reductionism is facilitated by the use of impersonal and passive constructions, which, by excluding the verbal actant, disclaim responsibility of specific referents. Logical simplification is achieved through selective citation, the construction of the opposition “own – alien”, appealing to statistical data and creation of vivid, but schematically simplified allegorical illustrations. The study showed that reducing the information, which is essential for understanding concepts, theories and their explanations, the actor inevitably models a unified socio-political situation in the utterance and proposes a vector for its comprehension by the audience.

Key words: political discourse, political talk show, speech influence, communicative technique, reductionism, persuasion strategy.

Citation. Samylicheva N.A., Binshtein M.M. Reductionism as a Communicative Technique of Persuasiveness in Political Discourse (Based on the Talk Show “60 Minutes”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 15-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.2>

УДК 811.161.1'42:32
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 01.07.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

РЕДУКЦИОНИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРИЕМ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОК-ШОУ «60 МИНУТ»)

Надежда Александровна Самыличева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Маргарита Михайловна Бинштейн

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье охарактеризован редуционизм как коммуникативный прием, реализующий в политическом дискурсе коммуникативную стратегию убеждения, которое представляет собой ключевую цель политического взаимодействия, направленного на формирование определенного общественного мнения. На материале выпусков российского телевизионного политического ток-шоу «60 минут» за 2019–2024 гг. описаны виды реду-

ционизма: семантический, стилистический, грамматический и логический. Установлено, что данный прием эксплицируется на разных уровнях. На лексическом уровне упрощение содержания высказывания достигается посредством обобщающих метафор и лексики с широким значением, разговорных и жаргонных единиц для создания эффекта близости с аудиторией. Реализации грамматического редуционизма способствует использование безличных и пассивных конструкций, за счет исключения приглагольного актанта снимающих ответственность с конкретных референтов. Логическое упрощение обеспечивается выборочным цитированием, конструированием оппозиции «свои – чужие», апелляцией к статистическим данным и созданием ярких, но схематично упрощенных аллегорических иллюстраций. Результаты исследования показали, что, редуцируя существенную для понимания концепции, теорий и их объяснения информацию, актор неизбежно моделирует в своем высказывании унифицированную общественно-политическую ситуацию и задает вектор ее восприятия аудиторией.

Ключевые слова: политический дискурс, политическое ток-шоу, речевое воздействие, коммуникативный прием, редуционизм, стратегия убеждения.

Цитирование. Самыlicheva Н. А., Бинштейн М. М. Редуционизм как коммуникативный прием убеждения в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 15–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.2>

Введение

В настоящее время человек видит мир через призму средств массовой информации: прессы, телевидения, социальных сетей. Следовательно, он находится под постоянным давлением в условиях активной популяризации чужих мнений и оценок. Лидирующую позицию среди современных медийных средств социального и политического информирования занимает политическое ток-шоу, которое представляет собой отражение актуальных событий посредством трансляции дискуссионного обсуждения, проводимого между гостями и экспертами телевизионных студий. Особенности политического ток-шоу обусловлены его аналитической направленностью: в нем актуализируются различные виды информирования, такие как представление аргументированных рассуждений экспертов, анализ злободневных событий, личные выводы, формирование определенного общественного настроения. Данный телевизионный жанр позволяет зрителям лучше понять сложные политические процессы и принять обоснованные решения при выборе собственной точки зрения. Ключевой целью политической дискуссии в ток-шоу становится убеждение, проявляющееся в изменении поведения реципиента или укреплении установок через общение. Успешность производимого прагматического эффекта обеспечивается разнообразными языковыми средствами и приемами, в частности коммуникативным приемом редуционизма, основанного «на минимизации призна-

ков, включаемых в значение» [Стернин, Рудакова, 2011, с. 12].

Тенденция к редуционизму, наблюдаемая в политическом дискурсе, обусловлена абсолютизацией тех или иных моментов социокультурной реальности и способов ее отображения. Поскольку построение политического диалога напрямую связано с особенностями интерпретации различных смыслов, то зачастую политическая речь направлена на конструирование предмета сообщения таким образом, «чтобы в нем отражалось некоторое заданное индивидуальное мировидение, содержащее индивидуально-авторскую оценку и отличающееся от других возможных интерпретаций и представленное как единственно допустимое (истинное)» [Беляевская, 2015, с. 6]. При интерпретации информации декодируются дополнительные латентные смыслы, в зависимости от целей говорящего происходит тенденциозный отбор фактов и их редукция. Поскольку в политическом дискурсе смысловое содержание сообщения должно быть выстроено так, чтобы, по словам Е.Г. Беляевской, «передавать не только фактическую информацию, но и авторское видение предмета сообщения и авторское отношение к предмету сообщения» [Беляевская, 2015, с. 7], то в качестве организующей концептуальной структуры может выступать «схематизированное представление о предмете сообщения, отражающее его авторскую интерпретацию» [Беляевская, 2015, с. 7]. Применяемая для этого редукция текста проявляется в современной политической коммуникации в исклю-

чении альтернатив и неконкретизированности суждений: «Нужные для реализации авторского замысла факты выдвигаются на передний план (поверхностный уровень текста), а то, что противоречит этим фактам игнорируется, элиминируется» [Руженцева, 2016, с. 173]. Реализация данного приема направлена на то, чтобы адресат воспринимал материал без глубокого критического анализа и внутреннего осмысления, соглашаясь с позицией говорящего, следовательно, установка на упрощение обладает потенциалом для формирования мнений, поскольку позволяет говорящему в своем выступлении моделировать общественно-политическую ситуацию: «Опыт стандартизации ситуаций ритуализирует мышление и поведение человека, отражается в его речевых стереотипах, позволяет прогнозировать его возможные речевые стратегии и тактики» [Желтухина, 2003, с. 60].

Тенденция к сжато изложению информации в политическом дискурсе отмечается многими лингвистами [Руженцева, 2004; Чудинов, 2009; Иссерс, 2011; Беляевская, 2015; Гальчук, 2021; и др.]. Например, О.С. Иссерс рассуждает о том, что «сама по себе категория редукции в общенаучном понимании рассматривается как один из эффективных приемов осмысления действительности, а... условные полюса редукции могут быть обозначены как простое и сложное» [Иссерс, 2011, с. 58]. Использование редукции в политическом дискурсе оправдано в ситуации, когда необходимо упрощенно объяснять неподготовленной аудитории сложные проблемы: прием редукции «способствует ориентации в многообразии явлений действительности, получению новых знаний, созданию условий для появления догадки, связанной с тем, что решение какой-либо проблемы становится более прозрачным, когда она представлена в схематизированном, упрощенном виде, без усложняющих общую картину деталей» [Миринова, 2003, с. 10]. От участников политической коммуникации требуется владение специфическими знаниями: статистическими и историческими данными, специальной терминологией и политической теорией, актуальной информацией и т. д., позволяющими эксперту провести обоснованный и профессиональный

анализ рассматриваемой ситуации. Однако аудитория как объект информационного воздействия, в свою очередь, также обуславливает специфику общения. Отвечая на вопрос о роли редукции в политическом дискурсе, лингвистам необходимо учитывать, что выбор говорящим вербальных и невербальных средств убеждения зависит от степени подготовленности аудитории: редукция сложных фактов позволяет выразить мысль в удобной и понятной форме для предельно широкого круга людей. Необходимость простого и ясного выражения мыслей хорошо понимают и сами участники политического диалога, в частности, ведущие и эксперты политического ток-шоу «60 минут»: *я не буду говорить сложным языком* (60 минут. 19.09.2019); *опустим ненужные подробности* (60 минут. 19.09.2019); *буду краток, скажу о главном* (60 минут. 29.07.2020). С этой точки зрения редукционизм следует рассматривать как важнейший прием адаптации специфической информации для обеспечения понимания в разных аудиториях.

В данной статье мы ставим цель выявить прагматический потенциал редукционизма в рамках политического ток-шоу, понимая его, прежде всего, как прием речевого убеждения, реализующийся через игнорирование говорящим одного из аспектов анализируемой ситуации, предоставление информации не в полном виде, уменьшении или преувеличении значения каких-либо фактов.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили фрагменты диалогических и монологических выступлений ведущих и участников ежедневного политического ток-шоу «60 минут» (2019–2024 гг.). Критериями при выборе телепередачи стали широкий спектр обсуждаемых тем, наличие наиболее распространенных дискурсивных особенностей политического ток-шоу, таких как активная роль ведущего, информативно-развлекательный характер, ориентированность на зрителя и т. д. По результатам предварительного анализа для детального изучения были отобраны восемь выпусков, общая продолжительность которых составила 9 часов 34 минуты 34 секунды (выпуски

от 01.02.2019, 19.09.2019, 11.09.2020, 03.04.2020, 29.07.2020, 25.09.2020, 24.12.2021, 06.05.2024).

Исследование проведено с применением методов функционально-прагматического, семантического и контекстуального анализа, а также метода анализа пропозиций.

Результаты и обсуждение

Использование редукционизма в политическом дискурсе предполагает «реализацию речевого воздействия над массовым сознанием, при этом позиция автора выявляется посредством анализа разноуровневых языковых средств» [Рахимбергенова, 2008, с. 6]. Как отмечает И.А. Стернин, на основе общей функции убеждения можно выделить редукционизм следующих типов: стилистический, семантический, грамматический, логический, суть которого заключается в представлении набора логически осмысленных признаков, позволяющих отразить сущность анализируемого феномена [Стернин, Рудакова, 2011, с. 12].

Основой стилистического редукционизма является полуинституциональный характер политических ток-шоу, поскольку они демонстрируют совокупность характеристик, связанных как с непринужденной беседой, так и с институциональным общением [Pie, 2001, р. 240]: речь экспертов ток-шоу стилистически неоднородна, часто содержит слова разговорного стиля, жаргонизмы, просторечие и т. д., но при этом ток-шоу транслируются на национальных телеканалах, организованный в них коммуникативный процесс регулируется определенными правилами и ограничениями, а темами обсуждения в телеэфире становятся серьезные политические вопросы, события, влияющие на мировую политику. Другими словами, средства массовой коммуникации удовлетворяют поверхностный интерес адресата в условиях, когда отсутствует необходимость углубляться в детали анализируемого события. Предельно упрощенное толкование событий ведет к тому, что политическое общение характеризуется меньшей официальностью и большей непринужденностью. В качестве примера приведем фрагмент выступления Игоря Коротченко, российского журналиста и политического эксперта:

(1) Что касается **Байдена – человек путает жену с сестрой. Вдруг он перепутает кнопку ядерного чемоданчика с ручкой собственного унитаза?** (60 минут. 29.07.2020).

Сниженная направленность высказываний эксперта связана с упрощенным шутилым предположением о том, что референт не в состоянии отличить *кнопку ядерного чемоданчика* от ручки *собственного унитаза*, что имплицитно свидетельствует о его профессиональной некомпетентности (гротеск способствует доведению ситуации до крайности, используется неуместная для политического дискурса лексема *унитаз*, через которую актер приближает коммуникацию к бытовому диалогу).

Исследуя лексические средства, участвующие в реализации редукционизма, мы приходим к выводу, что наиболее продуктивным из них, позволяющим создать упрощенную картину мира, оказывается метафора. Через метафорическую модель между двумя понятийными сферами устанавливается связь, вызывающая определенные ассоциации в сознании носителей языка: «При таком моделировании обычно сохраняются и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волеву сферу (адресата. – Н. С., М. Б.) в процессе коммуникативной деятельности» [Чудинов, 2004, с. 94]. Примером упрощения политической ситуации с помощью использования метафоры является отрывок из выступления российского политического эксперта Андрея Григорьева:

(2) Но вот существуют такие пазлы – большие картинки. И если там не хватает одной части, то картинки как бы нет. **А теперь вот эти пазлы сложились.** Они как раз переориентировали операцию на то, чтобы расстроить российско-белорусские отношения (60 минут. 11.09.2020).

В выступлении оратора политическая ситуация уподобляется пазлу (настольной игре), в котором пропущена одна деталь – отсутствующим фрагментом становится информация о действиях представителей других государств. Посредством метафоры выражается имплицитная информация о том, что референт высказывания перестал скрывать свои намерения (*эти пазлы сложились*). Так,

редукция в приведенном примере способствует упрощенному изложению и представлению событий в понятном для аудитории виде.

Примером использования метафорической модели, стандартизирующей описываемое событие, можно считать комментарий Владимира Жириновского об особенностях транспортировки российского газа и нефти в Европу:

(3) Когда вам дают что-то: газ или нефть – это **наркотик, а нужна еще доза и еще выше, пока не захлебнетесь, пока не задохнетесь... Вся ваша промышленность, вся Европа на нашем русском газе** (60 минут. 19.09.2019).

Через развернутый метафорический образ (мотивирующие лексемы *наркотик, доза*) происходит понижение статуса объекта описания: получаемые европейскими государствами энергоресурсы уподобляются наркотику, через лексическую единицу актуализируется значение 'вызывающий привыкание', утверждается зависимое положение европейских государств. Повторение определительного местоимения *вся* становится дополнительным средством убеждения, поскольку делает для аудитории очевидной мысль о том, что страны Запада не способны справиться без российского газа.

Предпосылкой для эффективной реализации логического редукционизма является создание поляризованной модели мира. Так, в рассмотренных выше примерах социально-политические отношения между разными государствами конструируются по модели «свой – чужой», суть которой заключается в упрощении сложной системы взаимоотношений. При этом активное применение оппозиции «свой – чужой» в речи участников политических ток-шоу, с когнитивной точки зрения, может быть обусловлено такими чертами русского менталитета как «тенденция к крайностям, к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовь к компромиссам. В нашей политической жизни это проявляется в виде однозначных, лишенных оттенков и нюансов характеристик: свой или чужой, правильный или неверный, хорошо или плохо, патриотизм или космополитизм» [Чудинов, 2012, с. 58]. Эксперты и ведущие политических ток-шоу описывают реальность сквозь призму данной оппозиции, и любое действие или лицо, обсуждаемое в политической коммуникации, по-

падает под формальную шкалу оценок «своих» (правильных) и «чужих» (неправильных). Противопоставление «своих» и «чужих» оказывается важным конструктивным приемом при проведении коммуникативных стратегий, направленных на усиление позиций представителей круга «своих», что иногда реализуется на контрасте с противоположной группой. Схематичное деление на «своих» и «чужих», а также сгущение позитивных или негативных смыслов стоит рассматривать как коммуникативный прием, поскольку через данную оппозицию сложные факты и аргументы, вопросы и проблемы легко заменяются понятными тезисами.

Грамматический редукционизм успешно применяется в ситуации, когда говорящему необходимо скрыть объект обвинения, для этого в речи используются безличные конструкции, конструкции со страдательным залогом, а также лексические единицы с широким значением, потенциально включающие в себя большую группу участников. Для экспликации безличного обвинения говорящий описывает трагические события и негативные последствия, но при этом исключает из ситуации объект критики. Раскрываемая мысль в таких случаях не соотносится с каким-то конкретным лицом, а точка зрения одного человека или ограниченной группы становится образцом общественного объективного мнения. Редукция текста позволяет выразить отрицательную оценку и воздействовать на эмоциональное состояние аудитории, так как характер повествования с опущенным лицом кажется более беспристрастным.

Примером удачного применения редукционизма при реализации безличного обвинения является выступление политического журналиста Дмитрия Галкина:

(4) Если мы заметим, что вот зимой еще **американская стратегия** была совершенно иная. Она **была направлена** на привлечение белорусского руководства и на постепенное его втягивание в сферу влияния США. И все это **создавалось и решалось** на государственном уровне... И это было историческое событие, которое **подавалось** также и белорусским СМИ (60 минут. 11.09.2020).

В анализируемом фрагменте референт выражен косвенно с помощью словосочета-

ния *американская стратегия*, однако крайне сложно определить, кем разрабатывалась данная стратегия, поскольку прилагательное *американский* имеет предельно широкое значение ‘относящийся к нации и основному населению Соединенных Штатов Америки’ (МАС, т. 1, с. 35). В выступлении эксперта не называются конкретные имена, отсутствуют глагольные формы действительного залога. В контексте использованы грамматические конструкции, в которых наблюдается редукция приглагольных актантов: составное именное сказуемое *была направлена*, бракованное сочетанием вспомогательного глагола *быть* с последующим присоединением краткого причастия страдательного залога (*направлена*), при этом в нем отсутствует синтаксическое и лексическое указание на производителя действия; за счет употребления безличных глаголов *создавалось*, *решалось*, *подавалось* скрывается объект обвинения и события в речи политического журналиста представляются производимыми без участия какого-либо лица.

В политических ток-шоу эллиптичность часто является реализацией тенденции к экономии языковых усилий: поскольку речь в публицистическом стиле приближена к разговорной, то усечение и пропуск компонентов словесной цепочки становится естественным следствием специфики устной речи. В результате этого для адресата-зрителя не составляет труда восполнить отсутствующие элементы. Однако специалисту, проводящему анализ политического дискурса, важно отличать естественную редукцию текста от случаев намеренного умолчания, например, когда пропуск некоторых элементов высказывания обусловлен стремлением спровоцировать аудиторию на «публицистическое сотворчество», предполагающее завершение мысли за оратором. Другими словами, истинный смысл дискурсивности публицистического текста заключается в том, «чтобы авторский посыл был принят аудиторией и осмыслен. Спровоцировать со-размышление – вот существенная задача публицистической коммуникации» [Тулупова, 2008, с. 14]. В качестве примера «со-размышления» приведем фрагмент выступления Ольги Скабеевой, в котором афористическое высказывание является началом

поговорки *У кого, что болит, тот о том и говорит*:

(5) У Никулина свои фантазии – **у кого, что болит**. Вас кто-то укусил: вы из центра депрессии превратились в центр оптимизма (60 минут. 03.04.2020).

Выражение *у кого, что болит* означает, что тема, о которой постоянно говорит человек, больше всего волнует / касается его самого, то есть подобная незаконченность устойчивого словосочетания позволяет имплицитно указать на ошибки оппонента и увести критику от личности актора. Стратегия убеждения реализуется в анализируемом примере благодаря наличию у говорящего и аудитории общей апперцепционной базы, что оказывается важным условием для достижения коммуникативной успешности.

Высказыванием, требующим от аудитории подготовленности, становится следующий речевой фрагмент:

(6) Виктор Федорович, **вам шашечки или ехать?** Подождите, **вам газ дешевый или позицию крепкую?** (60 минут. 01.02.2019).

Употребление синтаксического параллелизма (*вам шашечки или ехать? ...вам газ дешевый или позицию крепкую?*) позволяет ведущей провести аналогию между анекдотической ситуацией (крылатая фраза *вам шашечки или ехать?* употребляется в значении ‘получить либо желаемый результат, либо соблазна формальности’) и реальными событиями, когда перед людьми стоит выбор из двух противоположностей: действительной пользы и номинального статуса.

В политическом дискурсе логический редукционизм успешно применяется в случаях приведения аргументации, воздействующей на эмоциональную сферу адресата. Одним из эффективных аргументативных средств является цитирование. Поскольку редукционизм предполагает «селекцию» информации, тенденциозный выбор только положительных или только отрицательных фактов, то в политической коммуникации при помощи цитаты, средства компрессии текста и сегментированного способа передачи смысла, говорящий не столько стремится к точности подачи предлагаемой реципиенту информации, сколько к

формированию «контекстуальной когнитивной модели, направленной на формирование оценочности текста» [Беляевская, 2015, с. 10–11]. При этом, как отмечает Т.Б. Радбиль, «подлинная языковая оценочность должна быть имплицитной, потому что только в этом случае носители языка облигаторно, “по умолчанию”, выражают тот или иной ценностный смысл, принимая его на веру, не рефлексивная и не задумываясь» [Радбиль, 2023, с. 173–174].

Особое внимание при анализе текстов политического дискурса уделяется атрибуции и доказательности, то есть «взаимодействию прямо цитируемых или косвенно сообщаемых высказываний, которые авторы используют для приписывания точек зрения и версий событий различным внешним источникам... материалы которых в значительной степени ограничены» [Cavaliere, 2018, p. 343]. Следовательно, редукционизм проявляется в адаптации «чужого высказывания», сочетающей в себе элементы цитирования и исключения отдельных смысловых компонентов.

Например, российский политический деятель Николай Стариков цитирует слова американского коллеги не только с информационной целью сообщения объективных сведений, но с целью апеллирования к чувствам и эмоциям аудитории:

(7) Интересно, как это комментирует представитель белого дома. Он вообще уходит от подробностей, он говорит, цитата: «Ответственность за напряженность лежит на России» (60 минут. 24.12.2021).

В высказывании источник цитирования не может восприниматься адресатом-зрителем позитивно, поскольку предстает в качестве лица, неоправданно обвиняющего российское государство. Данная позиция приписывается политическому оппоненту на основании редуцированных сведений, приведенных в цитате. Сама лексема *цитата* указывает на дословность воспроизводимого текста и придает речи эксперта достоверность.

Логический редукционизм проявляется в доведении ситуации до абсурда, оценочной иллюстрации событий. Подобный вид аргументирования следует отнести к экземплификации, представляющей собой аргумент

«в пользу доказываемого тезиса, демонстрирующий применимость тезиса к конкурентному случаю из имеющегося множества таких случаев» [Баранов, 2020, с. 260]. Одним из продуктивных средств реализации стратегии убеждения с помощью реализации логического редукционизма является приведение наглядных примеров. Например, Николай Стариков дает следующую образно-схематичную иллюстрацию событий с целью придания своей речи обоснованности:

(8) Да. Что он отвечает? Он отвечает: «Это не соответствует действительности», а его спрашивают: «Если там химикаты, если там частные американские компании?». Мне это знаете, вот, такая ситуация представляется... В магазине солидно одетый мужчина кладет что-то себе в карман, к нему подходят и говорят: «Дорогой господин, вы там что-то себе в карман положили». Он говорит: «Вы знаете, я так люблю Достоевского». «Подождите, причем тут это? Вы положили в карман или нет? Опасно это, это нарушение закона». «Вы знаете, сегодня в Москве очень низкая температура». То есть ответ не по существу, уход в сторону (60 минут. 24.12.2021).

Говорящий указывает на противоречивость заявлений оппонента, проводя аналогию между речью американского политолога и героя воображаемой ситуации. Создание гротескного портрета человека, отвечающего на вопросы, которые ему не задавали, позволяет эксперту доказать неправоту коммуникативного противника, выставив его некомпетентным. В выступлении эксперта образность заменяет реальные факты и логические суждения, «конкретный случай» – это умышленно упрощенный вымысел, карикатурно изображающий поведение политического лица. Итак, данный вид аргументации представляет собой убеждение адресата через оперирование вымышленными фактами, также подобная речь часто приобретает иронический оттенок.

Редукционизм наблюдается и при использовании аргументов, отсылающих к статистическим данным. Поскольку в речи экспертов политического ток-шоу количественные показатели представляются объективными и строгими фактами, придающими эффект достоверности, то можно говорить о том, что применение количественных данных в политическом дискурсе

становится средством убеждения, подтверждающим точку зрения говорящего. Например, в следующих контекстах статистические сведения усиливают у аудитории впечатление достоверности:

(9) Евгений Попов: Данный актив в 2014 году обеспечивал **до 85 %** потребности в пресной воде, а в августе этого года пересохли четыре речки, а в водохранилище осталось **порядка 20 %** воды (60 минут. 25.09.2020);

(10) Александр Малькевич: **51 %** опрошенных считают, что Трамп невменяем и не может занимать пост президента, про Байдена то же самое думают **52 %** избирателей. Опрос проводился в **шести** ключевых штатах, результаты в которых сильно повлияют на исход президентских выборов (60 минут. 11.09.2020);

(11) Александр Шпаковский: Поставки из России составляют **30–40 %** от общего объема поставок в Европу, и они снизились на **20 %** по сравнению с объемами до начала пандемии (60 минут. 24.12.2021).

Заметим, что в приведенных фрагментах внимание аудитории фокусируется на отдельных количественных сведениях, при этом по-настоящему оценить статистические данные могут лишь эксперты, а не рядовые зрители. Отсутствует широкий контекст, позволяющий понять истинное значение приведенных статистических данных, а потому адресату практически невозможно определить, насколько искажены факты или велики / малы числовые показатели.

Заключение

Редукционизм в политическом дискурсе способствует не только простоте и ясности выражения мысли, но и утрированию, схематичному изображению событий, что нередко применяется как коммуникативный прием. Результаты анализа языковых средств, используемых при моделировании политической реальности, позволили утверждать, что в речевом поведении участников и ведущих политических ток-шоу редукционизм играет доминирующую роль. Этот прием реализуется на различных уровнях: лексическом, посредством использования метафор и лексики с широким значением; стилистическом через применение разговорной и жаргонной лекси-

ки; грамматическом с использованием безличных и пассивных конструкций; логическом путем цитирования, формирования оппозиции «свой – чужой», апелляции к статистическим данным и создания наглядных образных иллюстраций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 2020. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М. : Флинта. 591 с.
- Беляевская Е. Г., 2015. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (44). С. 5–13. DOI: 10.20916/1812–3228
- Гальчук Д. С., 2021. Стратегии и тактики речевого воздействия Д. Трампа (на материале постов об иммиграционном кризисе на южной границе США) // Политическая лингвистика. № 4 (88). С. 29–34. DOI: 10.26170/1999-2629-2021-04-03
- Желтухина М. Р., 2003. Топологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Волгоград : ВФ МУПК. 654 с.
- Иссерс О. С., 2011. Речевое воздействие. М. : Флинта. 223 с.
- Миронова П. О., 2003. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 23 с.
- Радбиль Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- Рахимбергенова М. Х., 2008. Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически «чужого» в российской прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 24 с.
- Руженцева Н. Б., 2004. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 294 с.
- Руженцева Н. Б., 2016. Гибридность как дискурсивный феномен: к вопросу о стратегическом блокировании нежелательных политических представлений // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. С. 171–175.

- Стернин И. А., Рудакова А. В., 2011. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing. 192 с.
- Тулупова К. В., 2008. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 16 с.
- Чудинов А. П., 2004. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. Языкознание и литературоведение. № 1 (001). С. 91–105.
- Чудинов А. П., 2009. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 292 с.
- Чудинов А. П., 2012. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. № 2 (40). С. 53–59.
- Cavaliere F., 2018. Discursive Mechanisms of News Media – Investigating Attribution and Attitudinal Positioning // Russian Journal of Linguistics. Vol. 22, № 2. P. 338–356. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-338-356
- Ilie C., 2001. Semi-Institutional Discourse. The Case of Talk Shows // Journal of Pragmatics. № 33. P. 209–254. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00133-2
- Galchuk D.S., 2021. Strategii i taktiki rechevogo vozdeystviya D. Trampa (na materiale postov ob immigratsionnom krizise na yuzhnoy granitse SShA) [Strategies and Tactics of D. Trump’s Speech Influence (Based on Posts About the Immigration Crisis on the Southern Border of the United States)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4 (88), pp. 29-34. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_03
- Zheltukhina M.R., 2003. *Topologicheskaya suggestivnost mass-medialnogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI* [Topological Suggestivity of Mass-Media Discourse: On the Problem of Speech Impact of Tropes in the Language of the Media]. Volgograd, VF MUPK. 654 p.
- Issers O.S., 2011. *Rechevoe vozdeystvie* [Speech Impact]. Moscow, Flinta Publ. 223 p.
- Mironova P.O., 2003. *Strategiya reduksionizma v sovremennom politicheskom diskurse: kognitivno-pragmaticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Strategy of Reductionism in Modern Political Discourse: Cognitive-Pragmatic Aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 23 p.
- Radbil T.B., 2023. Yazykovoe voploshchenie tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-khoroshemu) [Linguistic Embodiment of Values in the Internet Media Discourse According to the Corpus Analysis of Representative Contexts (Lexeme po-khoroshemu)]. *Nauchnyy dialog*, no. 6, pp. 170-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- Rakhimbergenova M.Kh., 2008. *Lingvokognitivnye strategii otrazheniya obraza etnicheski «chuzhogo» v rossiyskoy presse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lingvocognitive Strategies for Reflecting the Image of the Ethnically “Foreign” in the Russian Press. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg. 24 p.
- Ruzhenceva N.B., 2004. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 294 p.
- Ruzhentseva N.B., 2016. Gibridnost kak diskursivnyy fenomen: k voprosu o strategicheskom blokirovanii nezhelatelnykh politicheskikh predstavleniy [Hybridity as a Discursive Phenomenon: On the Issue of Strategic Blocking of Undesirable Political Ideas]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Linguistics:

ИСТОЧНИК

60 минут – Политическое ток-шоу «60 минут». 2019–2024. URL: <https://60minut.net/>

СЛОВАРЬ

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.

REFERENCES

- Baranov A.N., 2020. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic Examination of Text: Theoretical Foundations and Practice]. Moscow, Flinta Publ. 591 p.
- Belyaevskaya E.G., 2015. Mediyunnyy diskurs: kognitivnye modeli interpretatsii sobytiya (na materiale angliyskogo yazyka) [Media Discourse: Cognitive Models of Event Interpretation (Based on the Material of the English Language)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3 (44), pp. 5-13. DOI: 10.20916/1812-3228

- Problems, Methodology, Aspects of Research and Prospects for the Development of the Scientific Direction]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, pp. 171-175.
- Sternin I.A., Rudakova A.V., 2011. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye* [Psycholinguistic Meaning of the Word and Its Description]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing. 192 p.
- Tulupova K.V., 2008. *Sovremennyye tendentsii funktsionirovaniya publicisticheskogo teksta: diskursivnyy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Trends in the Functioning of a Journalistic Text: Discursive Aspect. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Voronezh. 16 p.
- Chudinov A.P., 2004. Kognitivno-diskursivnoye issledovaniye politicheskoy metafory [Cognitive-Discursive Study of Political Metaphor]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki. Yazykoznanie i literaturovedeniye* [Questions of Cognitive Linguistics], no. 1 (001), pp. 91-105.
- Chudinov A.P., 2009. *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern Political Communication]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 292 p.
- Chudinov A.P., 2012. Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive Characteristics of Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (40), pp. 53-59.
- Cavaliere F., 2018. Discursive Mechanisms of News Media – Investigating Attribution and Attitudinal Positioning. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 2, pp. 338-356. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-338-356
- Ilie C., 2001. Semi-Institutional Discourse. The Case of Talk Shows. *Journal of Pragmatics*, no. 33, pp. 209-254. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00133-2

SOURCE

Politicheskoye tok-shou «60 minut» [Political Talk Show “60 Minutes”]. 2019–2024. URL: <https://60minut.net/>

DICTIONARY

Yevgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.

Information About the Authors

Nadezhda A. Samylicheva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, nasa85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7072-8863>

Margarita M. Binhstein, Lecturer, Department of Fundamental and Applied Linguistics, HSE University, Nizhny Novgorod, Russia, b.rita@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2005-3971>

Информация об авторах

Надежда Александровна Самыличева, кандидат филологических наук, доцент Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, nasa85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7072-8863>

Маргарита Михайловна Бинштейн, преподаватель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, b.rita@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2005-3971>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.3>

UDC 81'25:070
LBC 81.18

Submitted: 21.05.2024
Accepted: 25.11.2024

TRANSLATION OF PERIODICAL TITLES AS A REFLECTION OF THE CURRENT DYNAMICS IN TRANSLATION STRATEGIES¹

Anastasia A. Politova

Soochow University, Suzhou, China

Abstract. The article explores translation as a means of communication and a tool for shaping the transmitting linguistic culture's narrative in the receiving linguaculture. The subject of the study is communicative, or translation, strategies aimed at transmitting the content expressed with the source language into culturally another linguistic system, retaining cultural and linguistic distinction. The study focuses on Russian and Chinese translations of periodical titles. Additionally, translations of periodical titles between Chinese and five European languages, namely English, French, German, Spanish, and Polish, are chosen as the supplemented material to ensure validity of research outcomes. The analysis revealed that non-mediated translation, i.e., bypassing intermediary languages, is the dominant principle in the translation of Chinese periodical titles used by Russian newspapers. Russian editions of China-governed newspapers have adopted it since the second half of 2022. The comparison of the translation strategies between Chinese and European languages manifested serious divergence: the periodical titles are translated into Chinese through the Cooperation Principle, or domestication, while the translations from Chinese into English, French, German, Spanish, and Polish tend toward the Non-Cooperation Principle, or foreignization; owing to it Chinese periodical titles preserve their linguistic identity when being rendered in other languages. The paper argues that the discovered tendencies stem, firstly, from the language policies of the countries that use the researched languages as their official languages; secondly, from the openness of languages to phonetic borrowings, which affects the semantic transparency of periodical titles in translation; thirdly, from the construction of a stable Chinese media narrative in other languages' environment.

Key words: periodical title, communicative strategy, translation, translation strategy, domestication, foreignization.

Citation. Politova A.A. Translation of Periodical Titles as a Reflection of the Current Dynamics in Translation Strategies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 25-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.3>

УДК 81'25:070
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 21.05.2024
Дата принятия статьи: 25.11.2024

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА¹

Анастасия Алексеевна Политова

Сучжоуский университет, г. Сучжоу, Китай

Аннотация. Статья посвящена изучению перевода как средства коммуникации и формирования в принимающей лингвокультуре нарратива передающей лингвокультуры. Предметом исследования стали коммуникативные, или переводческие, стратегии, направленные на передачу содержания, выраженного средствами одного языка, в лингвокультурную систему другого при сохранении самобытности исходной культуры и языка. Объектом исследования избраны названия периодических изданий и их переводы с китайского языка на русский и с русского на китайский. Для повышения достоверности результатов работы привлечены переводы названий периодических изданий между китайским и другими европейскими языками (английским, французским, немецким, испанским и польским). Установлено, что при переводе названий периодических изданий Китая с китайского языка на русский в российских газетах в качестве доминирующего регулярно используется принцип непосредственного перевода, в русскоязычных версиях китайских газет принцип перевода без использования языка-посредника проявился со второй половины 2022 года. В результате сопоставления стратегий перевода с китайского на европейские языки и с европейских языков на китайский выделены значительные расхождения. При переводе названий европейских периодических изданий на китайский язык наблюдается использование принципа сотрудничества, или стратегии доместикации. В переводе китайских названий на европейские языки отмечается формирование тенденции к использованию принципа отказа от сотрудничества, или стратегии форенизации, что позволяет сохранить в переводе языковую идентичность названий китайских периодических изданий. Утверждается, что специфика выбора переводческих стратегий обусловлена, во-первых, языковой политикой стран, где рассмотренные языки имеют статус государственных, во-вторых, открытостью языков к фонетическим заимствованиям, влияющей на степень семантической прозрачности названий периодических изданий в переводе, в-третьих, построением устойчивого медийного нарратива Китая на языках других стран.

Ключевые слова: название периодического издания, коммуникативная стратегия, перевод, стратегия перевода, доместикация, форенизация.

Цитирование. Политова А. А. Перевод названий периодики как отражение актуальной динамики стратегий перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 25–39. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.3>

Introduction

Communication is a complex and multifaceted process that can act simultaneously as a process of interaction between individuals, as a process of exchanging opinions, and as a process of people's mutual influence, empathy, and understanding. Communication within one culture and between different cultures differs in that, in cross-cultural interaction, there is a need to integrate into another culture and to be understood. At the same time, there is an intense desire for local cultural resistance or even domination via "the soft power strategy" [Wu You, 2017, pp. 463-464]. In other words, this domination is the demonstration of power indirectly, softly, through either words, or discourse. Within cross-cultural communication, this domination is effectuated through translation [Sun Yifeng, 2012; Xu Jun, 2012].

In recent years, translation has become an arena for the preservation of cultural identities and a crucial facet of cultural soft power. Discussions around translation as a cross-cultural communication tool are mainly centered on the incorporation of cultural ideologies,

the introduction of cultural lacunae, and the preservation of culture purity [Wu You, 2017; Zhang Yao, 2010; Su Xin, 2005; Jin Jinghong, Zhang Yanxin, 2007; Fan Liangyu, 2012]. However, studies on translation of proper nouns primarily focus on translation methods, cultural and linguistic identity preservation of the source language in translation, and the translation of artistic proper nouns [Fedorov, 2002; Ermolovich, 2001; Newmark, 1981]. Translation of proper names is rarely viewed through the lens of soft power or discourse power. Discourse and soft powers form a succession relation in which the latter is the ancestor and the former is a descendant. Denisov believes discourse power has a more explicit purpose and is designed to change the external environment and the institutional framework in the rising nation-state operates [Denisov, 2020].

Discourse power has become more frequent in Chinese narrative. Though cultural soft power dominated Chinese policies for many years, the concept of discourse power is not novel to China. The first time it appeared on the Chinese agenda in 2006 at the plenary meeting of the

8th National Committee of China Federation of Literary and Art Circles in the speech of a member of the Politburo Standing Committee of the Central Committee of the Communist Party of China Li Changchun [Zhang Zhizhou, 2020]. Li Changchun emphasized the necessity of implementing a policy of going out and spreading Chinese culture around the world “to strengthen ties between international art and literary circles, to fight for international discourse power and defend national interests” [Li Changchun, 2006]. In 2012, Li Changchun presented an improved theoretical frame of international discourse power and raised questions on building Chinese international academic discourse power (国际学术话语权) and upgrading Chinese international discourse power to the level of discourse system (话语体系) construction [Zhang Zhizhou, 2012, p. 15].

The Chairman of PRC Xi Jinping first used the term *discourse power* in 2013 when he emphasized that strong discourse power could assist in improving cultural soft power [Xi Jinping, 2013]. After the XX CPC Congress in October 2022, *discourse power* became the core of long-term goals. Xi Jinping called to strengthen “international discourse power” or “China’s voice in international affairs” (国际话语权) in order to “commensurate it with our (i.e., China) composite national strength and international status” [Xi Jinping, 2022]. In other words, the discourse power is aimed at China’s position or China’s voice in the international arena and its economic power.

The process of *discourse power* entering the Chinese narrative and the country’s national goals demonstrates that, at first, discourse power was proposed as a tool to improve cultural soft power and later became the main focus of further policies, i.e., replaced cultural soft power and inherited its achievements. Zhao Kejin [2016] believes that the potential accumulated in the past years through the realization of cultural soft power nowadays can be transformed into the growth of discourse power, yet this growth requires concentrated efforts by the state.

At the same time, discourse power and cultural soft power are intertwined. Earlier in 2009, at the VI Congress of Translators Association of China Tang Jiakuan, the former foreign minister of China, stressed the importance of translation for the increase

of the country’s soft power [Wu You, 2017]. Later, the task of better representation of Chinese culture and cultural exchange was given to the discourse power. “We will accelerate the development of China’s discourse and narrative systems, better tell China’s stories, make China’s voice heard, present a China that is credible, appealing, and respectable,” “deepen exchanges and mutual learning with other civilizations, and better present Chinese culture to the world” [Xi Jinping, 2022]. In other words, the Chinese government sees discourse power as an essential tool to reconstruct the image of the Chinese civilization in Western language space and spread Chinese culture abroad using “narrative.”

As a kind of embodiment of knowledge and discourse, translation can particularly prove the power relationship between the source society and the target society. “When two cultures contact, the influence of the ‘superior’ or ‘authoritative’ culture on the ‘inferior’ or ‘subordinate’ one is more obvious than vice versa” [Su Xin, 2005, p. 398]. The same seems applicable to language dominance as well. Foucault’s [1971; 1978] theoretical framework allows us to critically analyze the translation of periodical titles as a field of power struggles, cultural negotiations, and discursive constructions. Similarly, the translation strategies or communicative strategies – the connection between the two will be elaborated later – represented in the translation of periodical titles reveal the traces of discourse power.

Translation of proper nouns within the frame of discourse power theory is a novel study, particularly from the perspective of communicative strategies. This is partly due to the prevailing view that proper nouns – whether personal names, geographical names, titles of periodicals, institutions, firms, or other names – are considered “untranslatable” and are to be transcribed [Newmark, 1981, pp. 70-83]. However, variations in translation strategies across language pairs allow us to argue that different communicative strategies shape translation as an act of communication. This paper views translation as a form of cross-cultural communication that, along with oral or written discourse, employs components that form a communicative strategy – represented in this context by translation strategies. In this context, the translation of context-free but country-bound periodical titles may also reflect the interaction

format between countries, the discourse power of a source language, and the geopolitical strength or weakness of the country where that language holds official status.

Therefore, the paper presents a unique study on the communicative, i.e., translation, strategies employed by mass media of China, Russia and several other countries in translating periodical titles between Chinese and English, French, German, Spanish, Russian, and Polish. First, the paper analyzes the format of communication, i.e., the presence or absence of a mediator, between Russia and China as well as between other countries. Second, assuming that the pragmatic goal of communication in the translation of periodical titles is to ensure that titles are semantically transparent and culturally specific to the counterpart, the paper centers on translation strategies that are interpreted as cooperative and non-cooperative communicative strategies. Namely, when semantic transparency is maintained, the communicative strategy is classified as cooperative; when the source language identity is preserved at the expense of semantic transparency, the communicative strategy is classified as non-cooperative [Issers, 2008, p. 70]. To achieve the set goals, the paper starts with an analysis of the communicative strategies used in the translation of Chinese periodical titles into Russian, then contrasts them with the strategies applied in translations from Russian into Chinese, and correlates the findings with the translation of Chinese periodical titles into other languages and vice versa. The results reveal the communication format and communicative strategies employed in translating the periodical titles. Additionally, the representation of discourse power in the translation of periodical titles is explored. This research aims at offering a fresh perspective on the role of translation in cross-cultural communication and its impact on discourse power.

Methods and material

The system of communicative decisions, that translation is a part of, is called communicative strategy. Russian academicians have proposed several definitions of the concept of *communicative strategy*. M.L. Makarov's definition of *communicative strategy* is limited to the level of

linguistic means, that it is the speaker's chain of decisions, the choice of certain communicative actions and linguistic means, the realization of a set of goals in the process of communication [Makarov, 2003, pp. 137-138]. In other words, Makarov's definition includes only verbal means of communication, excluding non-verbal ones, which the Dutch linguist T.A. van Dijk ascribes to the paralinguistic level, various gestures, facial expressions, body postures, and physical contact between interlocutors [Dijk, 2000, pp. 31-35].

Russian linguist O.S. Issers, who develops T.A. van Dijk's approach, argues that communicative strategy should be understood as a set of speech actions aimed at achieving the communicative goal, which involves planning the process of speech communication depending on the specific conditions of communication and personalities of communicators, as well as the implementation of the communicative plan [Issers, 2008, p. 54]. Therefore, Issers understands speech strategy not simply as a general strategy as a whole but also as the choice of tactics, means, and techniques of communication in accordance with the purpose of communication, and believes that strategy and tactics are in genus and species relation [Issers, 2008, p. 110].

V.B. Kashkin, G.A. Kopnina, and O.L. Mikhaleva also support the idea that both linguistic and non-linguistic elements should be considered in the definition of communicative strategy. Mikhaleva defines *communicative strategy* as an optimal plan for realization of communicative intentions, which takes into account subjective and objective conditions and factors in which the communicative act takes place and which determine the internal and external text structure and the use of specific language means [Mikhaleva, 2009, p. 45]. In translation, the format of communication and the choice of communicative strategies depend on the communicators' intentions and the objective conditions of their interaction.

So, how could these communication strategies be linked with the representation of periodical titles in different languages? The above-mentioned strategies are observed and effortlessly implemented into interactions with a specific topic. However, the author believes that the representation of periodical titles in the languages of their counterparts reflects

the communicative strategies and tactics of communication chosen by the two countries. In other words, translating periodical titles is a form of indirect communication conducted through translation that shows communicative strategies through translation strategies. These strategies serve distinct functions: domestication, or, according to Isser's classification, the Cooperation Principle, adapts the source language to the target linguaculture by ensuring semantical transparency of titles, while foreignization, or the Non-Cooperative Principle, preserves the linguistic identity of the source language within the target language [Issers, 2008, p. 70].

Besides, translation as a form of cross-cultural communication employs a set of components that form the communicative strategy. B.R. Muravleva believes that the participants of the communication process manage to effectively carry out communication due to the systemic functioning of the main components of communicative strategy, which include: a particular pragmatic and communicative goal; the conditions of achieving communicative situation; the means of achieving the goal; the plan of expression and the plan of content; the result of the realization of communicative activity (subsequent speech and non-speech activity of the object of influence) [Muravleva, 2021, p. 102]. The current paper examines the conditions that shape the communicative situation or format of communication, influenced by the historical background of countries and the means of achieving the goal or the specific translation strategies used for rendering periodical titles.

The research material comprises the titles of Chinese, Russian, English, French, German, Spanish, and Polish periodicals selected based on the popularity in their respective countries and the familiarity of another country's audience with them. Periodicals completely unknown in any of the languages examined in the current study were excluded.

Results and discussion

Academics recognize and contend that translation could serve as a tool to oppose political power [Lefevere, 1992; Lefevere (ed.), 1992; Venuti, 1995; 2000; Venuti (ed.), 1992]. In the age of globalization, translation plays a vital role

in cross-cultural communication. Via translation, nation-states transmit their values, ideology, and sometimes language. In other words, interpersonal and international exchanges stimulate cultural and linguistic interaction. "If linguistic considerations enter into conflict with considerations of an ideological and/or poetological nature, the latter tends to win out" [Lefevere, 1992, p. 39]. Therefore, "translations are made under a number of constraints of which language is arguably the least important" [Lefevere (ed.), 1992, p. xiv]. That is one of the reasons for ideologically driven translations to appear in line with literal translations existing in a particular language or other languages.

"Translating is always ideological because it releases a domestic reminder, an inscription of values, beliefs, and representation linked to historical moments and social positions" [Venuti, 2000, p. 485]. Translation, as Toury [1980, p. 17] calls it, is "communication in translated messages" and is submissive to and constructed by the power to some degree. Translation strategies are chosen in accordance with the countries' current ideology, culture, convention, and goals. "Translation is an activity always manipulated and controlled by power and discourse" [Lu Jun, 2002, p. 108]. Therefore, translation strategies may reveal both the communication format between the countries and tendencies to language dominance. These two components of communicative strategies in the translation of Chinese and Russian periodical titles are elaborated in the following sections. The study focuses on the translation-communicative tendencies in the translation of periodical titles from and to Chinese, with Russian as the primary contrastive language due to the strengthening of cooperation between Russian and China in recent years. Additionally, English, German, French, Spanish, and Polish are included to illustrate a broader tendency in the linguistic choices in the translation of periodical titles from and to Chinese.

Communication format: mediators in periodical titles translation

Communicative formats include immediate and mediated forms of interaction that are partially determined by history.

Russia and China, compared to other countries, have a long history of relations,

which dates back to the first, albeit unofficial, Russian expedition to China in 1618, though private interactions were recorded as early as the 13th century. During the Ming dynasty, relations between the countries were interrupted and resumed during the Great Geographical Discoveries, when many countries tried to find new routes to the East [Datsyshen, 2004, pp. 24-27]. The relations that began during the “contact zone of two civilizations” period continue to this day and have more than four centuries of history [Myasnikov, 1996]. Due to historical events, uneven economic development, different understandings of the format of relations by the parties, and different value orientations, Russian-Chinese relations have been repeatedly broken and restored. Nevertheless, the last period of relations, which began in the 1990s, is characterized as a period of equal, strategic, and long-term relations in the political, trade, economic, military, and strategic, as well as in the cultural and educational spheres.

Humanitarian cooperation contributes to the rapprochement of nations and educates the younger generations in the spirit of good-neighborly friendship. In the Years of Russia and China (2006, 2007), the Russian and Chinese Languages (2009, 2010), Tourism (2012, 2013), Youth Exchange (2014, 2015), Russian and Chinese mass media and its exchange (2016, 2017), Interregional Cooperation (2018, 2019), Scientific, technological and innovative cooperation (2020), Physical culture and sport (2022, 2023), Cultures (2024, 2025) and other events organized by the authorities of the two countries at various levels, the residents of Russia and China have had the opportunities to enrich mutual understanding and explore the cultures. The effectiveness of humanitarian interaction is evidenced by the increasing numbers of people planning to learn and learning Chinese and Russian [Liu Limin, 2017; Liu Wenjia, 2022].

The deepening of humanitarian cooperation between Russia and China and the growing interest of people in each other’s languages and cultures are the persuasive indicators of the rapprochement of nations. Personal communication between the heads of two states and business partners is carried out mainly through interpreters who speak Chinese and Russian at a professional level. In other words, non-mediated communication

is conducted instead of a mediated interaction through intermediary languages, as it was at the first stages of interaction between Russia and China when countries encountered difficulty in reading correspondence [Datsyshen, 2004, p. 27]. Besides, history has served as a clear example that misunderstandings and disagreements arise in trilateral or mediated interactions. For example, the text of the Treaty of Nerchinsk (1689), written in three languages – Russian, Manchurian, and Latin – differed in each language, which created misunderstandings between the parties, given the loss of the original Russian copy of the treaty. Similar issues are observed when translation is performed through an intermediary language in modern times. Stylistic losses, distortion of Chinese realities, and errors in the transcription of Chinese titles in the Russian language are among the common mistakes [Rodionov, 2019, p. 413]. Therefore, regardless of the sphere of political negotiations, business communication, scientific interaction, translation of literature, and interaction between peoples at the level of mass media, immediate or non-mediated interaction allows Russian and Chinese speakers to understand with less distortion.

In the past few years, Russia and China have been actively forging cooperation and bolstering their partnership, a shift that is being facilitated through non-mediated rather than mediated communication. Following the changes in the form of interaction, communication strategies in translation strategies are shifting or to be adopted subsequently, as interaction through intermediary languages has been proven to be less effective than non-mediated communication.

Considering the historical background of Russia-China relations where communication was primarily mediated, nowadays, despite more developed cooperation in various spheres, translations of periodical titles into Russian reveal that mediated communication is still widely used (see Table 1). However, the non-mediated communication strategy is observed to be the primary choice for Russian newspapers when mentioning Chinese mass media. Russian newspaper *Izvestia* has been mentioning Chinese newspaper 《环球时报》 by its transcription earlier since 2008, i.e., *Хуаньцю шибао*², whereas Chinese newspaper *CGTN* in its Russian edition used to mention it as *Глобал таймс* in 2021

and early 2022; later non-mediated transcription from Chinese to Russian is observed as a primary method of translation. 《中国日报》 is presented similarly in the news of China Internet Information Center (China.org), i.e., before June 2022, there were usages of *Чайна дейли* – the transcription from English China Daily – whereas from the second half of 2022 until now, non-mediated transcription is used. Such a tendency demonstrates the unification of translation methods and, to a certain degree, the strengthening of discourse power and the construction of Chinese narrative in other languages.

Table 1 shows that the translation of Chinese periodical titles into Russian is steadily striving for the non-mediated form of communication. This trend has had a long history for Russia-governed newspapers, whereas China-governed newspapers show this tendency more explicitly starting from the second half of 2022. Similarly, Russia-China communication through periodical titles, i.e., the translation of Russian periodical titles in Chinese, demonstrates consistency in the use of non-mediated interaction, for example, *Аргументы и факты* / 《论据与事实》 (lit. *Arguments and Facts*), *Известия* / 《消息报》 (lit. *News newspaper*), *Российская газета* / 《俄罗斯报》 (lit. *Russia newspaper*), *Правда* / 《真理报》 (lit. *Truth newspaper*), *Московский комсомолец* / 《莫斯科共青团员报》 (lit. *Moscow Communist-Youth-League-Member newspaper*), *Коммерсант* / 《商业报》 (lit. *Commercial newspaper*), and others. Chinese

mass media directly without a mediating language and semantically translates the titles of Russian periodicals, making the titles semantically transparent and understandable for local readers.

The tendency for non-mediated semantic translation is also observed in the translation of English, French, German, Spanish, and Polish periodical titles into Chinese. However, for lesser-known Russian periodicals, an English transliteration of the source title is provided due to the difficulty of reading the Cyrillic alphabet. In translation from Chinese into French, German, Spanish, and Polish, French and Spanish tend to favour non-mediated translation by either providing a semantic translation of a Chinese periodical title or presenting it in pinyin; German and Polish, in contrast, use both non-mediated and mediated translations, e.g., 《环球时报》 / (Germ.) *Staatszeitung* / *Zeitung Huanqiu Shibao* or *Zeitung Global Times*, (Pol.) *gazeta Huanqiu Shibao* or (dziennik) *Global Times* (see Table 2). The reason for such a choice is to be elucidated through a deeper study of international relations and historical translation practices.

**Communicative strategies in translation:
representing discourse power
in periodical titles translation**

Scholars investigating speech communication mechanisms assert that interaction is typically governed by the *Cooperation Principle*, where interlocutors accommodate each other. However,

Table 1. Communication format in the translation of Chinese periodicals into Russian

Mediated	Non-Mediated
– 《中国日报》 / <i>Чайна дейли/ дэйли</i> (<i>China Daily</i>);	– 《人民日报》 / газета <i>Жэньминь жибао</i> ;
– 《环球时报》 / <i>Глобал таймс</i> (<i>Global Times</i>);	– 《环球时报》 / <i>Хуаньцю шибао</i> ;
– 《新华网》 / <i>СИНЬХУА Новости</i> (<i>Xinhua News</i>);	– 《新华社》 / Информационное агентство (ИА / Агентство) <i>Синьхуа</i> ;
– 《南方都市报》 / таблоид <i>Southern Metropolis Daily</i> ;	– 《广州日报》 / <i>Гуанчжоу жибао</i> ;
– 《中国青年报》 / газета <i>China Youth Daily</i>	– 《中国新闻社》 / <i>Служба новостей Китая</i> ;
	– 《光明日报》 / <i>Гуанмин жибао</i> ;
	– 《中国青年报》 / <i>Чжунго циннянь бао</i> ;
	– 《新京报》 / газета <i>Бэйцзин жибао</i> ;
	– 《经济日报》 / газета <i>Цзинцзи жибао</i> / ежедневная газета <i>Экономика</i>

Issers argues that the concept *strategy*, borrowed from military arts by pragmatics, prioritizes victory over cooperation. As a result, she distinguishes two principles: the *Non-Cooperation Principle*, which involves prioritizing the interests of the speaker over those of the listener, and the *Cooperation Principle*, which is based on mutual accommodation [Issers, 2008, pp. 69-70].

In the context of periodical titles translation, the *Cooperation Principle* can be understood as an approach that aims to reveal the semantic content of the original name while, if possible, preserving its phonetic similarity. On the other hand, the *Non-Cooperation Principle* leads to translations that prioritize conveying the pronunciation of a periodical title without revealing its semantic content, resulting in semantically opaque translations. Aixelá [Aixelá, 1996, p. 55] suggests that the exporting system holds a position of hegemony over the importing one, manifesting the discourse power of the non-cooperating side. In essence, the *Non-Cooperation Principle* or foreignization reflects a desire to demonstrate the discourse power of the source country through language, while the *Cooperation Principle* or domestication emphasizes equality between parties and adopts periodical titles in the target language based on its word-building methods rather than borrowing phonetic translations from the source language.

Table 2 demonstrates two Principles at work. Chinese periodical titles are semantically

transparent when translated into English, French, German, and Spanish through the *Cooperation Principle*, though with a tendency toward the *Non-Cooperation Principle*. In contrast, translations into Russian and Polish predominantly adhere to the *Non-Cooperation Principle*. This practice is primarily connected with the history of translation because for such newspapers as 《人民日报》, 《今日中国》, 《北京周报》, 《光明日报》 the translations were produced earlier in the second half of the 20th century and were motivated by the translation strategies of the time, namely the desire for cultural dominance was not as strong as nowadays; therefore, the translations were primarily semantic. This trend is still reflected in the translation into English, French, German, and in a smaller number into Spanish due to the existence of newspapers' official 'foreign' pages and the widespread semantic translations of Chinese periodicals into other languages. Newly introduced periodicals adopt the *Non-Cooperation Principle* or foreignization, leading to phonetic translations even in English, e.g., 《世界日报》 / *Shijie Ribao*³, 《海南日报》 / *Hainan Ribao*⁴.

Table 2 shows that despite the authoritativeness of the translation, there is a transfer from English translation to Chinese pinyin in non-English speaking countries that demonstrates the rise of Chinese discourse power through the translation of periodical titles. For example, in the representation of 《光明日报》 in German mass media, it is possible to trace the use of

Table 2. Translation strategies of Chinese periodical titles in the press of different countries

No.	Chinese	Language	Occurred translations
1	《人民日报》 [rénmín ribào]	English	<i>People's Daily, Renmin Ribao</i>
		French	<i>Quotidien du Peuple</i>
		German	<i>Volkszeitung, Zeitung Renmin Ribao</i> ⁵ , <i>Volkszeitung Renmin ribao</i> (<i>Volkszeitung Renmin Ribao</i> ⁶),
		Spanish	(el) <i>Diario del Pueblo, Renmin Ribao</i> (2017, 2023), <i>rotativo / diario / periódico Renmin Ribao</i> (2010), <i>diario oficial Renmin Ribao</i> (2011)
		Polish	(dziennik) <i>Renmin Ribao</i> ⁷
		Russian	газета <i>Жэньминь Жибао</i>
2	《中国新闻社》 [zhōngguó xīnwénshè]	English	<i>China News Service</i>
		French	<i>l'agence de presse China News Service</i>
		German	<i>China News Service</i> ⁸
		Spanish	<i>Servicio de Noticias de China</i>
		Polish	<i>Zhongguo Xinwenshe</i>
		Russian	Информационное агентство <i>Чжунго синьвэньшэ</i> ⁹ , <i>Служба новостей Китая</i>

End of Table 2

No.	Chinese	Language	Occurred translations
3	《环球时报》 [huánqiú shíbào]	English	<i>Global Times</i>
		French	<i>Le Global Times, Huanqiu Shibao</i>
		German	Staatszeitung / Zeitung <i>Huanqiu Shibao</i> , Zeitung <i>Global Times</i> , <i>Global Times</i>
		Spanish	(periódico chino) <i>Huanqiu Shibao</i>
		Polish	dziennik / gazeta <i>Huanqiu Shibao</i> , (dziennik) <i>Global Times</i> , <i>Global Timesa</i>
		Russian	таблоид <i>Global Times</i> , газета <i>Глобал таймс</i> , (китайская газета) <i>Хуаньцю шибао</i>
4	《今日中国》 [jīnrì zhōngguó]	English	<i>China Today</i>
		French	quotidien d'Etat <i>China Daily</i> , <i>la Chine au présent</i>
		German	<i>China Heute</i>
		Spanish	<i>China Hoy</i> (name of the official website of <i>China Today</i>)
		Polish	Usage not found ¹⁰
		Russian	Usage not found ¹¹
5	《新华社》 [xīnhuáshè]	English	<i>Xinhua News Agency</i>
		French	Agence de presse (officielle) <i>Xinhua/ Chine Nouvelle</i>
		German	(staatlichen chinesische) Nachrichtenagentur <i>Xinhua</i> , <i>Xinhua</i>
		Spanish	la agencia de noticias (China) <i>Xinhua</i> , la agencia <i>Xinhua</i>
		Polish	(agencja prasowa / państwowej agencji informacyjnej) <i>Xinhua</i>
		Russian	(агентство) <i>Синьхуа</i>
6	《光明日报》 [guāngmíng rìbào]	English	<i>Guangming Daily, Guangming Ribao</i>
		French	<i>le Guangmin Ribao</i> , quotidien (d'Etat) <i>Guangming Daily</i> , le (quotidien / chinois) <i>Guangming Ribao</i> (2020), <i>Quotidien de la clarté (Guangming Ribao)</i> (2023)
		German	Zeitung / Parteizeitung <i>Guangming Daily</i> (2023), (Zeitung / Tageszeitung) <i>Guangming Ribao</i> (2021, 2024)
		Spanish	<i>el Diario Guangming</i> , el periódico / diario <i>Guangming Daily</i> , <i>Guangming</i> , <i>Guangming Ribao</i> (2023), periódico <i>Guangming Ribao (Diario de Guangming)</i>
		Polish	dziennik <i>Guangming Ribao / Guangming Daily</i>
		Russian	(газета) <i>Гуанмин жибао</i>
7	《广州日报》 [guǎngzhōu rìbào]	English	<i>Guangzhou Daily</i>
		French	<i>le Guangzhou Ribao (Quotidien de Canton)</i>
		German	(Zeitung / Tageszeitung) <i>Guangzhou Ribao</i>
		Spanish	periódico <i>Guangzhou Ribao</i> , el diario <i>Guangzhou Ribao</i> , el diario local <i>Guangzhou Ribao</i> (2011)
		Polish	(dziennik) <i>Guangzhou Ribao</i> , (gazeta) <i>Guangzhou Daily</i>
		Russian	газета <i>Гуанчжоу жибао</i>

Chinese transcription back to 1991 and 2000 in *Taz* and *Spiegel*. However, between the first time and 2020, the English name prevailed for a period of time, and recently, the use of Chinese pinyin has become more frequent. Therefore, it is

possible to argue that foreignization or translation through the *Non-Cooperation Principle* is a new tendency in the Chinese-foreign translation of periodical titles, whereas the translation of other countries' periodical titles into Chinese reveals

the consistency of domestication or the use of the *Cooperation Principle*.

First of all, in most cases, periodical titles are semantically translated, and English transcription is added in cases of low recognition. Secondly, Spanish and Polish periodicals are more often presented under their original names, which can be attributed to their rare citation of periodicals and limited presence in Chinese news discourse. However, well-known Spanish and Polish newspapers have their set Chinese translations, e.g., *El Pais* / 西班牙《国家报》, *Gazeta Wyborcza* / 波兰《选举日报》, *Fakt* / 波兰《事实报》, and, in rare cases, when the periodical titles are acronyms, a transcription method is applied, e.g., *ABC* / 西班牙《阿贝赛报》, with an indication of the appellative constituent, i.e., 报 / *paper*, “which characterize the purpose and structures of the institution, thus facilitating communication even if one does not know much about the institutions itself” [Meyer, 2008, p. 107].

Another example of a foreignized translation in Chinese is *El Diario Vasco*, a Spanish morning daily newspaper founded in 1934. Around 2017, it was mentioned as 西班牙媒体《ELDIARIOVASCO》/ Spanish mass media *EL DIARIO VASCO*; in 2019, the translation appeared before the original title, i.e., 西媒, 每日巴斯克 *El Diario Vasco* / Spanish mass media, Daily Basques *El Diario Vasco*; however, until nowadays it is mainly referred to as 西媒 *El Diario Vasco* / Spanish mass media *El Diario Vasco* or directly by name when the country affiliation is understood from the context (西班牙《阿斯报》援引 *El Diario Vasco* 的报道指出 / *Spanish Diario AS says quoting El Diario Vasco...*). This example supports the idea of a connection between the novelty of a periodical in Chinese news discourse and the respective translation method. In other words, the *Cooperation Principle* or domestication is applied when a periodical is known to the readers, and the *Non-Cooperation Principle* or foreignization is when it is new to Chinese readers.

Table 3 provides further evidence of the systematic approach to translation of periodical titles to Chinese. It shows that common names, such as ‘newspaper,’ ‘daily’ or ‘evening paper,’ in periodical titles are translated rather than transcribed, e.g. *Handelsblatt* / 《商报》, *Gazeta Wyborcza* / 《选举日报》 etc., or added in the

target language translation, e.g. *Известия* / 《消息报》, *Der Spiegel* / 《明镜周刊》, *The Sun* / 《太阳报》, *Ouest-France* / 《法兰西西部报》, *El Pais* / 《国家报》, *Fakt* / 《事实报》, etc. This demonstrates that translations are not arbitrary but based on the structural characteristics of periodical titles, and different translation methods are applied to proper and general names. A similar systematic approach is observed in the translation of Chinese periodical titles, which, like other types of proper names, “have a clearly identified structure and consist of a classifier and a proper component,” into English [Politova, 2022, p. 86]. In French, German, Spanish, and Polish, Chinese mass media names are mainly presented either in English translation or in transcription of a whole name from Chinese with the addition of an appellative in the target languages, likewise is in Russian with the difference that media names are mainly fully transcribed in Cyrillic letters.

The examples demonstrate that despite the proposed by Newmark¹² rule that periodicals as proper names should always be transcribed, in practice, their translation varies across different language types. Proper names of periodicals are typically semantically translated into Chinese with an exception when a name is an acronym. In contrast, the translation of Chinese periodicals into other languages varies – some are translated, while the majority are transcribed or transliterated.

Overall, the analysis revealed that countries strive to establish non-mediated cooperation; however, in Romance languages, the translation of periodical titles still tends towards mediated communication, with titles of periodicals appearing in English rather than being translated or transcribed into a local language. The Slavic language Polish, which uses the Latin alphabet, sometimes also mentions Chinese periodicals in their English translation, while Russian shows the tendency to transcribe the whole word, i.e., a proper name of a periodical together with its common name, into Russian, adding a common name in Russian before, e.g., 广州日报 / газета Гуанчжоу жи-бао. Therefore, from the linguistic perspective, the translations of Chinese periodical titles into other languages demonstrate the tendency of foreignization or language dominance, i.e., through the *Non-Cooperation Principle* of communication in translation Chinese discourse power is implemented, manifesting its superiority.

Table 3. Translation of periodical titles into Chinese

No.	Country	Title of a periodical in the source language	Chinese translation
1	Russia	<i>Аргументы и факты</i>	《论据与事实》
		<i>Известия</i>	《消息报》
		<i>Правда</i>	《真理报》
		<i>Московский комсомолец</i>	《莫斯科共青团员报》
		<i>Комсомольская правда</i>	《共青团真理报》 (<i>Komsomolskaya Pravda</i>)
		<i>Коммерсант</i>	《商业报》
		<i>Ведомости</i>	《公报》 (<i>Vedomosti</i>)
		<i>Красная звезда</i>	《红星报》 or 官方军事报纸 <i>Krasnaya Zvezda</i> (红星)
2	Germany	<i>Der Spiegel</i>	《明镜周刊》
		<i>Deutsche Presse-Agentur</i>	德新社, full name 德国新闻社
		<i>Zeit online</i>	德国 (纸媒) 《时代在线》 (<i>Zeit Online</i>)
		<i>Handelsblatt</i>	《德国商报》 / 德国《商报》
		<i>Tagesspiegel</i>	德国《每日镜报》 (<i>Tagesspiegel</i>)
		<i>Abendzeitung München</i>	慕尼黑晚报
		<i>Berliner Morgenpost</i>	柏林晨邮报
		<i>Süddeutsche Zeitung</i>	《南德意志报》
3	English-speaking countries	<i>Reuters</i>	路透社
		<i>Daily Mirror</i>	《每日镜报》
		<i>The Sun</i>	《太阳报》
		<i>The Telegraph</i>	英国《每日电讯报》 / 英国媒体《电讯报》
		<i>The Washington Post</i>	《华盛顿邮报》
		<i>Los Angeles Times</i>	《洛杉矶时报》
		<i>The Wall Street Journal</i>	《华尔街日报》
4	French	<i>Ouest-France</i>	《法兰西西部报》
		<i>Le Figaro</i>	(法国)《费加罗报》
		<i>Libération</i>	法国《解放报》
		<i>Le Monde</i>	法国《世界报》
		<i>L'Equipe</i>	法国(媒体)《队报》
5	Spain	<i>El Pais</i>	西班牙《国家报》
		<i>ABC</i>	西班牙《阿贝赛报》
		<i>El Diario Vasco</i>	西媒 <i>El Diario Vasco</i> , 每日巴斯克 <i>El Diario Vasco</i> (2019)
		<i>El Mundo</i>	西班牙媒体 <i>EL MUNDO</i> (《世界报》)
		<i>Diari de Tarragona</i>	西班牙媒体 《 <i>Diari de Tarragona</i> 》
6	Poland	<i>Gazeta Wyborcza</i>	波兰《选举日报》
		<i>Fakt</i>	波兰《事实报》
		<i>Przegląd Sportowy</i>	波兰媒体 <i>Przegląd Sportowy</i>
		<i>Dziennik Gazeta Prawna</i>	波兰媒体 <i>Dziennik gazeta prawna</i>
		<i>Rzeczpospolita</i>	波兰报纸 《 <i>Rzeczpospolita</i> 》

However, this is not solely due to the policies or tendencies of an exporting country; translation practices are also dictated by the importing country. Taking Chinese as an example, we observe overall consistency in the translation of foreign periodical titles. This consistency is due, firstly, to the efforts of the Chinese language under the support of the government initiatives for language clearance, and, secondly, to the nature of the character based Chinese language, which makes phonetic borrowings difficult to pronounce by Chinese native speakers.

Regarding the strive for language clearance, in April 2010, with the article “Say No to Indiscriminate Borrowing of Foreign Words!” (《外来语滥用，不行！》) in People’s Daily Chinese government took actions to “preserve the Chinese language’s purity” by ordering “a national ban on the use of borrowed foreign words in mass media” [Wu You, 2017, pp. 470-471]. The protection of languages is what every big country is concerned about nowadays. The *Cooperation Principle* in non-mediated communication in translation allows both parties to accommodate each other’s culture and language peculiarities while preserving linguistic identity through phonetic translation when the periodical title is less transparent or requires longer phrases in the target language. Such communication requires “shifting the translation strategy from direct borrowing to literal translation could be interpreted as an effort of cultural reconstruction” [Wu You, 2017, p. 470].

Therefore, the translation of Chinese periodical titles into other languages and periodical titles of other languages into Chinese reflects the demonstration of China’s discourse power, whereas the Chinese language still follows the route of maintaining its language purity. Other languages demonstrate greater openness to borrowings and wider acceptance of phonetic translations of periodical titles.

Conclusion

As a written form of interaction, translation is a powerful tool for conveying ideology and promoting cultures. It utilizes a set of communicative strategies that enable a country to incorporate into another’s linguistic and culture system while preserving its cultural, political,

and linguistic identities. An analysis of periodical title translations reveals the communicative relationships between different countries and translation strategies illuminate the approaches to organizing cross-cultural communication.

In the translation of periodical titles, Russia and China adhere to non-mediated translation, aligning with the deepening of non-mediated collaboration between the two countries and the construction of the Chinese narrative in other languages. However, Russia has followed this approach from the outset, while China has adopted it since the second half of 2022. The tendency to non-mediated translation is also observed among French, German, Spanish, and Polish.

Along with non-mediated translation, translation strategies, i.e., means of written communication, contribute to the level of recognition as well as the visibility of the semantics of periodical titles in a target language. The analysis shows that periodical titles are now translated into Chinese through the *Cooperation Principles*, i.e., domestication, except for toponyms and acronyms inside periodical titles that are primarily transcribed. In contrast, translations from Chinese into other languages tend toward the *Non-Cooperation Principle*, i.e., foreignization, with Russian and Polish consistently adhering to this approach, whereas English, French, German, and Spanish previously exhibited variability in translation strategies but have demonstrated the tendency to the *Non-Cooperation principle* in recent years as well.

The *Non-Cooperation Principle* exhibits the Chinese discourse power and preserves the linguistic identity of Chinese periodical titles. On the other hand, it affects the semantic transparency of Chinese periodicals for speakers of other languages, impacts the purity of the respective languages, and, in comparison to the translation of periodical titles into Chinese, reflects the dominance of the Chinese language in the periodicals interaction.

NOTES

¹ The article is an intermediary result of the research project titled “Study on translation strategies of Chinese toponyms into Russian as a part of the project of strengthening the influence of the Chinese culture” (QN2022014003L) sponsored by the Ministry of Science and Technology of the People’s

Republic of China and is supported by the Jiangsu Province Outstanding Postdoctoral Fellow program (江苏省卓越博士后计划), People's Republic of China.

² Transcription is presented as in the source.

³ Thai senior official warns against baseless criticism of Sinovac vaccine. 08.09.2021. URL: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2021-09/08/content_77738942.htm

⁴ Feature: Regular citizens warm each other amid virus chill. 24.02.2020. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2020-02/24/content_75739644.htm

⁵ Renmin Ribao: China soll angebotsorientierte Reform weiter umsetzen. 26.12.2018. URL: http://german.china.org.cn/txt/2018-12/26/content_74315272.htm

⁶ Putin über China: Haben "gemeinsame Ziele". 20.02.2023. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/putin-xi-treffen-ukraine-krieg-russland-china-100.html>

⁷ Three translations, i.e. *Renmin Ribao* / *Zenmin žypao* / *Dziennik Ludowy*, are presented at *Polska Agencja Prasowa* website, Poland's national news agency, producing and distributing political, economic, social, and cultural news.

⁸ No German edition, only in English.

⁹ Си Цзиньпин направил поздравительное письмо в адрес ИА «Чжунго синьвэньшэ» по случаю 70-летия со дня его основания. 23.09.2022. URL: <https://russian.news.cn/20220923/f1c56f5aa12b4f93b78a97c4caa825bd/c.html>

¹⁰ The usage of this press has not been found in Polish news narrative. Meanwhile, in Poland, there is a local scientific journal *China Today* (usually referred to as *czasopismo / kwartalnik Chiny Dzisiaj*), which is dedicated to religious issues in China.

¹¹ This periodical is rarely cited in Russian news, still it is possible to find an introduction to this Chinese magazine on the Russian Internet. However, the search is complicated due to the number of personal channels named China Today, which are nongovernmental and cover tourism of China.

¹² This rule is mainly followed between Latin and Cyrillic alphabet languages, whereas different strategies are used for other types of languages.

REFERENCES

- Aixelá J.F., 1996. Culture Specific Items in Translation. Alvarez R., Carmen-Africa V.D., eds. *Translation, Power, Subversion*. Clevedon, Multilingual Matters Ltd., pp. 52-78.
- Datsyshen V.G., 2004. *Istoriya russko-kitayskikh otnosheniy (1618–1917 gg.)* [History of Russian-Chinese Relations (1618–1977)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk. gos. Ped. un-t im. V.P. Astafyeva. 230 p.
- Denisov I.E., 2020. Kontseptsiya «diskursivnoy sily» i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si Czinpine [Concept of “Discourse Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], vol. 11, no. 4, pp. 42-52. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>
- Dijk T.A. van, 2000. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk. gumanit. kolledzh (BGK) im. I.A. Boduena de Kurtene. 308 p.
- Ermolovich D.I., 2001. *Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur* [Proper Names at the Intersection of Languages and Cultures]. Moscow, R. Valent Publ. 198 p.
- Fan Liangyu, 2012. *Cóng quánlì huàyǔ jiǎodù kàn wàiláiyǔ fānyì: shuòshì xuéwèi lǜnwén* [Loanword Translation from the Perspective of Power and Discourse Theory. Master Degree Diss.]. Shanghai. 56 p.
- Fedorov A.V., 2002. *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Fundamentals of the General Theory of Translation]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta; Moscow, FILOLOGIYA TRI Publ. 416 p.
- Foucault M., 1971. *L'ordre du discours: Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970*. Paris, Editions Gallimard. 83 p.
- Foucault M., 1978. *The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction*. London, Penguin. 168 p.
- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI Publ. 284 p.
- Jin Jinghong, Zhang Yanxin, 2007. *Cóng quánlì huàyǔ lilùn kàn yihuà fānyì* [Foreignization in Translation from the Perspective of Power Discourse Theory]. *Dōngběi dàxué xuébào (shèhuì kēxué bǎn)* [Journal of Northeastern University (Social Sciences)], vol. 9, no. 5, pp. 451-455. DOI: <https://doi.org/10.15936/j.cnki.1008-3758.2007.05.016>
- Lefevere A., 1992. *Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame*. London, New York, Routledge. 175 p.
- Lefevere A., ed., 1992. *Translation/History/Culture: A Sourcebook*. New York, London, Routledge. 200 p.
- Li Changchun, 2006. *Dàlì tuījīn héxié wénhuà jiànshè fánróng fāzhǎn shèhuìzhǔyì wény* [Vigorously Promote the Construction of a Harmonious Culture and Socialist literature and Art Prosperous Development]. *Qíush* [In Search of Truth], no. 23, pp. 3-8.

- Liu Limin, 2017. Zhōngguó de éyǔ jiàoyù: chuánchéng yǔ fāzhǎn [Teaching the Russian Language in China: Inheritance and Development]. *Zhōngguó éyǔ jiàoxué* [Russian Language in China], vol. 36, no. 1, pp. 1-7.
- Liu Wenjia, 2022. Obucheniye perevodu v Kitaye na sovremennom etape [Interpreting Training in China at the Present Stage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 4 (222), pp. 155-167. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-155-167>
- Lu Jun, 2002. Fānyì yánjiū: cóng wénběn lìlùn dào quánlì huà [Translation Studies: From Theory of Text to Theory of Power and Discourse]. *Sichuān wàiyǔ xuéyuàn xuébào* [Journal of Sichuan International Studies University], vol. 18, no. 1, pp. 106-109.
- Makarov M.L., 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 276 p.
- Meyer B., 2008. Proper Names: Different Interventions in Simultaneous and Consecutive Interpreting? *Trans-kom*, vol. 1, no. 1, pp. 105-122.
- Mikhaleva O.L., 2009. *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse: Specifics of Manipulative Influence]. Moscow, LIBROKOM Publ. 252 p.
- Muravleva V.R., 2021. *Pragmalingvisticheskie osobennosti kommunikativnoy situatsii «informatsionnaya voyna» (na materiale pechatnykh tekstov SMI): dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmalinguistic Features of the “Information War” Communicative Situation (Based on Materials of Printed Mass Media). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 275 p.
- Myasnikov V.S., 1996. Rossiya i Kitay: konstruktivnoye partnerstvo, obrashchennoye v XXI veke [Russia and China: 21st Century Constructive Partnership]. *Izvestia Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], no. 3, pp. 57-69.
- Newmark P., 1981. *Approaches to Translation*. Oxford, Pergamon Press. 200 p.
- Politova A.A., 2022. Unifikatsiya perevoda kitayskikh toponimov na russkiy yazyk s uchytom ikh strukturnykh osobennostey [Unification of Translation of Chinese Toponyms into Russian in View of Their Structural Peculiarities]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda* [Moscow University Bulletin on Translation Studies], vol. 15, no. 4, pp. 79-98. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-79-98>
- Rodionov A.A., 2019. O perevode i izdaniy na russkom yazyke noveyshey kitayskoy prozy v 2009–2018 gg. [Translation and Publication in the Russian Language of the Contemporary Chinese Prose in 2009–2018]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], vol. 11, no. 4, pp. 398-430. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.401>
- Su Xin, 2005. Understanding Cultural Interaction through Loan Words: An Analysis of Mutual Borrowings Between English and Chinese. *Proceedings of FIT Fourth Asian Translators' Forum*. FIT Fourth Asian Translators' Forum, pp. 396-405.
- Sun Yifeng, 2012. Fānyì yǔ kuà wénhuà jiāojiè cèlüè [Translation and Strategies for Cross-Cultural Communication]. *Zhōngguó fānyì* [Chinese Translators Journal], no. 1, pp. 16-23.
- Toury G., 1980. *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv, Porter Institute for Poetics and Semiotics. 159 p.
- Venuti L., 1995. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London, New York, Routledge. 353 p.
- Venuti L., 2000. Translation, Community, Utopia. Venuti L., ed. *The Translation Studies Reader*. London, New York, Routledge, pp. 469-488.
- Venuti L., ed., 1992. *Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology*. London, New York, Routledge. 235 p.
- Wu You, 2017. Globalization, Translation and Soft Power: A Chinese Perspective. *Babel*, vol. 63, no. 4, pp. 463-485. DOI: <https://doi.org/10.1075/babel.63.4.01wu>
- Xi Jinping, 2013. Jiànshè shèhuìzhǔyì wénhuà qiángguó zhèlì tígāo guójiā wénhuà ruǎn shí [Building a Socialist Cultural Powerful Country and Focusing of Improving the Country's Cultural Soft Power]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-12/31/c_118788013.htm
- Xi Jinping, 2022. Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics, Join Forces for Comprehensive Construction of a Modern Socialist Country. *Report at the XX National Congress of CPC*. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm
- Xu Jun, 2012. Fānyì yánjiū zhī yòng jí qí kěnéng de chūlù [Translation Studies in China: Functions and Possible Directions for Further Development]. *Zhōngguó fānyì* [Chinese Translators Journal], no. 1, pp. 5-12.
- Zhang Yao, 2010. *Lùn quánlì huà yǔ lìlùn duì “luòtuóxiàngzi” liǎng gè yīngyǐběn de chǎnshì: shuòshì xuéwèi lùnwén* [Translation of Luotuo Xiangzi Explained by Power Discourse Theory Based on Two English Versions: Master Degree Diss.]. Changsha. 99 p.

Zhang Zhizhou, 2012. Héping juéqǐ yǔ zhōngguó de guóji huàiyǔquán zhànlüè [Peaceful Rise and China's International Discourse Strategy]. *Dāngdài shìjiè* [Contemporary World], no. 7, pp. 12-17.

Zhang Zhizhou, 2020. Xīnguān yìqíng xià de zhōngguó "huàiyǔ chùjìng" yǔ guóji huàiyǔquán jiànshè ["Discourse Situation" of China and Building

International Discourse Power in the Context of the COVID-19 Epidemic]. *Zhōngyāng shèhuìzhǔyì xuéyuàn xuébào* [Journal of the Central Academy of Socialism], no. 5, pp. 52-58.

Zhao Kejin, 2016. China's Rise and Its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*, pp. 539-564. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0027-x>

Information About the Author

Anastasia A. Politova, PhD (Philology), Senior Lecturer, School of Foreign Languages, Soochow University, Suzhou, China, anastasia_politova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5194-9262>

Информация об авторе

Анастасия Алексеевна Политова, PhD (филология), старший преподаватель, Школа иностранных языков, Сучжоуский университет, г. Сучжоу, Китай, anastasia_politova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5194-9262>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.4>

UDC 811.581'42
LBC 81.711-51

Submitted: 11.06.2024
Accepted: 23.12.2024

LINGUAPRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT REPRESENTATION IN CHINESE MEDIA¹

Oleg I. Kalinin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia;
South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

Konstantin N. Mironenko

Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

Abstract. The study is devoted to the linguapragmatic characteristics of the special military operation representation in the media discourse of the People's Republic of China. The material of 230 media texts from the official newspaper of the Communist Party of China, People's Daily Newspaper, and 150 publications from the entertainment social network Zhihu was analysed. The research method proposed was a critical content analysis conducted by means of a concordancer programme with keyword extraction and thematic segmentation. The study revealed differences in the use of linguistic means of forming the image of Russia and identified the linguapragmatic features of the studied media texts, which consist in the emphasis on the historical and social-and-political context of the foreign policy events description. At the same time, social media texts paid more attention to the history of relations between Russia and Ukraine, while the official media described the political and economic consequences of the military conflict. The study shows the applicability of content analysis to identifying the linguapragmatics that characterises the image of the country by analysing the linguistic representation of social-and-political events and state institutions in media texts. Further research should be done to investigate the image of Russian institutions in the Chinese media in order to identify the formation of the image of Russia in the Chinese media.

Key words: media discourse, Chinese media, content analysis, corpus of media texts, representation in the media.

Citation. Kalinin O.I., Mironenko K.N. Linguapragmatic Characteristics of the Russian-Ukrainian Conflict Representation in Chinese Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 40-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.4>

УДК 811.581'42
ББК 81.711-51

Дата поступления статьи: 11.06.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ КНР¹

Олег Игоревич Калинин

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Военный университет им. князя Александра Невского, г. Москва, Россия;
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
г. Челябинск, Россия

Константин Николаевич Мироненко

Военный университет им. князя Александра Невского, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвопрагматических характеристик репрезентации специальной военной операции в медиадискурсе КНР. В сопоставительном ключе проанализировано 230 медиатекстов из официальной газеты Коммунистической партии Китая «Женьминь Жибао» и 150 публикаций из социальной информационно-развлекательной сети «Чжиху». В качестве метода исследования предложен качественно-количественный контент-анализ, проводимый посредством программы-конкордансера с выделением и тематической сегментацией ключевых слов. В результате исследования были обнаружены отличия в использовании лингвистических средств формирования образа России и определены лингвопрагматические особенности рассмотренных медиатекстов, которые состоят в акценте на историческом и социально-политическом контексте событий. При этом в текстах социальных медиа больше внимания уделялось истории отношений России и Украины, тогда как официальные СМИ описывали политические и экономические последствия военного конфликта. Проведенное исследование показывает применимость контент-анализа для выявления лингвопрагматических характеристик образа страны посредством анализа языковой репрезентации общественно-политических событий и институтов в медиатекстах. Данная работа может быть продолжена в направлении изучения образа институтов России в китайских СМИ с целью установления особенностей формирования образа нашей страны в КНР.

Ключевые слова: медиадискурс, китайские СМИ, контент-анализ, корпус медиатекстов, репрезентация в СМИ.

Цитирование. Калинин О. И., Мироненко К. Н. Лингвопрагматические характеристики репрезентации российско-украинского конфликта в медиадискурсе КНР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 40–51. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.4>

Introduction

Media communication in the modern era is characterised by its mass and permanent nature, as information appearing in the media is instantly conveyed to the recipient of the speech message. Information flows are much like a tsunami, where every person is essentially always in the ‘coastal zone,’ with no way to escape the impact or consequences of the information wave [Kalinin, Mavleeva, 2022, p. 136]. Karabulatova and Kopnina, describing modern media communication also call for the need to comprehend those mechanisms that not only characterise the creative attitude to a speech work, but can also serve the purpose of deliberate distortion of factual data, historical memory, and destruction of personal values [Karabulatova, Kopnina, 2023, p. 319].

The contemporary media space is a crucial channel for shaping public opinion about any event, personality, social or governmental institution. Essentially, any socio-political event, through media coverage, reaches the mass audience as a linguistic representation of a new concept or a change in the content of an existing concept. This concept, when combined with the mental attitudes of each individual recipient, i.e., their basic knowledge and set of personal experiences, is conceptualized, categorized, and interpreted [Kalinin, 2022, p. 42].

In this context, the study of verbal representation of various socio-political phenomena holds significant predictive potential, as it allows of predictions about the further development of the political situation based on understanding the mechanisms of public opinion formation at the text level. This influences relations between countries and, in some cases, the geopolitical balance in the world. The language of mass communication is a key tool for informational influence on both individuals and collective audiences. Serving as the primary means of creating a socio-political worldview and a fundamental mechanism for reflecting and shaping the national worldview, language units are to be considered the most objective implement of linguistic analysis.

The relevance of this research is confirmed by the fact that today we are already witnessing a hybrid war, where the linguistic component may play a more important role than the military actions. In the context of a special military operation, Russia has faced a large-scale information campaign aimed at dehumanizing the Armed Forces of the Russian Federation and demonizing Russia as a whole in Western media [Velikaya, Berezkina, 2023; Zinin, 2023; Vyunov et al., 2024; Kazarenko, 2023]. This raises the pressing issue of the event representation in Ukraine within the media space of the Global

South countries, particularly in China, with which Russia officially maintains a comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era. It is worth noting that in the Russia's public media space, there is often a postulated opinion of comprehensive support from China, which seems not entirely justified, as it reflects private interpretations by Russian journalists of individual statements by Chinese political figures and lacks an analysis of public opinion.

In this regard, the subject of this study is the linguapragmatic characteristics of the Russian-Ukrainian conflict representation in institutional (the official newspaper of the Communist Party of China) and non-institutional (the social network Zhihu) media in China. The aim of the study is to identify these characteristics and subsequently interpret them in the context of forming the image of Russia as a whole.

The comparative analysis of official media and social networks, which technically underpins this study, opens the way to an urgent interdisciplinary scientific task with practical implications, namely, testing a mechanism for monitoring the formation and change of public opinion.

As noted in one contemporary research, modern media text has "a complex communicative structure, combining text, hypertext, dynamic (static) images, and sound, providing a nonlinear, multichannel, multilayered, and multifaceted perception of embedded conceptual and stylistic meanings" [Akhrenova, Zaripov, 2023, p. 92]. Meanwhile, the verbal component remains the central element capable of conveying the main content of the author's intention and reflecting the extralinguistic characteristics of media texts.

It is also important to note the significance of the lingua-cultural context of modern media communication, within which the specifics of discourse generation and its potential interpretation by media text recipients are determined by lingua-culture [Shi-Xu, 2022]. This necessitates considering the features of national Chinese culture within this study.

Chinese-language media discourse is a frequent subject of linguistic research, and the very principle of representing a country's media image is closely linked to the conceptual space of Eastern and Western propaganda [Karabulatova, Lagutkina, 2021, p. 40]. In general, the features of the China's official media functioning [Lobanova, 2014], the use

of media discourse to express the official position of China's leadership [Koshkarova, Mikushev, 2021], are often studied in Russian linguistics.

Undoubtedly, the role of Chinese unofficial media, such as various social networks, in political communication in general [Yu Xiao, 2021] and as a means of soft power in particular [Podosokorskiy, 2022], has also been studied. It should be noted that a systematic analysis of non-institutional political media discourse in China is presented in Frolova's dissertation research, where it is described as a hybrid format of media and political discourses formed in an electronically mediated environment, providing status equality of communicants and transmitting the axiological attitudes of agents of electronically mediated communication [Frolova, 2023, p. 6].

The special military operation as a subject of description in Chinese media is presented in several works. It should be noted that some researchers confirm the official position of comprehensive support by China for Russia's actions through their scientific inquiries. For instance, Shemyakin asserts that in most cases, the sentiment in the media towards Russia is friendly. Russia is portrayed as a powerful strategic, military, and economically strong country, and its people are depicted as indomitable and preserving their cultural shortcomings. It is also often emphasized that both Russia and China jointly oppose the USA and NATO [Shemyakin, 2023, p. 348]. Xu Mingluo confirms the friendly rhetoric of Chinese official media, explaining it as a direct instruction from Chinese authorities to limit the coverage of the special military operation within efforts to strengthen peace and support Russia's right to defend its interests [Xu Mingluo, 2022, p. 214]. In the works of Kalinin and Mavleeva, based on conducted corpus content analysis and substantive discourse analysis, a more restrained assessment is given: in the media discourse of China, there is rather an absence of an effort to form an evaluative component of conceptual knowledge about the situation in Ukraine. Meanwhile, we see that significant attention is paid to the historical context of Russia-Ukraine relations and the external socio-economic background [Kalinin, Mavleeva, 2022, p. 143]. It should be emphasized that studies of Chinese social networks to identify the state of public opinion regarding the Russian-Ukrainian conflict and linguapragmatic analysis of Russia's image have not been conducted, making

this comparative study particularly relevant from a practical standpoint.

Materials and methods

The comparative nature of the study involves the compilation of two corpuses of media texts. The sources for these texts were analytical and informational articles from the official website of the People's Daily Newspaper (人民日报), the official periodical of the Communist Party of China, and posts from the social network Zhihu (知乎), which is similar to Quora or Yandex.Zen, featuring informational and entertainment content. In both cases, the selection of texts was conducted from February 2022 to December 2022. The institutional media corpus consisted of 230 media texts, totaling 122,461 characters, while the volume of the non-institutional media corpus comprised 150 publications, totaling 149,178 characters.

The methodology for analysing media representation of the Russian-Ukrainian conflict is primarily based on corpus-based critical content analysis, which includes three stages:

1. Quantitative Analysis – utilizing software to create a list of keywords and their collocations;
2. Qualitative Analysis – grouping keywords into thematic blocks and identifying patterns in the use of keywords and collocations;
3. Critical Analysis – examining specific contexts to refine the data obtained in the first two stages.

The content analysis was conducted with the concordance software AntConc (version 3.5.8), which will make an in-depth study of textual information bulk possible and help considering specificity of lexical elements and their combinations.

This methodological approach is an effective tool for identifying the linguapragmatic characteristics of the image of a public institution in the media discourse of another country. The use of a text corpus enables the analysis of big data, thematic grouping and qualitative analysis point to conclusions obtained from quantitative analysis, adding the necessary detail to the results.

Results and discussion

The analysis of keywords identified lists of pragmatically significant keywords and phrases, whose frequent use contributes to the formation of a specific conceptual representation of Russia's

actions in Ukraine within the framework of the special military operation.

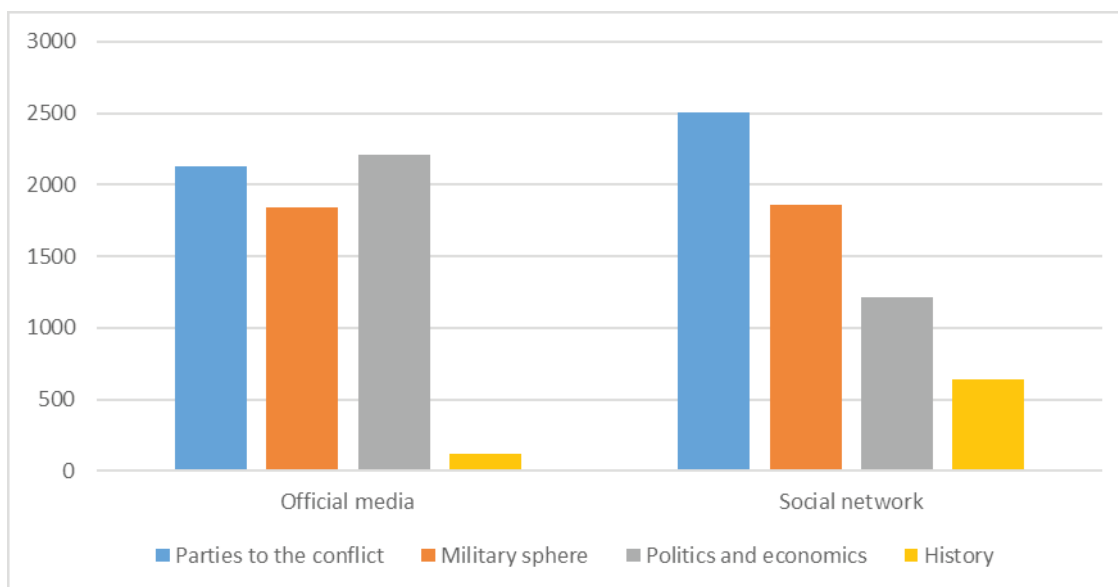
The obtained lexemes were divided into four thematic groups with the most frequent keywords for all four groups of each corpus that are presented in the form of word clouds (see Table 1).

The use of thematic lexical units by groups in the collected corpuses is represented in following Figure. The columns on the left represent the frequency of lexeme usage from four thematic groups in official media texts, while the columns on the right correspond to their frequency in the social media corpus. Columns of the same color indicate the same thematic group across different corpora.

A comparative analysis of the numerical data provides sufficient information about the core components of the description of the special military operation in Ukraine in Chinese news texts. The conducted analysis pointed to the obvious difference in the frequency of lexemes describing the historical context of the conflict in Ukraine. The authors of the texts published on social media significantly focus more on the historical causes of the conflict, especially the Soviet period of history, as is evidenced by the frequent use of lexemes 苏联 “USSR” – 321, 历史 “history” – 87, 克里米亚 “Crimea” – 84, 罗斯 “Ancient Russia” – 49. The almost twofold difference in the frequency of the thematic word groups that reflect the political-and-economic context of the special military operation can be observed in the two corpuses: lexemes belonging to the “Politics and Economy” thematic group were used 2211 times in official media texts and 1210 times in unofficial media texts. Official media pay significantly more attention to the political and economic events that are unfolded as a consequence of the Ukrainian conflict, describing sanctions, countless political events, economic consequences, as indicated by the frequent use of corresponding lexemes: 制裁 “sanctions” – 96, 支持 “support” – 92, 粮食 “food” – 87, 和平 “peace” – 77, 援助 “aid (material)” – 65, 政治 “politics” – 65, 对话 “dialogue” – 61, 协议 “agreements” – 58. The great attention to the essence of the conflict and its historical context, with a decrease in the coverage of the political-and-economic sphere, also reflects the basic feature of the Chinese blogosphere as a whole, namely its strict centralization and regulation: in unofficial media, authors usually try to avoid political issues, leaving the decisive word in covering this sphere to official state sources.

Table 1. Thematic groups with the most frequent keywords

Group	Institutional Media corpus	Non-Institutional Media corpus
1. Conflicting parties (countries, international organizations, politicians)		
2. Military sphere (Russian and Ukrainian settlements, weaponry, military vocabulary directly reflecting combat actions)		
3. Politics and economy (political-and-economic aspect of the special military operation)		
4. History (historical context)		

Distribution of keywords by thematic groups

Further analysis revealed specific manifestations of the representation of the special military operation in the media discourse of China. First of all, it is impossible not to pay attention to the nomination of the Russian-Ukrainian conflict (Table 2).

We can notice some difference in the frequent nominations of the special military operation. In the corpus of official media, the nominations 危机 “crisis” and 冲突 “conflict” are predominant, with frequencies of 145 and 110. At the same time, in the social media corpus, the nominations 战争 “war” and 入侵/侵略 “invasion/aggression” dominate, with frequencies of 248 and 156. This reflects differences in rhetoric and emphasis between official media and social networks. In particular, in unofficial media, lexemes with a negative connotation such as “invasion” and “annex” are encountered, creating a negative image of “a large state that unlawfully attacked a small, weak neighbor”²:

(1) 我支持乌克兰反对俄罗斯入侵，侵占邻国土地。(知乎/Zhihu) – I support Ukraine in opposing the **invasion** and occupation of state territories by Russia;

(2) 所谓阻止北约东扩是纯粹的谎言，靠吞并弱小邻国阻止强敌是什么行为？(知乎/Zhihu) – What kind of behavior is it to restrain a strong enemy by **annexing a weak neighbor**?

Note the lexeme 吞并 “annexation” is formed through copulative compounding, which involves combining two semantic roots that are homogeneous in nature, meaning that each character contributes to the overall meaning of the word. 吞并 (“annexation”) consists of 吞 “to swallow” and 并 “to unite”, reflecting a high potential for forming a negative assessment.

The use of the word denoting “war” to name the special military operation is also more frequent in social media corpus, whereas official media are significantly more neutral and most often use the phrase 乌俄冲突 – “Russian-Ukrainian

Table 2. Nomination of the Russian-Ukrainian conflict (the frequency of word usage)

Keyword	Official media	Social network
危机 “crisis”	145	31
冲突 “conflict”	110	51
特别军事行动 “special military operation”	84	23
战争 “war”	79	248
入侵/侵略 “invasion/aggression”	67	156
吞并 “annex”	0	25

conflict”. The significantly negative nature of the coverage of Russia’s actions in the context of the special military operation on social media can be confirmed by specific examples:

(3) **战争爆发**后，俄罗斯策划赫尔松等地入俄可以看出。(知乎/Zhihu) – After the **war broke out**, it became clear that Russia plans to annex Kherson and other territories;

(4) 俄罗斯陷入**战争泥潭**，财政困难，国内厌战情绪高涨。(知乎/Zhihu) – Russia is bogged down in the **quagmire of war**, facing financial difficulties, and anti-war sentiments are rising within the country.

The examples above show that outside official media, Russia is portrayed as an “aggressor that invaded the territory of a neighboring state and annexed its territories for unclear purposes.” Noteworthy is the metaphorical model WAR IS A QUAGMIRE, an ontological metaphor of high intensity, which through reframing the conceptual characteristics of military actions emphasizes their assessment by the author as “protracted and unproductive.” As is known, metaphors are an effective means of speech influence, it is described by various researchers as a tool for forming the author’s opinion [Kalinin, Ignatenko, 2022] and media image at the conceptual level [Brugman, Burgers, Vis, 2019].

It should be noted that not all studied publications present the Russian-Ukrainian conflict in such a negative light; however, unlike official media, where events are represented in a deliberately neutral style, manifestations of negativization are quite frequent. Thus, in 112 out of 150 reviewed texts of non-institutional media discourse, elements of negative assessment of the special military operation, its methods, causes, or consequences were identified.

From a pragmatic perspective, the difference in the use of individual lexical units within the thematic group “history” is highly significant, as it highlights distinctions in the representation of the historical context when describing the special military operation in the texts of official media and social networks. The context of any political event is essential for the Chinese audience, whose cultural peculiarity lies in its orientation toward the past and the search for the causes of present events in history (see Table 3).

In the corpus of official media, the term 台湾 “Taiwan” is mentioned more frequently (48 occurrences) compared to social networks (26 occurrences), highlighting its prominence in the official discourse. Similarly, 诺曼底模式 “Normandy Format” appears exclusively in official media (22 occurrences), emphasizing the diplomatic focus of these texts. In contrast, the social media corpus demonstrates a stronger emphasis on historical and ideological references, with significantly higher mentions of 苏联 “USSR” (321 occurrences compared to 9 in official media) and 历史 “History” (87 occurrences compared to 17). Lexemes such as 克里米亚 “Crimea”, 二战 “World War II”, and 罗斯 “Rus” are also more prevalent in social media, indicating a preference for framing the context of the special military operation within a broader historical narrative. Interestingly, the term 冷战 “Cold War” shows similar frequencies in both corpora (30 in official media and 33 in social networks), suggesting that it is a shared framework for interpreting contemporary events. These differences reflect the distinct priorities of the two corpora: official media focus on current diplomatic and geopolitical issues, while social networks emphasize historical and ideological dimensions.

Table 3. Historical context of the special military operation (the frequency of word usage)

Keyword	Official media	Social network
台湾 “Taiwan”	48	26
冷战 “Cold War”	30	33
诺曼底模式 “Normandy Format”	22	0
历史 “History”	17	87
苏联 “USSR”	9	321
阿富汗 “Afghanistan”	9	30
克里米亚 “Crimea”	7	84
二战 “World War II”	1	39
罗斯 “Rus”	0	49

The following examples from Chinese blogs show the specifics of covering the historical context of the special military operation:

(5) 苏联解体后，失去了乌克兰的俄罗斯，绝无再成为世界超级强国的可能，因为乌克兰之于俄罗斯，相当于东北三省（粮食基地）+江浙沪（经济中心）+长安洛阳（文明故地），很难想象丢掉了密西西比河流域的美国和丢掉了江浙沪的中国，国力会衰退到什么程度。(知乎/Zhihu) – After **the collapse of the USSR**, Russia, which lost Ukraine, no longer had the opportunity to become a world superpower, because Ukraine for Russia **is equivalent** to the three northeastern provinces (food base) + the ‘Shanghai region’ of China (economic center) + Chang’an and Luoyang (cradle of civilization). It is hard to imagine how the national power of the USA would decline if they lost the Mississippi River basin, and China, which lost the Shanghai region.

In this sentence, the author explains the strategically important significance of Ukraine for Russia both historically and socio-economically. Such an example of persuasive influence is based on national-cultural analogies and symbols understandable to the Chinese linguistic culture, capable of exerting linguistic-and-pragmatic influence simultaneously on rational and emotional spheres, confirming the necessity of considering

cultural context when analysing national discourses [Shi-Xu, 2022].

(6) 因为俄罗斯乌克兰同文同种，在苏联解体之前，乌克兰跟俄罗斯应该是一家人，显然，俄罗斯是想帮助乌克兰，发挥“同文同种”的优势，所以乌克兰本就应该理解俄罗斯的好意，并入俄罗斯。(知乎/Zhihu) – Since Russia and Ukraine are brotherly peoples and have a common language, before **the collapse of the USSR**, they were one family. Obviously, Russia wants to help Ukraine, using the advantages of “common language and brotherly people,” so Ukraine should have understood Russia’s goodwill and joined it.

In this sentence, where a positive representation of Russia’s image is, we observe a comparison of Russia-Ukraine relations with family ties, focusing the Chinese audience to the “legitimacy of Russia’s actions to protect the Russian-speaking population in Ukraine,” which reflects the author’s intention to positively evaluated Russia’s actions.

A detailed study of the quantitative distribution of lexical units reflecting the parties to the conflict demonstrates which political entities appear as direct and indirect participants in the conflict (Table 4).

The most obvious pattern is the high frequency of the lexeme *USA*, with almost identical values for the two corpus, indicating that

Table 4. Conflict actors (the frequency of word usage)

Keyword	Official media	Social network
美国 “USA”	685	625
北约 “NATO”	356	259
中国 “China”	155	462
欧洲 “Europe”	130	147
欧盟 “EU”	114	166
西方 “West”	114	234
基辅 “Kiev”	95	95
联合国 “UN”	90	34
土耳其 “Turkey”	88	4
德国 “Germany”	57	57
波兰 “Poland”	53	50
法国 “France”	50	34
白俄罗斯 “Belarus”	41	47
伊斯坦布尔 “Istanbul”	36	0
英国 “England”	33	42
莫斯科 “Moscow”	31	42

in Chinese media, the USA is recognized as a de facto party to the conflict. Interestingly, the West is more frequently mentioned in social media, whereas *NATO* is more often mentioned in official media, reflecting the formal and informal nature of information representation. Additionally, note the higher frequency of the lexeme *China* in the texts of the non-institutional corpus, likely reflecting a greater interest in internal matters, characteristic of Chinese linguistic culture in general.

Let's consider specific examples:

(7) 美国在乌克兰长期策划推动反俄运动，加剧了民族主义，并不断破坏所有谈判解决乌克兰问题的尝试。(人民日报/ People's Daily Newspaper) – The USA has long organized and promoted an anti-Russian campaign in Ukraine, fueled nationalism, and constantly undermined all attempts to resolve the Ukrainian issue through negotiations.

In this example from official media, we see a direct accusation of the USA in further fueling the war, encouraging nationalist movements, and hindering peace. Obviously, such negativization of the USA's role in international relations is part of China's media strategy to strengthen its own image.

(8) 王毅说，中国作为安理会常任理事国和负责任大国，始终忠实履行自身国际义务，为维护世界和平稳定发挥建设性作用。(人民日报/People's Daily Newspaper) – Wang Yi stated that as a permanent member of the UN Security Council and a responsible country, China has always faithfully fulfilled its international obligations and played a constructive role in maintaining world peace and stability.

This example confirms the previous one, namely that within official media, China forms an image of a peacekeeping country for its internal and external audience, actively contrasting itself with Western countries supporting active hostilities, as confirmed by clichéd phrases like *always faithfully fulfill its international obligations, play a constructive role in maintaining world peace and stability*, and others.

Unofficial media offer a more simplified logic of presentation, pursuing practically the same goal – demonstrating the inefficiency of the existing foreign policy arrangement, achieved, for example, through criticism of the UN:

(9) 联合国为什么不支持乌东四州呢？(知乎/Zhihu) – Why doesn't the UN support the four regions

of Eastern Ukraine (referring to LPR, DPR, Kherson, and Zaporizhzhia regions)?

(10) 联合国一直这么对美方毕恭毕敬。(知乎/Zhihu) – The UN constantly treats the USA with obsequious respect.

It is also noteworthy that the Chinese traditionally positively evaluate the personality of the President of the Russian Federation, V.V. Putin:

(11) 优势在我，希望中国人民的老朋友普京先生再接再厉，继续帮我们赢得战略空间。(知乎/Zhihu) – I hope that the old friend of the Chinese people, Mr. Putin, will redouble his efforts and continue to help us gain strategic space.

We emphasize separately that publications negatively portraying or even demonizing the image of the President of Russia were not identified in either official media or social networks. At the same time, with neutral mentions of the personality of the President of Ukraine, V. Zelensky, in official media, we noticed a decrease in the frequency of his mention in unofficial media and the use of derogatory rhetoric:

(12) 发现泽连斯基这小子孺子可教了，于是拜登登高一呼，拉了一帮祖宗八代的世交兄弟，有钱出钱，有家伙出家伙。(知乎/Zhihu) – Noticing that Zelensky is a promising boy, Biden gathered a gang of brothers who have been friends for generations and initiated that those who have money and weapons should give them.

Conclusions

The conducted corpus content analysis, based on the quantitative counting of keywords followed by thematic segmentation and linguacultural interpretation, as well as a refining critical comparative analysis of individual sentences and texts, has confirmed its applicability as a tool for identifying the linguapragmatic characteristics of a socio-political object. The results of the study demonstrate the specificity of representing Russia's image in the context of the description of the Russian-Ukrainian conflict in Chinese media through the use of certain linguistic means. The choice of sources for the material under analysis, including both official media, the online version of the CPC newspaper *People's Daily*, and the social network *Zhihu*, enables

a more objective study of the linguapragmatic characteristics of the Russia's image within institutional and non-institutional discourses in the Chinese language in a comparative manner.

As a result of the content analysis of news and analytical publications, specific conclusions were drawn about how the image of Russia is formed in Chinese media in the context of informing the public about the course of the Russian-Ukrainian conflict (Table 5). The findings presented in the table reflect the results of a linguistic-pragmatic analysis, which examines how lexical units or phrases are used to convey specific communicative intentions or rhetorical goals in a given context. These characteristics are evident through evaluative connotations and the distribution of emphasis, providing insight into the narrative strategies employed in different types of media.

Thus, summarizing the findings, we can say that the representation of the special military operation by official media is carried out generally by using neutrally colored lexical units. Officially accepted phrases are often used to name the Russian-Ukrainian conflict, and the linguapragmatic goal of media texts consists of describing the causes and consequences of conflicts. The low-frequency use of evaluative vocabulary reflects the lack of changes in the evaluative representation of Russia's image in the Chinese official media. The Russian-Ukrainian conflict is often presented to the audience as a "result of aggressive US foreign policy," a consequence of "historical contradictions," which creates opportunities for actively promoting the peacekeeping nature of Chinese diplomacy.

Social media have a broader range in forming the audience's assessment of Russia in the context of the special military operation description. The analysis of the linguapragmatic characteristics of media texts in Chinese blogs showed that the majority of authors consider the initiation of hostilities as "erroneous and unjustified," sometimes directly indicating signs of "aggression and annexation." The texts often use negatively colored vocabulary and metaphors to name the conflict and characterise military actions negatively.

At the same time, the historical context is actively described, the relatedness of socio-political systems and national-ethnic characteristics is examined in detail, and the President of Russia is positively evaluated, appearing as a strong and decisive leader who dared to "challenge the global hegemon." Thus, we believe that non-institutional media, while more explicitly forming a negative image of Russia as a participant in the military conflict, still leave room for the development of one's own opinion.

NOTES

¹ Research on the topic "Linguapragmatic characteristics of the Russian-Ukrainian conflict representation in China media discourse" was carried out at the expense of the Grant under the Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

² Further, the article provides examples from media sources in Chinese translation, which are supplemented by explanations in the form of a translation made by the authors of this article.

Table 5. Main linguapragmatic characteristics of the special military operation's representation

Linguapragmatic characteristics	Official Media	Social Media
The essence of the conflict	Neutral; result of geopolitical games, Cold War mentality	Predominantly negative; aggression from Russia; response to NATO's eastward expansion
US participation	Negative, USA as a global hegemon inciting wars	Neutral, USA as one of the conflict participants
Reasons	Political, economic	Historical, economic
Emphasis	Geopolitical context, economic consequences	Causes of the conflict, military aspect
Putin	Neutral	Positive
Zelensky	Neutral	Negative

REFERENCES

- Akhrenova N.A., Zaripov R.I., 2023. Strukturnye osobennosti novostnogo teksta v internet-diskurse [Structural Features of News Text in Internet Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, pp. 87-98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-6
- Brugman B.C., Burgers C., Vis B., 2019. Metaphorical Framing in Political Discourse Through Words vs. Concepts: A Meta-Analysis. *Language and Cognition*, vol. 11, no. 1, pp. 41-65.
- Frolova A.V., 2023. *Metaforicheskoe modelirovanie obraza budushchego Rossii v neinstitutionalnom politicheskom internet-diskurse SShA i Kitaya avto-ref: dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical Modeling of the Image of Russia's Future in the Non-Institutional Political Internet Discourse of the USA and China. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 197 p.
- Kalinin O.I., 2022. Korpusnyy analiz yazykovoy reprezentatsii spetsialnoy voennoy operatsii VS RF na Ukraine v SMI KNR [Corpus Analysis of Language Representation of the Special Military Operation of the Russian Armed Forces in Ukraine in the PRC Mass Media]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 10 (865), pp. 41-47. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41
- Kalinin O.I., Ignatenko A.V., 2022. Sravnitelnyy analiz ispolzovaniya metafor v russkikh, angliyskikh i kitayskikh mediatekstakh informatsionnogo i vozdeystvuyushchego kharaktera [Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Russian, English and Chinese Media Texts of Informational and Persuasive Nature]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 13, no. 4, pp. 1062-1082. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-10
- Kalinin O.I., Mavleeva D.V., 2022. Analiz yazykovoy reprezentatsii spetsialnoy voennoy operatsii VS RF na Ukraine v SMI KNR, KNDR i Respubliki Koreya [Analysis of Language Representation of the Special Military Operation of the Russian Armed Forces in Ukraine in the Media of the PRC, the DPRK and the Republic of Korea]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 5 (95), pp. 135-144. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_13
- Karabulatova I.S., Lagutkina M.D., 2021. Obraz Kitaya v lingvoinformatsionnoy modeli sovremennogo mediadiskursa (na materiale russkikh i kitayskikh SMI) [Image of China in the Linguo-Information Model of Modern Media Discourse (On the Material of Russian and Chinese Mass Media)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], vol. 21, no. 4, pp. 40-53. DOI: 10.37482/2687-1505-V124
- Karabulatova I.S., Kopnina G.A., 2023. Spetsifika lingvisticheskoy parametrizatsii destruktivnogo massmediynogo teksta s obestsenivaniem istoricheskoy pamyati [Specificity of Linguistic Parameterisation of Destructive Mass-Media Text with Devaluation of Historical Memory]. *Medialinguistics*, vol. 10, no. 3, pp. 319-335. DOI: 10.21638/spbu22.2023.303
- Kazarenko D.S., 2023. Dvoynnye standarty i neyropropaganda kak element kognitivnoy voyny protiv Rossii (na primere osveshcheniya SVO v informatsionnom prostranstve Frantsii i FRG) [Double Standards and Neuropropaganda as an Element of Cognitive Warfare Against Russia (On the Example of the Coverage of the Special Military Operation in the Information Space of France and Germany)]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], vol. 11, no. 4 (37), p. 48. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-48-48
- Koshkarova N.N., Mukushev I.O., 2021. Obraz Rossii v kitayskikh SMI [Image of Russia in the Chinese Media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (87), pp. 87-100. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_08
- Lobanova T.N., 2014. *Politicheskiiy mediadiskurs KNR: teoriya i metodologiya analiza* [Political Media Discourse of the PRC: Theory and Methodology of Analysis]. Khabarovsk, Tikhookean. gos. un-t. 123 p.
- Podosokorskiy N.N., 2022. Myagkaya sila TikToka: sotsset, kotoraya pokorila mir [TikTok's Soft Power: Social Network That Conquered the World]. *Nauka televideniya* [Art and Science of Television], vol. 18, iss. 2, pp. 117-146. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.2-117-146>
- Shemyakin R.D., 2023. Sovremennyy obraz Rossii v kitayskikh SMI [Modern Image of Russia in the Chinese Media]. *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic Service], no. 4, pp. 347-355. DOI: 10.33920/vne-01-2304-09
- Shi-Xu, 2022. A Cultural Discourse Studies Approach to Communication. World of Media. *Journal of*

- Russian Media and Journalism Studies*, no. 1, pp. 5-23. DOI: 10.30547/worldofmedia.1.2022.1
- Velikaya N.M., Berezkina E.Yu., 2023. Rossiya v publichnom diskurse i obshchestvennom mnenii Italyanskoy Respubliki [Russia in the Public Discourse and Public Opinion of the Italian Republic]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 3 (117), pp. 45-56. DOI: 10.31857/S020170832303004X
- Vyunov A.S., Veretennikov A.S., Golubcova E.V., Grechushnikova T.V., Imas A.V., Kalinin O.I., Lelyukaeva E.M., Mavleeva D.V., Muravleva V.R., Podolko A.S., Popova L.E., Prikhodko M.V., Seredenko V.M., Serbin V.S., Solopova O.A., Stepanenko E.A., Khabarov A.A., 2024. *Informatsionnaya voyna v usloviyakh spetsialnoy voennoy operatsii. Opyt lingvisticheskogo analiza* [Information Warfare in the Conditions of Special Military Operation]. Moscow, Flinta Publ. 272 p.
- Xu Mingluo, 2022. Osveshchenie sobytii na Ukraine kitayskimi SMI [Coverage of the Events in Ukraine by the Chinese Media]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], no. 3-2 (66), pp. 212-214. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214
- Yu Xiao, 2021. Ispolzovanie sotsialnykh setey v politicheskoy kommunikatsii [Use of Social Media in Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (85), pp. 149-158. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_14
- Zinin Ju.N., 2023. Situatsiya na Ukraine v period SVO Rossii cherez prizmu Blizhnevostochnykh SMI [Situation in Ukraine During the Period of the Special Military Operation Russia Through the Prism of the Middle East Media]. *Rossiia i musulmanskii mir* [Russia and the Muslim World], no. 3 (329), pp. 23-39. DOI: 10.31249/rimm/2023.03.02

SOURCES

- Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitii otnosheniy vseobyemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu* [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>
- Zhihu* [Q&A Site and News Aggregator Zhihu]. URL: <https://www.zhihu.com>
- Zhjenmin zhibao* [People's Daily Newspaper (Renmin Ribao)]. URL: <http://paper.people.com.cn>

Information About the Authors

Oleg I. Kalinin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Chinese, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Associate Professor, 36 Department, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia; Senior Researcher, Department of Scientific and Innovation Activities, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, Okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

Konstantin N. Mironenko, Adjunct, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, mirkotofei@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5836-1152>

Информация об авторах

Олег Игоревич Калинин, доктор филологических наук, профессор кафедры китайского языка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; доцент 36 кафедры, Военный университет им. князя Александра Невского, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, Okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

Константин Николаевич Мироненко, адъюнкт, Военный университет им. князя Александра Невского, г. Москва, Россия, mirkotofei@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5836-1152>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.5>

UDC 81'1:1
LBC 81.006

Submitted: 14.02.2024
Accepted: 21.10.2024

VERBALIZATION OF THE BEHAVIORAL ASPECT OF THE LINGUO-PHILOSOPHICAL CATEGORY OF "RELATIONS" IN ITALIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Irina A. Savvateeva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is dedicated to the issue of reflecting human relations in a behavioral aspect in different languages. It presents the results of a comparative analysis of the semantic organization of meanings of conceptually related lexical units that share a common Latin root and verbalize the category of RELATIONS in Italian and English. Based on a detailed analysis of the nouns *atteggiamento* in Italian and *attitude* in English, conducted with consideration of the linguocognitive and linguocultural contexts, the semantic similarities and differences of these lexemes are identified. Both units denote an evaluation (positive or negative) in relation to certain circumstances. However, the Italian word emphasizes the awareness of external actions, while the English word refers to a reaction more associated with internal emotions and mental states. The analyzed lexemes *atteggiamento* and *attitude* demonstrate a tendency towards the dominance of the behavioral component in the semantics of the category of RELATIONS due to the actualization of diachronic components in their lexical meanings. The prospects for the research lie in the application of a comprehensive comparative methodology for a deeper study on evolving meanings of lexical units that explicate the semiotic and axiological aspects of the category of RELATIONS in Italian and English.

Key words: linguo-philosophical category of RELATIONS, lexico-semantic sphere, diachronic analysis, verbalization, linguocognitive aspect, linguocultural aspect, linguistic worldview.

Citation. Savvateeva I.A. Verbalization of the Behavioral Aspect of the Linguo-Philosophical Category of "Relations" in Italian and English Languages. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 52-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.5>

УДК 81'1:1
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 14.02.2024
Дата принятия статьи: 21.10.2024

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО АСПЕКТА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ «ОТНОШЕНИЯ» В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ирина Анатольевна Савватеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме отражения в разных языках представлений их носителей об отношениях людей в поведенческом аспекте. В статье изложены результаты сопоставительного анализа семантической организации значений понятийно близких лексических единиц, имеющих общий латинский корень и вербализующих категорию «отношения» в итальянском и английском языках. На основе детального анализа существительных *atteggiamento* в итальянском языке и *attitude* в английском, проведенного с учетом лингвокогнитивного и лингвокультурного контекстов, выявлены семантические общность и различия этих лексем. Обе единицы обозначают оценку (позитивную или негативную) по отношению к определенным обстоятельствам, при этом итальянское слово акцентирует осознание внешних действий, а английское слово номинирует реакцию, больше связанную с внутренними эмоциями и психическим состоянием. Проанализированные лексемы *atteggiamento* и *attitude* демонстрируют тенденцию к до-

минированию поведенческого компонента в семантике категории «отношения» благодаря актуализации диахронических компонентов в их лексических значениях. Перспективы исследования видятся в применении комплексной сопоставительной методики для углубленного изучения эволюции значений лексических единиц, которые эксплицируют семиотические и аксиологические аспекты категории «отношения» в итальянском и английском языках.

Ключевые слова: лингвофилософская категория «отношения», лексико-семантическая сфера, диахронический анализ, вербализация, лингвокогнитивный аспект, лингвокультурный аспект, языковая картина мира.

Цитирование. Савватеева И. А. Вербализация поведенческого аспекта лингвофилософской категории «отношения» в итальянском и английском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 52–63. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.5>

Introduction

At the current stage of development in linguistic science, the identification of universal and linguocultural features of lexemes that denote similar or common concepts that present the category of RELATIONS in different languages is a relevant and promising direction in the field of lexical typology in comparative studies. Observing the scope of linguistic information regarding the usage of semantically close words in different languages opens new opportunities for understanding the world of human interaction in linguistic and cultural meanings.

The theoretical novelty of this research lies in the fact that it offers a comparative approach to analyzing the internal components that represent the category of RELATIONS as a linguocultural phenomenon. This approach can be generally characterized as linguocentric, since the primary research focus is on the linguistic substance of the category of RELATIONS. Within this framework, methods of thesaurus, cognitive, and conceptual analysis of the category of RELATIONS are being developed and tested.

The object of this research is the lexemes *attitude* in English and *atteggiamento* in Italian in their linguocultural, linguocognitive, and diachronic interpretations.

The subject of the study is the cognitive-and-perceptual and linguocultural factors that accomplish revealing the behavioral sema in the structure of the lexemes under study, as well as their similarities and differences in the linguistic pragmatic realization in the compared languages.

The choice of the object and subject of research is determined by the significance of the category of RELATIONS in the conceptual sphere of humans,

its multi-facetedness and interdisciplinary nature, which necessitates a comprehensive approach to analyzing its features.

The aim of this research is to determine the semantic organization of the meanings of two conceptually related words in English and Italian – *attitude* and *atteggiamento* – as the main verbalizers of the category of RELATIONS in relation to an aspect of its manifestation, namely behavior.

The aim of the study involves solving a number of tasks, including analyzing the general theoretical foundations for the conceptual comparison of lexemes expressing the category of RELATIONS in the scientific literature; examining the definitional interpretation of lexemes that represent this category in specialized lexicographic sources (Italian and English) with regard to both synchronic and diachronic aspects; analyzing the specifics of their representation in the compared languages in dictionaries and usage contexts; as well as demonstrating the similarities and possible peculiarities of their usage in the linguistic consciousness of speakers of Italian and English.

In the context of studying the lexico-semantic sphere of the linguo-philosophical category of RELATIONS from a behavioral aspect, as well as its verbalization in Italian and English, the following hypothesis is formulated: The semantic organization of the meanings of the lexemes *attitude* in English and *atteggiamento* in Italian demonstrates both similarities and significant differences, which can be explained by cultural, cognitive, and social factors and influence the perception and verbalization of the concepts related to relations and behavior. It is hypothesized that, from a linguocognitive

perspective, different cultural contexts contribute to the formation of unique cognitive schemes and models among speakers of the languages, potentially leading to differences in the semantic content and usage of the corresponding lexemes. While *attitude* emphasizes evaluative and potential aspects of behavior, *atteggiamento* expresses more explicitly emotional and cultural predispositions. From a linguocultural perspective, speech practices and cultural norms of each language influence the preference for using these lexemes. Consequently, the category of RELATIONS is viewed as an activity phenomenon realized in both potential and real behavioral actions, with the basic semantically conceptualizing lexemes of this category that reveal their behavioral context based on the linguocultural space.

At the modern stage of linguistic science, one might assume that the universal and linguocultural features of lexemes nominating the category of RELATIONS in English and Italian significantly affect the perception and interpretation of concepts related to behavior. Thus, the differences and similarities in the semantic content of the words *attitude* and *atteggiamento* may indicate the specificity of the cognitive and cultural worldview of the speakers of these languages. The existence of differences in the lexical representation of the category of RELATIONS suggests that language serves not only as a means of communication but also reflects cultural characteristics and cognitive structures that shape behavioral dispositions in different languages.

The study of the processes of cognition of relations and behavior justifies the formulation of the problem of examining the origins and development of invariant features in the structures of meanings of the compared lexemes in an applied linguistic context. The interest in exploring the peculiarities of the usage of lexemes expressing the concept of RELATIONS and containing a component of behavior is due to their widespread occurrence in the language of various spheres of human activity. Additionally, the issue at hand involves the fact that the category of RELATIONS is a common and fundamental anthropological cognitive concept.

The theoretical and analysis of modern foreign and domestic scientific research on

relations and behavior in the humanities shows that attempts to define the essence of human relations and behavior give rise to issues concerning their understanding within the scientific and theoretical concepts of studying the connections between attitudes and behavior. According to the conceptual framework provided by the theory of planned behavior [Ajzen, 1991; 2020], the immediate antecedent of behavior in this theory is the intention to perform a behavioral act. Behavioral intentions are determined by three factors: attitude toward the behavior, subjective norm regarding the behavior, and perceived behavioral control. In the field of cognitive psychology [De Houwer, Van Dessel, Moran, 2021], a propositional view of behavioral attitudes is presented.

Attitudes can also be seen as propositional and mental representations that help explain why stimuli evoke positive or negative responses, and they are moderated by relational and truth-related information. The review by D. Albarracin and S. Shavitt [2018] covers research on attitudes and attitude change published between 2010 and 2017, it characterizes this period as progressive in the understanding of how attitudes form and change in three critical contexts. The first context is the individual, where attitudes change in connection to values, general goals, language, emotions, and human development. The second context is social relations, which link attitude change to the communicator of persuasive messages, social media, and culture. The third context is sociohistorical, highlighting the influence of unique events, including sociopolitical, economic, and climatic occurrences.

In social psychology, Christian Fleck analyzes the development of approaches to understanding attitudes in relation to concepts such as instinct, imitation, and habit in the humanities. The author notes that the term “attitude” has replaced these concepts, thanks to the method of assessing opinions [Fleck, 2015].

In the fields of neuropsychology and behavioral sciences, the concept of attitude is studied in relation to behavior, emotions, personal states, inherited predispositions, social interactions, life experiences, and trust in the objective [Gaiseanu, 2020].

Research on the key attitudinal elements identifies the constructs that shape perceptions

and behavioral intent, as well as how they can be influenced by various types of actual behavior [Bradford-Knox, 2020]. The study of presuppositions in natural attitudes presents its analysis as the basis of human behavior, where the complex meanings of linguistic expressions do not belong to the structure of language or cognition in metaphysics [Prandi, 2023].

A review of the current scientific literature shows that these perceptions and behavior are studied from various aspects and have a direct or indirect relationship with the linguistic means of their expression at different linguistic levels. In the field of semantic studies of language, the presuppositions of behavior and mindset have been investigated within the framework of binding theory [Blumberg, 2023]. In sociolinguistics [Amin, 2020], language attitudes are considered explanatory factors for changes in approaches to the study of linguistic phenomena. It is noted that these perceptions, as a psychological phenomenon, manifest themselves in the form of action or behavior. They are characterized by both psychological and behavioral traits. In ontogenesis, a person speaking, due to the interaction of two signaling systems, develops cognitive and speech abilities, provided that they are included in the socio-communicative environment of human society. This tool fills the image of the human world with content, mediating human life activity. This allows people to orient themselves in the environment and regulate their behavior and that of other members of society [Shaposhnikova, 2020, p. 156].

The category of RELATIONS demonstrates a number of interpretations in both scientific and ordinary worldviews.

In the cognitive aspect, behavioral actions depend on the speaker's intentions, mood, thoughts, and psychological components. In a practical sense, within the framework of using linguistic means to express behavioral relations, we refer to certain actions taken by the subject in relation to specific addressees – observers of behavior [Savvateeva, 2023, pp. 150-153]. However, attention should be paid to the fact that in different cultures, perceived objects, processes, entities, phenomena, etc., that are subject to cognitive “processing” are endowed with unequal, dissimilar meanings. Percepts (images of what is perceived) in this case,

depending on their significance and importance, receive different forms in languages [Ivanova, Verkhoturova, 2022, p. 46].

The theoretical foundations for studying the concept of RELATIONS in terms of behavior and its objectification in linguistics are determined by the anthropological nature and significance of this category. A historical review of approaches to studying relations, as the basis for understanding intra- and intergroup dynamics, is conducted within anthropological and social linguistics [Dragojevic et al., 2021].

The authors note the necessity to unify understanding the notion of relations, which may be seen in intensive dialogue between sociology and cognitive linguistics, shown in [Bicudo, 2023].

It is based on the question of whether the production and relations that constitute society are only related to complex and conscious actions or whether their sources can be found at more fundamental and unconscious levels of understanding. The author emphasizes that societies rely on basic and unconscious processes by which people make sense of social life, including their social relations and contacts [Bicudo, 2023]. In the field of cognitive linguistics, an analysis of the development and prospects of cognitive linguistics in relation to language, culture, and cognition is presented [Sinha, 2021]. It is noted that there is a necessity to study the socio-cultural context of language in cognitive linguistics, since cognition is conditioned by socio-cultural features and languages influence each other through contact and competition. The author predicts a future strengthening of the interaction between linguistics and anthropology, psychology, and the social sciences that study culture, consciousness, and language. In the field of applied linguistics, research has been conducted on the influence of motivation and the attitudes of speakers of a particular language and culture as emotional orientations in linguistic and cultural affiliation and orientation toward another host culture [Schmid, Gülsen, 2021].

The linguistic-and-cultural approach involves the analysis of nationally specific features of understanding relations in the behavior of both Italian and English speakers. These features are reflected in the forms of communication and the semantics of linguistic units. Language, at its core, is also behavior. Language has a strong cultural

influence. The specific system of linguistic terms and forms that exists in a given culture represents an important part of the entire complex of influences to which an individual is exposed [Anastasi, 2001, p. 128].

According to I.V. Shaposhnikova, the image of the world is a complex dynamic semantic formation that reflects the intentionality of consciousness, its sociocultural determinism, other-centricity, and evaluativeness, based on cognitive and communicative-discursive mental activity, ordering semantic units according to their significance for the subject [Shaposhnikova, 2020, p. 156].

Regarding the specifics of the linguistic and cultural space when studying linguistic phenomena, N.L. Shamne notes that differences in the cultural apparatuses of communication participants can affect the structures of knowledge, forms of behavior, and linguistic means, and manifest themselves differently. At the same time, all these parameters are of a socio-historical nature and are associated not only with certain social formations but also with their historically specific manifestations [Shamne, 2003, p. 75].

Consideration of the specific ways in which various manifestations of the category of RELATIONS are perceived through individual cognitive structuring of reality – determined by national, cultural, and social factors – and how this perception is reflected in language, underlines the scientific novelty of this approach. It allows us to characterize features of verbalizing the behavioral aspect of this category within a specific linguistic culture.

Material and methods

The methodology of analysis is based on the method of linguistic observation – selecting lexemes, extracting lexemes with the meanings of behavior and relations from lexicographic and contextual sources, and correlating them with the studied linguistic category. The interpretative method is used to reveal the meaning of the obtained research results. The application of these methods is aimed at a deep logical-and-semantic analysis of the obtained lexicographic data and is based on the desire to identify and logically characterize the semantic development of verbalizers of the category of RELATIONS in behavior in the compared languages.

The determination of the linguogenetic affiliation of the examined lexemes and the selection of the feature of behavioral action in the semantics of words with the meanings of behavior and relations served as the basis for the analysis.

Comparative interpretation is applied for the purpose of studying the obtained comparable definitions and contexts of lexeme usage, as well as for comparing the results: identifying typical and atypical features of the studied category, establishing similarities and differences as its linguocognitive and linguocultural characteristics. The foundation of the analysis methodology is the research procedure of isolating the seme with the meaning of behavioral action in lexemes as a comparative parameter for comparison of their lexical development and functioning based on the diachronic evolution of this seme. The comparison of lexemes with the seme “behavioral action” in different languages and linguocultures provides an opportunity to assess the presence or absence of national specificity in expressing the category of RELATIONS and the degree of its manifestation in a behavioral context. Thus, the proposed methodology takes into account a systematic approach to comparing the meanings of words through the isolation of semes, establishing the degree of equivalence, and analyzing the results, which allows for a clearer description of the similarities and differences in the meanings of the words. The logical structure of this methodology ensures its clarity and consistency, making the analysis process more organized and effective.

The offered comparative methodology, that was applied to the semantic analysis of the lexemes *attitude* and *atteggiamento*, included a number stage.

I. Semantic-cognitive comparative diachronic analysis of the development, variation, and integration of the meaning of the category of RELATIONS (behavioral aspect) in the worldviews of the compared languages.

II. Component analysis of the semantics of lexemes representing the category of RELATIONS (behavioral aspect) based on explanatory dictionaries of *attitude* in English and *atteggiamento* in Italian. This involves identifying key semes associated with each lexeme that is linked to the analytical aspect of the category of RELATIONS.

III. Contextual analysis, through which, in addition to highlighting linguocognitive and linguocultural components, pragmatic component is also discovered in the semantics of the examined lexemes in the form of evaluative semes.

IV. In the final stage, an analysis of the similarities and differences among the meaning of the studied lexemes is conducted. This involves examining the obtained data to identify key trends in these similarities and differences, particularly focusing on how behavior, as expressed through *attitude* and *atteggiamento*, influences social relations in the two cultures.

Thus, the methodology of analysis allows for a deeper understanding of how the lexeme *attitude* in English relates to the Italian *atteggiamento* in the context of the behavioral aspect of the category of RELATIONS.

The source of material for the study consisted of explanatory dictionaries of Italian and English, as well as the national corpora of these languages. The analysis of examples from the Glosbe dictionary, as well as from the Written British National Corpus (BNC) and the Italian National Corpus (PAISÀ), allowed for the identification of a number of semantic features that specify the concepts denoted by these lexemes and, accordingly, groups of linguistic units that objectify the category of RELATIONS in the behavioral aspect. Based on the specified factual material, the contexts of usage for key units expressing the category of RELATIONS in the behavioral aspect in the comparable languages are established.

Results and discussion

The lexemes *attitude* and *atteggiamento* describe aspects of perception and behavior of individuals. Both words can refer to a state of mind or mood that influences a person's actions, making them comparable in the context of behavior.

The English lexeme *attitude* differs in its meaning from the Italian lexeme *attitudine*. In English, the lexeme *attitude* manifests a certain set of actions as a way of behavior, its semantic implementation of the concept “relations” is more consistent with the Italian lexeme *atteggiamento* (with the semantic features “putting into action” and “posing as behavior in a certain role”).

The relation expressed by the Italian lexeme *atteggiamento*, from the perspective of etymology, is understood as the behavior adopted by a person or community in certain circumstances, respectful behavior towards other people and communities, or even towards facts, doctrines, problems. This is synonymous with the concepts of movements, attitudes, postures (hereinafter our translation. – I. S.). Cf.: *Per atteggiamento, in inglese attitude, si intende, etimologicamente, un comportamento assunto da una persona o da una collettività in una determinata circostanza o nei riguardi di altre persone e collettività, o anche rispetto a fatti, dottrine, problemi ed u sinonimo di movenza, piglio, portamento o postura* (Treccani).

Diachronic analysis showed that initially the meaning of these lexemes is associated with the lexeme *act* (*atto*). In Latin, *actus* was the past participle of *agere*, literally “to push, to carry something forward” (VI), and therefore to act, to do. Thus, an *act/deed* is an action as a *deed done*: *L'atto, dunque, è azione in quanto cosa fatta* (VI).

Subsequently, this meaning, with the leading sign of effectiveness and subsequent direction, was developed in new unities, among which, undoubtedly, the most noteworthy are *atteggiare* and *atteggiamento*. In particular, in addition to the leading semantic feature “putting into action,” the semantic feature “posing as behavior in a certain role” is formed, which is represented in the semantics of the verb *atteggiare* and implies the conscious desire of the subject to behave this way.

Posing in this case is understood broadly – as the performance of certain roles. For example, when a person is not just surprised, but makes a surprised face; or when he wants to pretend to be someone he is really not, while aware that he is playing a certain role. Cf.: *Mentre attuare è piatto nella desinenza e nel senso – mero “mettere in atto” –, atteggiare implica una volontà consapevole di disporre le cose in un certo modo: se atteggio il mio viso a stupore non sono semplicemente stupito, voglio mostrare di esserlo; e se mi atteggio a vittima, so di recitare una parte* (VI). However, the relation is not necessarily manifested by posture or gesture. It can be an action from which a relation is derived (from the Latin *aptus*), as well as the past participle of the verb *apere*, which

meant “to attach, bind, connect,” later acquired a positive connotation “well tied, well connected,” and further, *suitable, adequate, appropriate*. Later, with the addition of the prefix *ad-*, *L’attitudine* acquired the meaning of “inclination”, which also remained in the English unit *aptitude*, equivalent to *attitudine* in the Italian language. It is this semantic sign of connection that is a key to the concept of RELATIONS in the behavioral aspect. Thus, in the linguistic cognitive aspect, the meaning of the lexeme *attitudine* contains the meaning of potentiality (the appropriate connection *aptus*) of an action, the possibility of its transformation into a real behavioral action (action/posture, gesture *actus*). The meaning of the lexeme *atteggiamento* contains the meaning of *actus* from *agere* (“to push/carry something forward” in the meaning of “to act, to do”). Thus, when verbalizing the category of RELATIONS in the behavioral aspect, the meaning of behavior expressed in action is updated in the lexeme *atteggiamento*, while the meaning of “ability” is manifested in the lexeme *attitudine*, as the original, passive potential of a future behavioral action. The Italian lexeme *atteggiamento* originates from the Latin word *actus* and is related to behavior manifested in certain circumstances. In the context of etymology, its primary meaning is associated with pushing (*agere*) and action. The semantic perspective includes a breadth of aspects such as awareness of role and posturing, indicating how a person behaves in a social situation.

In English, the lexeme *attitude* is borrowed from French. Cf.: French, from Italian *attitudine*, literally, *aptitude*, from Late Latin *aptitudin-*, *aptitudo* fitness (MWD). The concept of relations in the behavioral aspect in the lexeme *attitude* correlates with the meaning of the Italian lexeme *attitudine* (*atto* – posture, human posture; figures depicted in various forms). Cf.: “*posture or position of a figure in a statue or painting*,” via French *attitude* (17 c.), from Italian *attitudine* “*disposition, posture*,” also “*aptness, promptitude*,” from Late Latin *aptitudinem* (nominative *aptitudo*; see *aptitude*, which is its doublet) (OED). According to English dictionaries, the lexeme *attitude* was originally used as a technical term in art. Cf.: Originally 17 c. a technical term in art; later generalized to “*a posture of the body supposed to imply some mental state*” (1725) (OED). Later, *attitude* was

generalized to mean “*a body posture presumably implying some kind of mental state expressed in behavior*.” Cf.: The sense of “*a settled behavior reflecting feeling or opinion*” is from 1837. The meaning “*habitual mode of regarding*” is short for attitude of mind (1757) (OED). Note that the dictionary definitions of the lexeme *attitude* reveal a narrowing of its meaning in English slang, which offers an understanding of it as “*antagonistic and uncooperative*.” Cf.: Connotations of “*antagonistic and uncooperative*” developed by 1962 in slang (OED).

The lexeme *attitude* in modern English dictionaries contains the following components in its interpretation: behavior, feelings, and opinion. Cf.: *Attitude* – a feeling or opinion about something or someone, or a way of behaving that is caused by this (CDO). Additionally, the expression of thoughts and feelings can be reflected in behavior. Cf.: *Your attitude to something is the way that you think and feel about it, especially when this is evident in the way you behave* (Collins).

The definition reveals a tendency to define the lexeme with an emphasis on internal emotions in relation to someone/something. The behavioral component is present but does not occupy a dominant position. Prepositions of direction (*to/toward*) and the verb *show* emphasize the connection between the manifestation of emotions and thoughts and the need to demonstrate them in behavior. Cf.: *Attitude (to/toward somebody/something) refers to the way that you think and feel about someone or something; the way that you behave toward someone or something that shows how you think and feel* (OLD).

In modern English, the lexeme *attitude* manifests the category of RELATIONS in a behavioral sense as an example to follow or purposeful imitation. Cf.: *Attitude is generally studied for the sake of appearing graceful; hence it is sometimes affected, with the practice of it being called attitudinizing. An attitude is often adopted intentionally for the purpose of imitation or exemplification; generally, attitude is more artistic than posture* (OED).

The English word *attitude* is borrowed from French and has roots in the Italian *attitudine* and the Latin *aptitudo*. Initially, the term was used in the context of art as body posture, and later it came to denote a broader concept, including mental state and behavioral habits. Over time, its

meaning narrowed, developing a focus on emotions and internal perception.

Comparative diachronic analysis revealed the closest historically determined semantic connections between the analyzed lexemes and, at the same time, some differences in their meanings. It follows that we can effectively use information stored in our memory to form relations. Linguistic codification of the category of memory is the total projection of a given extra-linguistic object as a result of its linguistic acquisition. It integrates the characteristic features of representation, nomination, and discursive manifestation of the corresponding phenomenon, and is constituted by universal and varying (in terms of synchrony), as well as constant (in terms of diachrony) elements [Shamne, Rebrina, 2013, p. 105].

According to the most common definition, a relation is a psychological tendency that is expressed by evaluating a specific entity with some degree of favor or disapproval [Eagly, Chaiken, 1993]. The reactions caused by these relations are reflected in the choice of actions and, therefore, determine the behavior of the subject. Thus, a relation is actually a complex concept associated with various factors. The category of RELATIONS can be considered a way of analyzing behavior in the axiological aspect, since the semantics of the lexemes under consideration also contain a pragmatic component in the form of evaluative semes.

Thus, in the following example, internal unobservable reactions (mental attitude – the lexeme *atteggiamento*) involve the formation of a choice of still potential actions in the form of self-esteem, understood as an attitude towards oneself, which may be realized in one’s own behavior in the future. Cf.:

(1) Cosa ci dà un **atteggiamento** mentale armonioso? (What is the result of a harmonious mental attitude?) (Glosbe).

Another example shows a positive assessment in relation to the behavioral actions of an outsider (also, the lexeme *atteggiamento*). Cf.:

(2) Nei confronti della Primavera di Praga il suo **atteggiamento** fu molto fermo (His actions during the Prague Spring were very significant) (Glosbe).

Or, for example, the analysis of behavior in the form of an assessment of the “correct

attitude,” normative behavioral actions (lexeme *attitude*). Cf.:

(3) Variables that structure the operation of discretion include whether the offender shows “the right **attitude**” (BNC).

The following example shows the analysis of behavioral prediction in the form of an assessment based on the possible influence of past behavioral actions of a group of people on potential behavioral actions (the lexemes *aptitude* and *attitude*). Cf.:

(4) They show a rare **aptitude** for the tragic **attitude** (Glosbe).

Illustration of the analysis of behavior in relations verbalized in opinion (*atteggiamento*) in the form of an assessment of a person’s potential behavioral actions as a collective image of all humanity. Cf.:

(5) La più grande scoperta di sempre è il fatto che una persona può cambiare il proprio futuro semplicemente cambiando il proprio **atteggiamento** (The greatest discovery of all time is that a person can change their future simply by changing their mindset) (Glosbe).

In the axiological aspect, we trace the evolution of the pragmatic component of evaluative semes in lexemes that verbalize the category of RELATIONS in the behavioral aspect, from assessing one’s own attitude and attitude towards others to assessing the intended behavioral actions in building empathic and effective relations. Thus, in the following example, the lexeme *attitude* expresses a set of still undefined behavioral actions with an expected positive assessment in the future. Cf.:

(6) We appreciate your **attitude** and guarantee that we will apply every effort to provide mutually beneficial cooperation (Glosbe).

Next, we provide an example of a negative assessment of future potential behavior with the lexeme *attitude*. Cf.:

(7) I rischi insiti in questo tipo di “**attitude**” sono evidenti (The dangers inherent in such “attitudes” are obvious) (Glosbe).

The concept of relations in the ordinary worldview finds practical application in varying, integrating,

and expanding its meaning in various areas relating to the processes of behavioral adaptation in the social environment, for example, when meeting new people. Cf.:

(8) Rende il linguaggio e l'**atteggiamento** più umani (This will make your speech and manners more humane) (Glosbe).

The following two examples can be collectively described as “situation management.” They illustrate the assessment processes in predicting and adapting the potential behavior of groups of people in society. Cf.:

(9) This is an example of what Cain (1973) calls the “instructional **attitude**,” which senior constables adopt in relation to probationers, passing on not just (Glosbe);

(10) Campaigns should target the relevant aspects of **attitudes** that determine a specific type of behavior (Glosbe).

The following example (identifying political trends) illustrates the process of assessment in predicting and adapting the potential behavior of groups of people on a large scale (the lexeme *atteggiamento* reflects public opinion). Cf.:

(11) Identificando uno dei motivi di questo mutato **atteggiamento**, il giornale dice: “Questo cambiamento di immagine è la diretta conseguenza di quella che forse è stata la più lunga e costosa campagna pubblicitaria sponsorizzata dal governo che la storia del Canada ricordi” (Pointing to one of the reasons for the change in public opinion, the newspaper writes: “This change in image is a direct consequence of what may be the most expensive and time-consuming government advertising campaign in Canadian history”) (Glosbe).

The next example demonstrates the expanding the meanings of **atteggiamento** from the formation and planning of one’s own attitudes in the form of abilities and dispositions (**attitudine**) to future behavior and real behavioral actions in society. Cf.:

(12) Le conseguenze della simbiosi nell’età adulta sono problem di tristezza, legati al sentirsi mancanti di una parte vitale, e delle modalità di comportamento, degli **atteggiamenti** mentali, dell’ **attitudine** a superarli (The consequences of symbiosis in adulthood are problems of sadness, related to feeling lacking a vital part, and the modes of behavior, mental attitudes, and the disposition to overcome them) (PAISA).

Thus, the choice of these lexemes for comparative analysis is justified both in terms of semantic meanings and considering linguocultural and linguocognitive aspects. This allows for a deeper understanding of the behavioral attitudes reflected in the languages and reveals both common and unique features inherent in the represented linguistic cultures. Both lexemes (*atteggiamento* and *attitude*) in each language represent a mental state or perception that describes a person’s approach to a specific situation or circumstance. Both words emphasize the influence of these states on behavior. Examples (1) and (6) highlight the importance of mental state for quality interaction. All examples illustrate how *atteggiamento* and *attitude* can shape behavior or reaction. The Italian sentence emphasizes determination (example (2)), while example (3) *the right attitude* also speaks to the desired behavior when interacting with others.

The behavioral aspect may vary depending on cultural norms and values. The analysis allows for the identification of how Italian and English cultures influence the meanings and usage of these lexemes. In Italian, *atteggiamento* often carries a more emotional and personal connotation, as seen in example (5) *cambiando il proprio atteggiamento*. This emphasizes a personal approach to change, implying greater involvement of feelings and self-perception. Example (8) *Rende il linguaggio e l’atteggiamento più umani* points to the cultural significance of a more humane approach in the Italian context. In English, for instance, example (7) *the risks insiti in this type of ‘attitude’* encompasses more formal and critical aspects of perceiving relations, implying the objectification of approaches.

The overall conclusion from the conducted analysis indicates that the lexemes *atteggiamento* and *attitude* serve similar functions in describing relations and behavior; however, cultural and emotional contexts allow for different emphases. Italian words are more closely associated with personal identity and are perceived as less formal, while English terms are more frequently used in decisions related to professional and social norms. These differences highlight the importance of context in interpreting meanings and indicate the necessity of considering their linguocultural characteristics.

Conclusion

This study highlights the importance of understanding linguistic expressions of behavior within their cultural contexts, illustrating how language shapes our perceptions of human interaction and relations. A thorough investigation of the lexical-semantic sphere surrounding the philosophical category of RELATIONS within a behavioral context aims to illustrate how the lexemes *atteggiamento* and *attitude* encapsulate the nuances of human behavior and perception in their respective languages, revealing both similarities and differences shaped by cultural influences.

The comparative analysis of *atteggiamento* and *attitude* within the framework of the category of RELATIONS reveals significant insights into how these lexemes function in the comparative languages. Both words encapsulate mental and emotional states that influence behavior in culturally specific ways. This distinction highlights how each lexeme captures different dimensions of human interaction and response, with *atteggiamento* suggesting a more engaged and expressive approach, while *attitude* implies a more reflective and evaluative stance. The Italian lexeme tends to emphasize emotional engagement and personal relations, while the English lexeme focuses on evaluative and analytical aspects. The Italian *atteggiamento* is more closely associated with the awareness of external actions and active participation in social contexts. In contrast, the English *attitude* tends to emphasize internal feelings that may manifest in behavior. Evolution and adaptation of meanings pertains to the dynamic nature of these lexemes as they evolve over time and adapt to cultural contexts. Behavioral components refer to the evaluative aspects inherent in both lexemes, which reflect a person's stance towards specific situations or actions. While both *atteggiamento* and *attitude* conveys an evaluative judgment (positive or negative), they differ in their focus. The similarities in their objectification of behavior are contrasted by differences in emotional emphasis and action orientation. This evolution underscores the impact of cultural factors on the interpretation and usage of *atteggiamento* and *attitude*, reflecting broader societal values and norms.

Thus, under the influence of linguocultural factors on the functional-and-semantic distribution

of lexemes with common historical semes that nominate the category of RELATIONS, notable evolutionary trends are revealed, particularly concerning the aspect of manifestation as behavior in the compared languages. In this context, the perception of relations and behavior in both languages is based on deep mental models that determine how speakers interpret and express their relations toward the surrounding world.

REFERENCES

- Ajzen I., 1991. The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, no. 2, pp. 179-211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)
- Ajzen I., 2020. The Theory of Planned Behavior: Frequently Asked Questions. *Human Behavior and Emerging Technologies*, vol. 2, no. 4, pp. 314-324. DOI: 10.1002/hbe2.195
- Amin A., 2020. Attitude Towards Language in Sociolinguistics Settings: A Brief Overview. *Journal of Research and Innovation in Language*, vol. 2, no. 1, pp. 27-30. DOI: <https://doi.org/10.31849/reila.v2i1.3758>
- Albarracin D., Shavitt S., 2018. Attitudes and Attitude Change. *Annual Review of Psychology*, no. 69, pp. 299-327. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011911>
- Anastasi A., 2001. *Differencialnaja psihologija. Individualnye i gruppovye razlichija v povedenii* [Differential Psychology. Individual and Group Differences in Behavior]. Moscow, April Press. 752 p.
- Bicudo E., 2023. Cognitive Foundations of Society: The Concept of Schemata in Cell, Gene, and Tissue Therapies. *Applied Linguistics*, vol. 44, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/amad084>
- Blumberg K., 2023. Attitudes, Presuppositions, and the Binding Theory. *Journal of Semantics*, vol. 40, no. 2-3, pp. 265-288. DOI: <https://doi.org/10.1093/jos/ffad007>
- Bradford-Knox R., 2020. Towards a Risk Based Cooperative and Collaborative Culture – The Attitudinal Elements and Influences That Shape Our Behaviour and Public Opinion. *International Journal of Management and Applied Research*, vol. 7, no. 4, pp. 496-506. DOI: <https://doi.org/10.18646/2056.74.20-035>
- De Houwer J., Van Dessel P., Moran T., 2021. Attitudes as Propositional Representations. *Trends Cognitive Science*, vol. 25, no. 10, pp. 870-882. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.07.003>

- Dragojevic M., Fasoli F., Cramer J., Rakić T., 2021. Toward a Century of Language Attitudes Research: Looking Back and Moving Forward. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 40, no. 1, pp. 60-79. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X20966714>
- Eagly A.H., Chaiken S., 1993. *The Psychology of Attitudes*. New York, Harcourt, Brace, & Janovich. 794 p.
- Fleck C., 2015. Attitude: History of Concept. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. In 25 Vols.* Oxford, Elsevier, vol. 2, pp. 175-177. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.03146-9
- Gaiseanu F., 2020. Attitude as an Expressible Info-Operational Reaction to a Perceived/Purposed Object/Objective. *International Journal on Neuropsychology and Behavioural Sciences*, vol. 1, no. 1, pp. 12-16. DOI: <https://doi.org/10.51626/ijnbs.2020.01.00002>
- Ivanova R.P., Verkhoturova T.L., 2022. Kognitivno-semioticheskiy analiz leksiki zritel'noy pertseptii v yakutskom yazyke [Cognitive-Semiotic Analysis of Visual Perception Vocabulary in the Sakha Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 6 (224), pp. 45-51. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-45-51>
- Prandi M., 2023. Un frammento di metafisica descrittiva: i presupposti dell'atteggiamento natural. *Materiali di Estetica*, vol. 10, no. 2, pp. 191-207. DOI: <https://doi.org/10.54103/mde.i10.2.22096>
- Savvateeva I.A., 2023. Sravnitelnyi definitsionnyi analiz kontsepta BEHAVIOUR i smezhnykh snim poniatii [Comparative Definitional Analysis of the Concept Behavior and Related concepts]. *Modern Humanity Success*, no. 3, pp. 150-153.
- Schmid S.M., Gülsen Y., 2021. Lexical Access in L1 Attrition – Competition Versus Frequency: A Comparison of Turkish and Moroccan Attriters in the Netherlands. *Applied Linguistics*, vol. 42, no. 5, pp. 878-904. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/amab006>
- Shamne N.L., 2003. Mezhkulturaia i transkulturaia kommunikatsiia: k opredeleniiu poniatii [Intercultural and Transcultural Communication: Towards the Definition of Concepts]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 3, pp. 73-80.
- Shamne N.L., Rebrina L.N., 2013. Lingvisticheskaja proekcija kategorii pamjati [Linguistic Projection of Category Memory]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 3, pp. 104-112.
- Shaposhnikova I.V., 2020. Obraz mira cheloveka i semanticheskoe uporjadochenie leksiki v mezhdisciplinarnoj lingvistike [Image of the Human World and Semantic Organization of Lexicon in Interdisciplinary Linguistics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 155-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.14>
- Sinha C. 2021. Culture in Language and Cognition. Chapter 37. Wen Xu, Taylor J.R., eds. *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. New York, Routledge, pp. 387-407.

DICTIONARIES

- CDO – *Cambridge Dictionary*. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
- Collins – *Collins Online Dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com>
- MWD – *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com>
- OED – *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/word/attitude>
- OLD – *Oxford Learners Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
- Treccani – *Treccani Vocabulario*. URL: <https://www.treccani.it>
- VI – *Il vocabulario Italiano*. URL: <https://unaparolaalgiorno.it/significato/attitudine>

SOURCES

- BNC – *British National Corpus*. URL: <https://www.english-corpora.org>
- Glosbe – *Glosbe. Online Dictionary*. URL: <http://www.glosbe.com>
- PAISÀ – *Piattaforma per l'Apprendimento dell'Italiano Su corpora Annotati*. URL: <https://www.corpusitaliano.it/it/index.html>

Information About the Author

Irina A. Savvateeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages no. 1, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, savvrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Савватеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, savvrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.6>

UDC 81'42:659.123.4
LBC 81.055.1

Submitted: 12.02.2024
Accepted: 21.10.2024

ALGORITHMIC PROCEDURES OF IDENTIFYING ADVERTISEMENT TEXTS IN MASS MEDIA DISCOURSE

Mikhail V. Kamensky

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Sergey N. Bredikhin

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The article presents an algorithm of identifying advertisement blocks in mass media content and determining the type of the given text as either an advertisement or an informative text, which is enabled through automation with the aid of intellectual semantic and syntactic analysis systems. The GATE corpus manager is used as the development environment for the algorithm, and the ANNIE Gazetteer, JAPE Transducer, and Java Regexp Annotator are used as the principal processing resources for the presented algorithm. The use of ANNIE Gazetteer enables the automated identification of the most common lexical units typical of advertisements, as well as various lexical and syntactic markers of the advertisement content. The JAPE Transducer technology enables the development of an algorithm aimed at identifying an array of lexical and syntactic means of psychological influence. Identification of lexical repetitions of proper nouns is performed using a regular expression for the Java Regexp Annotator processing resource. The list of tokens used as advertisement content markers is identified and described. It is noted that lexical and syntactic means of manipulative influence dominate in advertisement texts. Research findings indicate a significant difference in the search results ratio between advertisements and informative texts when advertisements are identified automatically with the aid of formal markers. This proves the effectiveness of natural language processing systems in identifying messages with explicit and implicit advertisement content, determining the discursive type of media texts, and classifying them as either informative texts or advertisements.

Key words: automated analysis system, semantic-and-syntactic analyzer, mass media, corpus analysis, manipulative discourse, advertisement content, automated search algorithms.

Citation. Kamensky M.V., Bredikhin S.N. Algorithmic Procedures of Identifying Advertisement Texts in Mass Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 64-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.6>

УДК 81'42:659.123.4
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 12.02.2024
Дата принятия статьи: 21.10.2024

АЛГОРИТМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Михаил Васильевич Каменский

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Сергей Николаевич Бредихин

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье представлен авторский алгоритм идентификации рекламного контента и определения классификационных признаков текстов рекламного / информационного характера в медийном пространстве на основе применения автоматизированных интеллектуальных систем семантико-синтаксическо-

го анализа. Для разработки алгоритмов автоматизированной идентификации рекламного текста в среде GATE применены технологии ANNIE Gazetteer, JAPE Transducer и Java Regexp Annotator. Технология ANNIE Gazetteer позволила разработать файлы для автоматизированной идентификации лексико-синтаксических репрезентантов рекламного контента, а также осуществить идентификацию наиболее частотных лексических единиц. С помощью технологии поиска JAPE Transducer реализована алгоритмическая процедура автоматизированной идентификации лексико-синтаксических средств психологического воздействия, отличающих рекламный текст. Идентификация лексических повторов имен собственных реализована с помощью регулярного выражения для анализатора Java Regexp Annotator. Сформирован перечень токенов, выступающих формальными вербализаторами рекламного контента. Установлено, что в рекламных текстах доминируют лексико-синтаксические приемы манипулятивного воздействия. Продемонстрировано наличие существенного различия в процентном соотношении совпадений поиска ко всему объему текста в рекламных и нерекламных текстах при идентификации рекламного контента на основе формальных маркеров. Доказана эффективность использования автоматизированных систем анализа в идентификации эксплицитных и имплицитных рекламных сообщений в медийных текстах и установления дискурсивной принадлежности текста, опубликованного в СМИ, с целью его классификации как информационного либо рекламного.

Ключевые слова: автоматическая система анализа, семантико-синтаксический анализатор, средства массовой информации, корпусный анализ, манипулятивный дискурс, рекламный контент, алгоритмы автоматического поиска.

Цитирование. Каменский М. В., Бредихин С. Н. Алгоритмические процедуры идентификации рекламных текстов в дискурсивном пространстве средств массовой информации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 64–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.6>

Введение

Реклама как имманентный атрибут современного общества, выступающий способом дискурсивного взаимодействия между рекламодателем и потенциальным потребителем продуктов и услуг, обладает существенным прагматическим потенциалом в части оказания информативно-оперативного воздействия на широкую аудиторию потребителей через средства массовой информации. В дискурсивном пространстве СМИ наблюдается определенная гибридизация газетно-публицистического контента, при которой сугубо информационный посыл подается в тесной конвергенции с рекламным сообщением, либо же рекламное сообщение частично «скрывается» за общим информационным наполнением статьи.

В связи со сказанным особую актуальность приобретает проблема идентификации эксплицитных и имплицитных сообщений рекламного характера в медийных текстах, а также установления дискурсивной принадлежности текста, опубликованного в СМИ, с целью его классификации как информационного, либо рекламного.

Поскольку осложненной представляется делимитация именно ситуативной скры-

той рекламной суггестии, а перечень формальных маркеров, способных представлять собой признаковый ряд для алгоритмизации и формирования базовых вводных для автоматического распознавания контента рекламного характера, на сегодняшний день не сформирован, в данной статье предпринята попытка описания и классификации токенов, выступающих формальными вербализаторами рекламного контента, а также демонстрации практической эффективности задаваемых функциональных ограничений. На основе проведенного анализа возможно выработать принципы манипулятивной коммерциализации сообщений по аналогии с выделением «медиазации», как институциональной организации, призванной транслировать образцы и модели восприятия или поведения [Ильинова, Волкова, 2023, с. 20], существенно модифицирующие пространство целеполагания и волюнтативную сферу реципиента. Токен представляет собой единицу анализа, образуемую одночленным формальным вербализатором, который в свою очередь является нечленимым фонографическим элементом с доминирующей валентностью, то есть встречается чаще всего в контексте, содержащем информацию конкретной тематики, в нашем исследовании – это рекламный контент. Воз-

возможности такой идентификации существенно расширяются благодаря динамичному развитию функционала современных корпусных менеджеров, таких как GATE [GATE...] и LancsBox [Brezina, Platt, 2023], способных осуществлять массовую обработку текстовой информации и на основе четких логических критериев соответствия текста определенным шаблонам (например, посредством регулярных выражений или иных метаязыков описания структурно-содержательных компонентов искомым текстовым фрагментам), и с применением систем искусственного интеллекта (например, машинного обучения нейронных сетей).

Существенный речевоздействующий и манипулятивный потенциал рекламного дискурса актуализирует его исследование в общем контексте научного осмысления дискурсивных приемов манипуляции массовым сознанием. В данной связи и по причине проводимой сегодня в западноевропейском медиaprостранстве информационной войны против России целесообразной представляется разработка принципов автоматизированной идентификации и автоматизированного анализа формальных языковых маркеров рекламного дискурса с речевоздействующим потенциалом на примере английского языка. В силу того, что предлагаемые алгоритмические процедуры основаны на формальных логических критериях, они могут быть в дальнейшем адаптированы для идентификации рекламного контента в текстах на разноструктурных языках мира, в том числе – на русском.

Целью предпринятого исследования является разработка алгоритмических процедур для автоматизации идентификации рекламного текста на основе ряда формальных признаков языковых средств психологического воздействия, характерных для рекламного текста, на примере английского языка. Полагаем, что это позволит обеспечить возможность оптимизации проведения научных исследований в области автоматизированной классификации текстов и установления их дискурсивной принадлежности, а также в сфере реализации программных средств фильтрации рекламного контента в электронных версиях современных СМИ.

Материал и методы исследования

Отправной точкой настоящего исследования послужила классификация лексических и стилистических средств психологического воздействия в рекламном дискурсе и их формальных признаков в тексте [Каменский и др., 2016, с. 54]. Данная классификация включает установленные в предпринятых нами ранее научных изысканиях частотные экспликативные англоязычного рекламного контента и является открытой. Мы исходим из предположения о том, что если выразительный и манипулятивный потенциал языковых единиц психологического воздействия в рекламном дискурсе соотносится с конкретными лексическими и синтаксическими репрезентантами, то формальные признаки данных репрезентантов могут послужить теоретико-лингвистическим основанием для их автоматизированной идентификации в электронных корпусах текстов, а также для дифференциации текстов с позиции определения их дискурсивной принадлежности к рекламному дискурсу. Кроме того, в качестве исходного принципа автоматизированного анализа сопутствующих вербальной экспликации суггестии в рекламном контенте медиатекста учитывается инициальная интенция на продвижение товара, которая рассчитывается по формулам развернутой формы некооперативного взаимодействия в применении к институциональным типам дискурса с базовым перечнем переменных (о них см.: [Бредихин, 2023, с. 54–55]).

В качестве фактического материала привлечены 176 текстов рекламных кампаний различных категорий товаров и услуг, а также 160 текстов, взятых из электронных версий англоязычных средств массовой информации (газет и журналов), не носящих рекламного характера, однако содержащих импликацию ситуативного рекламного контента. Электронный корпус для автоматизированного анализа разработан на основе публично доступных материалов за период с 2011 по 2024 год. Из отобранных для анализа текстов на основе сформированного списка критериальных признаков были составлены ряды маркеров суггестивного воздействия в их понимании по М.Т. Шакеновой [Шакенова и др., 2020].

Первичный анализ избранного материала продемонстрировал, что наиболее эффективным и частотным приемом информационно-оперативной суггестии в медиатекстах является адъективация. На имплементации эмоционально-оценочных или логико-конкретизирующих прилагательных строится 30 % от общего числа микроконтекстов, при этом подавляющее большинство случаев включает несколько таких единиц. В некоторых исследованиях, посвященных проблемам манипулирования, семантическое содержание маркера представляется вторичным, а на первый план выводятся эмоциональные импринты, сохраняющиеся в реципирующем сознании целевой группы [Котов, Переверзева, 2023, с. 44]. Другие приемы интенсификации манипулятивного контента включают большей частью сходные эмотивные элементы, такие как эпитетация (11,4 %), положительная / лучшая презентация (8 %), образная аффилиация с селебрити (4,5 %), социумно-групповая детерминация (подчеркивание привилегированного статуса обладателя рекламируемого товара) (4,5 %), употребление сленгизмов (4,5 %), метафоризация (2,3 %) и использование образных ассоциаций (1,12 %). В то же время одним из наиболее частотных способов представляется псевдоаргументативное манипулирование на основе введения компонентов когнитивной информации – числовые данные (19,3 %), конкретизация описания бонусных акций (4 %). Встречаются и приемы фонографического маркирования (7,4 %). Вышеописанные способы, типичные для медийных текстов, содержащих рекламный контент, классифицируются нами как лексические. Следует подчеркнуть, что не каждое средство суггестии лексического характера отвечает формальным критериальным признакам, на основе которых допустима их автоматизированная делимитация. Идентификация возможно лишь по соответствию прописанным в алгоритме денотативным компонентам, коннотативы, придающие дополнительные обертоны, интенсифицирующие влияние, зачастую не входят в первичный список семантических маркеров [Ngulube, Elezie, 2023, p. 115]. В перечень формально маркированных и потенциально определяемых семантико-семиотическими анализаторами включаются адъектива-

ция, эпитетация, использование числовых данных, образная аффилиация и фонографическое маркирование.

В плане синтаксического маркирования наибольшее распространение (31,3 % из общего числа микроконтекстов) получает употребление глаголов в императиве, что представляет собой особый прием экспликации манипулирования. Использование повторов (22 %), которые детализируют наиболее значимые признаки рекламируемого товара, занимает второе место по частотности. Подавляющее большинство предложений рекламного компонента медийного текста являются номинативными (20,5 %). Эллиптические конструкции и синтаксический параллелизм демонстрируют одинаковую частотность употребления (по 9,7 %), парцелляция же существенно уступает им (4,5 %) и используется в рамках выделения наиболее значимых характеристик. В рамках обеспечения псевдонезависимости принятия решения о приобретении товара наблюдается такой прием, как диалогизация монологической речи (6,25 %). Наименьшее число речупотреблений приходится на сравнение (2,3 %). В отличие от лексических средств набор формальных маркеров всех вышеперечисленных синтаксических средств составляет достаточно легко и служит основой для создания идентификационных алгоритмических процедур.

В предпринятом исследовании для разработки алгоритмов автоматизированной идентификации рекламного контента в текстовых массивах применен корпусный менеджер GATE. С его помощью реализуются задачи по выделению смыслового содержания текста и его репрезентации в структурированном виде в форме аннотаций, добавляемых к сегментам текста [Cunningham, Humphreys, 1997, p. 65]. Идентификация лексических репрезентантов рекламного содержания реализуется посредством технологии поиска именованных сущностей ANNIE Gazetteer, синтаксических репрезентантов – с применением технологии шаблонного поиска и аннотирования текстовых сегментов JAPE (Java Annotation Patterns Engine), а также аннотирования текста по регулярным выражениям Java Regexp Annotator плагина String Annotation.

Анализатор ANNIE Gazetteer работает на основе пользовательских списков слов и выражений, сформированных по тематическому признаку (наиболее употребительные лексические репрезентанты рекламы различного типа). Идентифицированные текстовые совпадения (слова и выражения из тематических списков) отмечаются аннотацией типа Lookup с атрибутами, указанными в словаре.

Технология JAPE представляет собой специализированный метаязык для описания лексико-синтаксических шаблонов с целью обеспечения возможности автоматизированного поиска и аннотирования искомых текстовых сегментов в электронном корпусе текстов [Thakker, 2009, p. 15]. В нашем исследовании для идентификации синтаксических репрезентантов рекламного содержания в тексте применяется анализатор JAPE Transducer. Технология JAPE также позволяет задействовать метаязык регулярных выражений и использовать логические операторы для объединения формальных критериев поиска и идентификации текстовых сегментов по заданному шаблону.

Результаты и обсуждение

Идентификация лексических репрезентантов рекламного контента с применением анализатора ANNIE Gazetteer

Языковой прием активизации когнитивной информации посредством введения числовых данных встречается в 34 из 176 изученных нами рекламных текстов, что составляет 19,3 % от их общего количества. Данный прием наиболее эффективен при конкретизации сроков проведения рекламных акций, распродаж и т. п., а также интенсификации внимания реципиентов на величине процента скидки или указания цены на рекламируемый товар, зачастую формальными маркерами при данных репрезентантах выступают слова, обозначающие дату (день, месяц, неделя, год), а также знаки %, £, €, \$, аббревиатуры USD, EUR и др. Следует указать, что дельмитация вышеописанных символьных маркеров при числовых данных является основой реализации инструментального принципа в

обеспечении маркированного рекламного контента специфическим иллокутивным потенциалом [Каменский, 2022]. Концентрированное употребление таких цифровых показателей в текстовом фрагменте, в том числе в сочетании с лексикой, типичной для рекламных акций (*bonus, buy, sale, savings* и т. п.), в текстах, не относящихся к экономической тематике, может служить одним из показателей его рекламной направленности.

Для автоматизированной идентификации наличия числовых данных манипулятивного рекламного характера в медиатексте использовалась как технология ANNIE Gazetteer, так и технология JAPE. Для ANNIE Gazetteer был создан список потенциальных токенов, сопровождающих данный прием: %, £, €, \$, USD, EUR. Для идентификации таких лексем, как *day, week, month, year, bonus, buy, sale, savings* и т. п., представляется возможным применить и технологию ANNIE Gazetteer, и технологию JAPE Transducer, однако последняя предпочтительнее в силу того, что данные лексемы встречаются в разных грамматических формах. Еще одной причиной выбора двух технологий для автоматизированной идентификации приема использования цифровых показателей является то, что ANNIE Gazetteer идентифицирует отдельные токены, находящиеся в созданных списках. С помощью данной технологии делимитируются токены «%», «€», «\$» и др., если они обособлены от других токенов, то есть идентификация составных конструкций типа «\$14», «20 %» и т. п. будет затруднена. Таким образом, идентификация числовых данных, потенциально выступающих маркерами рекламного характера сообщения, будет двухфазной. На первом этапе с помощью ANNIE Gazetteer идентифицируются указанные выше отдельные токены, перечисленные в файле списка *signs_of_numbers.lst*. Фрагмент данного файла, демонстрирующий принцип его организации, показан ниже (см. рис. 1).

Для аннотирования лексем из списка корпусному менеджеру GATE необходим файл определения, характеризующий целевую аннотацию для создания. Во-первых, токены автоматически идентифицируются по соответствию прописанной аннотации, что позволяет устранить неоднозначность интерпретации и

```

1 %
2 ?
3 $
4 €
5 EUR
6 USD
7 RUR
8 RUB

```

Рис. 1. Фрагмент списка токенов signs_of_numbers.lst

Fig. 1. Fragment of the token list signs_of_numbers.lst

привязать их к тому или иному типу данных. Во-вторых, семантические компоненты, дефинированные в списке ресурсов как целые блоки, применяются для обеспечения семантического полнотекстового поиска в едином информационном потоке [Maynard et al., 2017, p. 77]. Каждая строка, описывающая аннотацию для файла со списком токенов, состоит из пяти частей, разделенных двоеточием:

1) название документа со списком слов, которому присваиваются определенные характеристики;

2) основная категория, к которой относятся слова (например, advertisement);

3) подкатегория, к которой относятся слова (например, lexical means);

4) язык, на котором написаны слова в списке (например, English);

5) название, которое будет отражено в ANNIE Gazetteer в списке аннотаций Annotation Sets (например, advertisement_markers).

Файл определения signs_of_numbers.def, задающий параметры аннотирования вышеуказанных токенов по списку signs_of_numbers.lst, содержит следующее описание:

```
signs_of_numbers.lst:lexical:cost_markers:
English:Advertisement_Markers
```

В абсолютном соотношении языковой прием положительной / лучшей презентации товара встречается в 14 из 176 микроконтекстов, что в относительном выражении составляет 8 % от общего количества. Данный прием предполагает наличие лексических единиц, описывающих лучшие качества товара, а также (в ограниченном числе употреблений) сравнение с другими товарами, поэтому формальным критерием является наличие таких лек-

сем, как *no better*, *best*, *world's*, *only*, *better*, *than*, *first*, *unique*, *superior* и т. п. Например:

Wheel Deal: 'We don't value them' – the **best** estate cars you can pick up for under 5k INCLUDING a trio of luxurious 'executive' motors (The Sun);

SKIMS LOVE: For 48 hours only, get some of our **most iconic** styles for less than ever before (Skims.com).

Фрагмент перечня формальных маркеров положительной презентации, размещенных по принципу списка по одному на каждой строке в файле списка для анализатора ANNIE Gazetteer, приведен ниже (см. рис. 2).

Файл определения для данного списка лексем назван нами best_product.def, он содержит такое определение аннотации:

```
best_product.lst:lexical:qualifiers:English:
Advertisement_Markers
```

Следующим приемом манипулирования, исследованным с позиции алгоритмизации, было использование лексем, характерных для описания бонусных акций (4 % от общего количества способов манипулирования). Формальным признаком данного приема является наличие таких слов как *win*, *prize*, *bonus*, *free*, *complimentary*, *coupons* и т. п. Данные лексем обозначены в файле списка bonus.lst, фрагмент которого приведен ниже (см. рис. 3).

Файл определения bonus.def для данного списка содержит следующее определение:

```
prize.lst:lexical:bonus:English:Advertisement_
Markers
```

Последний список, созданный для ANNIE Gazetteer, представляет собой список лексических единиц, наиболее употребительных в рекламных текстах. С помощью программ-

```

1 no better
2 best
3 world's
4 only
5 better
6 than
7 first
8 unique
9 superior
10 good
11 new

```

Рис. 2. Фрагмент списка лексических единиц best_product.lst

Fig. 2. Fragment of the list of lexical units best_product.lst

```

1 win
2 prize
3 bonus
4 free
5 complimentary
6 coupons
7 buy

```

Рис. 3. Фрагмент списка лексических единиц bonus.lst

Fig. 3. Fragment of the list of lexical units bonus.lst

ного продукта Textus Pro (ПО для нахождения частоты и плотности использования ключевых слов) были выделены наиболее частотные ключевые слова в 176 рассмотренных рекламных текстах: *new, taste, free, good, style, quality, enjoy, better, true, best, unique, buy, super, win, prize, visit, cost, way, flavor, significantly, significant*. Например:

Taste the A.I.: **Unique** desserts made with artificial intelligence (Ads of the World).

Список данных лексем оформлен в виде файла списка frequent_words.lst. Файл определения frequent_words.def для данного списка содержит следующее определение:

```
frequent_words.lst:lexical:frequent_ad_words:
English:Advertisement_Markers
```

Таким образом, созданы теоретико-методологические основания автоматизированной идентификации лексических единиц, релевантных для идентификации рекламных текстов и рекламного контента в СМИ, на основе потенциального присутствия в них средств суггестивного воздействия с помощью технологии ANNIE Gazetteer корпусного менеджера GATE.

Перейдем к описанию механизма создания программной основы для автоматизированного идентификатора рекламных текстов с помощью технологии шаблонного лексикограмматического анализа и аннотирования JAPE Transducer.

Идентификация синтаксических репрезентантов рекламного контента с применением технологии JAPE Transducer

В отличие от технологии ANNIE Gazetteer, направленной на поиск конкретных лексических единиц, технология JAPE Transducer предназначена для поиска текстовых сегментов по общим формулам, записанным в особом образом организованных JAPE-правилах и отражающих как лексический состав и лексическую сочетаемость слов в искомых текстовых фрагментах, так и синтаксическую структуру данных фрагментов, что расширяет поисковый диапазон алгоритма идентификации рекламного текста [Thakker, 2009].

С помощью технологии поиска JAPE Transducer проведена разработка алгоритмических процедур для автоматизированной идентификации следующих лексико-синтаксических средств психологического воздействия: адыек-

тивация, использование цифровых показателей (в сочетании со списком ANNIE Gazetteer), употребление повелительного наклонения, использование номинативных предложений.

Алгоритмические процедуры записаны с помощью метаязыка описания поисковых шаблонов JARE, основанного на синтаксисе языка программирования Java. Анализатор JARE Transducer, входящий в состав корпусного менеджера GATE, работает на основе специальных файлов с расширением «.jare», являющихся JARE-правилами. Разработанные JARE-правила имеют следующие компоненты:

1) наименование фазы (например: *Phase: IdentifyAdjectives*);

2) типы аннотаций, учитываемые при поиске текста по данному правилу (например: *Input: Token*). В процессе анализа используется аннотация Token, в которой токен принимается в качестве минимальной единицы анализа. При необходимости в перечень учитываемых аннотаций также добавляется стандартная для анализатора ANNIE аннотация Split, отмечающая границы предложений и других структурных блоков текста. При включении дополнительного конкретизатора наблюдается бифуркационная ситуация, строящаяся на рекурсивном сравнении с конечным перечнем отсылок, что не влияет на увеличение операций базового алгоритма [Бредихин, Сидоренко, 2023, с. 51]. Следует отметить, что ограничение операций при создании аннотаций происходит в рамках линейной регрессии, которая демонстрирует демаркацию зависимых и независимых переменных [Ghosh, Senthilrajan, 2023, p. 29234];

3) опции поискового алгоритма (например: *Options: control=brill*). Применяемый в настоящем исследовании алгоритм Brill позволяет создать аннотации для текстовых совпадений по каждому из заданных JARE-правил независимо от того, пересекаются ли данные текстовые совпадения в текстовом массиве или нет;

4) название правила (например: *Rule: Numbers*);

5) формула для осуществления поиска (например: *{Token.category=="JJS"}*), в которой для указания частеречной принадлежности лексем используются общепринятые сокращения Nipple Tagger [Appendix G...];

6) аннотации, присваиваемые найденным с помощью заданного поискового шаблона единицам текста (например: *Item.Advertisement_Markers = {category = "adjective", degree = "superlative"}*). В данном примере в списке аннотаций Annotation Sets найденные единицы текста будут отражаться в наборе аннотаций «Advertisement_Markers» и иметь аннотацию со свойствами «category: adjective» и «degree: superlative» (превосходная степень сравнения прилагательного).

По результатам анализа фактического материала лексический прием адъективации идентифицирован в 52 из 176 рекламных текстов, что составляет 30 % от рассмотренных рекламных текстов. Поскольку в основе данного приема лежит прилагательное в сравнительной или превосходной степени, то в качестве формального поискового критерия выбрано наличие в микроконтексте по меньшей мере одного прилагательного в сравнительной или превосходной степени, то есть прилагательного с суффиксами *-est / -er*, либо со словами *more, less, most*, опционально предваренными определенным артиклем *the*.

Исходя из вышесказанного, разработанные JARE-правила для идентификации потенциальных контекстов с адъективацией имеют следующий вид (где тег JJR означает прилагательное в сравнительной степени, тег JJS – прилагательное в превосходной степени):

```
Phase: IdentifyAdvertisementMarkers
Input: Token
Options: control=brill
Rule: AdjComparative
(
    {Token.category == "JJR"}
)
:Item -> :Item.Advertisement_Markers =
{category = "adjective", degree = "comparative"}
Rule: AdjSuperlative
(
    {Token.category == "JJS"}
)
:Item -> :Item.Advertisement_Markers =
{category = "adjective", degree = "superlative"}
```

Прием использования числовых данных встретился в 34 из 176 изученных нами рекламных текстах, что составляет 19,3 % от

общего количества рассмотренных рекламных текстов. Данный прием идентифицируется в два этапа, при этом первый этап проводится с применением технологии ANNIE Gazetteer, о чем было указано выше. Технология JAPE Transducer позволяет уточнить поисковый алгоритм в части поиска сочетаний лексических единиц и графических показателей (знаков), при этом для поиска последних представляется возможным использовать регулярное выражение, совпадающее с одним любым символом из заданного класса, либо с одной из заданных аббревиатур. Таким образом, JAPE-правило для идентификации цифровых показателей в рекламном тексте имеет следующий формат:

```
Phase: IdentifyAdvertisementMarkers
Input: Token
Options: control=brill
Rule: AdjComparative
(
    {Token.kind == "number"}
    ({Token.string == ~
    "[%£€$]" || Token.string == "USD" ||
    Token.string == "EUR"})
)
:Item —> :Item.Advertisement_Markers =
{category = "number", degree =
"price_or_percentage"}
```

Приведенное выше JAPE-правило демонстрирует общий принцип идентификации необходимых формальных репрезентантов и может быть дополнено по принципу аналогии другими цифровыми показателями, лексемами и аббревиатурами. Необходимым расширительным компонентом в данном случае будут выступать альтернативы внутрисистемного перераспределения интенционально (заложенного в исходном списке) релевантного набора регулярных выражений по определенным алгоритмическим схематическим моделям [Бредихин, 2014].

Следующий прием, для идентификации которого разработано JAPE-правило, – это доминантное употребление глаголов в императиве, частотность которого в суггестивно маркированном контенте достигает 31,3 %.

Формальным показателем, на основе которого автоматически определяется данный

способ интенсификации оперативного компонента в медиатексте, служит не единичное, но концентрированное использование глаголов в повелительном наклонении, преимущественно находящихся на первом месте в предложении, например:

Change your life. **Take** a CELTA course Teaching English as a Foreign Language. **Open** a world of possibility and rewarding international career. **Call** Saxoncourt for more details (London Evening Standard).

Emirates. Luxury holidays. Superb savings. **Enjoy** savings of over 300 on Dubai holidays with Emirates. **Fly** Emirates. **Keep** discovering (London Evening Standard).

Для идентификации данного синтаксического приема применен стандартный тег «VB» для поиска глаголов в повелительном наклонении, при этом позиция глагола в предложении устанавливается на основе стандартных аннотаций типа Split, используемых в анализаторе ANNIE корпусного менеджера GATE в качестве разделяющих маркеров предложений [Appendix G...]. Для корректной идентификации таких маркеров в перечень анализируемых типов аннотаций добавлялись аннотации границ предложения Split, то есть: «Input: Token Split». Результирующее правило JAPE выглядит таким образом:

```
Phase: IdentifyAdvertisementMarkers
Input: Token Split
Options: control=brill
Rule: ImperativeVerb
(
    {Split}
    {Token.category == "VB"}
    ({Token, !Split})+
)
:Item —> :Item.Advertisement_Markers =
{category = "verb", mood = "imperative"}
```

Следующим приемом, рассмотренным нами с позиции алгоритмизации идентификации, было использование предложения номинативного типа, абсолютное количество которых составило 36 из 176 микроконтекстов (20,5 %). Критериальным фактором автоматизированной идентификации в данном случае является отсутствие глагола в любой форме. Следует отметить, что в качестве отдельно-

го номинанта в большинстве случаев выделяется наименование рекламируемого продукта или бренда. Например:

Estee Lauder. Global makeup artist event. Join us at Estee Lauder from 3–9 November for an exclusive makeup event, only at Selfridges London (Stylist);

Zeha Berlin. The berlin shoe with a story. Zeha – the perfect marriage of sports and fashion. Get to know us in one of our unique stores (Berlin & I. City Guide).

Для идентификации данного приема производится поиск произвольной последовательности неглагольных токенов в промежутке между аннотациями границ предложения (Split). Для обучения алгоритма поиску неявных (замаскированных) токенов, необходимо четкое прописывание случаев омографии в качестве инициальной подсказки для добавления операции контекстуального семантического и позиционного сравнения. Такое введение функциональных ограничений предполагает намеренное искажение с помощью ограниченного шаблона с заменой компонента омографом [Jiang et al., 2023]. Формула поиска, исходя из этого, имеет следующий формат:

```
{Split}
(!Split, Token.category !=~ "VB.*")+ .
{Split}
```

В данной поисковой формуле первая и последняя строки (*{Split}*) обозначают границы предложения, вторая строка уточняет, что поиск проходит в границах последовательности слов, объединенных в одно предложение, с отсутствием глагола (*Token.category !=~ "VB.*"*). Знак «+» в конце строки представляет собой стандартный метасимвол JAPE, означающий повторение заданного в строке элемента 1 и более раз. *VB.** в данной формуле является стандартным тегом, содержащим глагол в любой его форме [Appendix]. Результирующее правило JAPE следующее:

```
Phase: IdentifyAdvertisementMarkers
Input: Token Split
Options: control=brill
Rule: NominativeSentences
(
    {Split}
```

```
{!Split, Token.category !=~ "VB.*"}+
{Split}
```

)

```
:Item —> :Item.Advertisement_Markers =
{category = "sentence", type = "nominative"}
```

Недостатком такого поискового запроса является то, что по умолчанию он не охватывает первое предложение в рекламном тексте, так как перед первым предложением нет аннотации «Split». Данная проблема может быть решена путем добавления аннотации типа «Split» в начало каждого документа, входящего в пользовательский корпус текстов, то есть внедрения дополнительного оперативного форманта иницирующего заданный поиск [Поздин, Хохлов, 2017].

Формальными признаками приема использования лексических повторов выступают повторение лексических единиц, относящихся к названию торговых марок и рекламируемых товаров, либо к их свойствам и качествам. Например:

Samsung Galaxy Note. The Galaxy Note £10000 prize Draw. Wow! Experience the **Galaxy Note** in store this Thursday and you could win a share of £10000 worth of **Samsung** products. Phone? Tablet? It's **Galaxy Note!** Only at Carphone Warehouse (London Evening Standard).

Идентификация лексических повторов с применением технологии JAPE затруднительна в связи с невозможностью задействовать регулярные выражения в JAPE-правилах для поиска последовательности идентичных токенов. Таким образом, для идентификации приема повторов имен собственных нами использованы регулярные выражения, разработанные нами на платформе Regex 101 [Regular Expressions 101] и далее примененные в алгоритмической процедуре Java Regexp Annotator стандартного плагина String Annotation [String Annotation Plugin]. Получаемые в результате работы данного алгоритма аннотации совместимы с аннотациями анализаторов JAPE и ANNIE Gazetteer. Ниже приводится содержание файла lexical_repetition.rgx, задающего шаблон регулярного выражения для поиска лексических повторов с помощью анализатора Java Regexp Annotator:

$(\backslash b[A-Z][A-Za-z]\backslash w+\backslash b)[^!.?]+\backslash 1[^!.?]+[.!.?]+0 \Rightarrow \text{AdvertisementMarkers lexicalunit}=\1

Данное регулярное выражение состоит из следующих блоков:

(...) – объединяет элементы в одну группу (в нашем случае это повторяющаяся лексема);

$\backslash b \dots \backslash b$ – делимитирует границы слова;

$[A-Z][A-Za-z]\backslash w+$ – задает класс символов, составляющих англоязычную лексему, при этом первая буква лексической единицы должна быть заглавной, поскольку речь идет о повторах имен собственных (преимущественно – названий компаний);

$[^!.?]+$ – указывает, что далее следует любое количество произвольных знаков, не относящихся к терминальным знакам препинания;

$\backslash 1$ – указывает на повтор группы 1, содержащей найденную лексическую единицу;

$[.!.?]+$ – соответствует любому терминальному знаку препинания или сочетанию таких знаков, завершающих предложение.

Итак, для проведения автоматизированной идентификации лексико-синтаксических средств психологического воздействия, таких как адъективация, использование числовых данных в качестве когнитивного интенсификатора, повелительного наклонения и номинативных предложений наиболее эффективным признается функционал анализаторов JAPE Transducer и Java Regexp Annotator корпусного менеджера GATE. Применение совокупности данных правил формирует алгоритмическую основу автоматической идентификации рекламного текста и рекламного контента в медийном пространстве современных СМИ.

Верификация разработанных алгоритмических процедур проведена на основе пользо-

вательского корпуса, включающего 176 рекламных текстов и 160 нерекламных текстов различных функциональных стилей. Результаты сопоставительного анализа показали следующее:

– в 176 рекламных текстах лексико-синтаксические средства психологического воздействия в среднем составляют 24,6 % от общего объема рекламного текста;

– в 160 медийных текстах, не содержащих эксплицитный рекламный контекст, лексико-синтаксические средства психологического воздействия в среднем составляют 8,9 % от общего объема текста.

Результаты количественного сравнительного анализа фактического материала представлены в таблице.

Существенное различие в процентном соотношении количества совпадений на основании автоматизированного анализа к общему числу токенов в рекламных текстах и медийных текстах другой жанровой принадлежности позволяет говорить о валидности созданных алгоритмических процедур в качестве базиса для автоматизации идентификации рекламных текстов и рекламного контента в СМИ, то есть разработанный перечень формальных маркеров экспликации / импликации суггестии в совокупности является необходимым и достаточным основанием для автоматического распознавания манипулятивных публикаций. Полученные результаты, таким образом, согласуются с другими научными изысканиями в области распознавания манипулятивного текста (см.: [Кенжебалина и др., 2020, с. 123]) и дополняют их в части описания принципов формализации суггестивного воздействия в тексте.

При использовании разработанного программного модуля для автоматизированной

Количественное соотношение формальных маркеров потенциально рекламного контента в рекламных и нерекламных медийных текстах

Quantitative ratio of formal markers of potentially advertising content in advertising and non-advertising media texts

Тип текста	Название документа	Общее количество токенов	Количество совпадений	Процентное соотношение
Рекламный	advertisement	57 010	14 052	24,6
Медийный нерекламный	media	61 020	5 480	8,9

идентификации текстов на предмет принадлежности к рекламе следует обращать внимание на количество идентифицируемых числовых показателей, которые необходимо сопоставляются с контекстно-детерминированными шаблонами, содержащими как вербальные, так и формальные маркеры в неоднородных семантических сетях целого ряда сходных высказываний (подробно об этом см.: [Салимовский и др., 2019, с. 85]). Следует учитывать тот факт, что среди обрабатываемых с помощью данного программного модуля документов могут находиться документы с различными статистическими сведениями, включающими большое количество цифровых данных, что окажет существенное влияние на количество совпадений поиска. Во избежание ошибочной трактовки подобных текстов как рекламных необходимо приведение процентного соотношения количества цифровых показателей в рекламных текстах к общему числу токенов. Исходя из анализа 176 рекламных и 160 нерекламных текстов, был получен следующий результат: в рекламном тексте количество цифровых показателей, как правило, не превышает 5 % от общего количества токенов. Таким образом, если в тексте, классифицируемом по количеству лексико-синтаксических приемов как рекламном, количество цифровых данных существенно превышает данный порог, то существует значительная вероятность того, что он является бухгалтерским документом или текстом с иной дискурсивной принадлежностью, например, текстом экономической тематики.

Количество повторов в рекламных текстах составило 34 % от общего объема текста, в то время как в нерекламных текстах – 54 %. Исходя из этого, данный прием не может рассматриваться в качестве ключевого критерия, достаточного для идентификации рекламного текста, однако применим в качестве сопутствующего критерия в сочетании с другими описанными в настоящем исследовании критериями.

Результаты проведенной верификации позволили сделать следующие выводы: предложенные алгоритмы автоматизированного анализа текстов отвечают поставленным целям и задачам, реализуя алгоритм поиска формальных маркеров рекламного контента в ка-

честве подключаемого модуля GATE, состоящего из JAPE-правил, Gazetteer-списков и регулярного выражения для плагина Java Regexp Annotator; апробация на материале рекламных и нерекламных текстов позволила говорить о высокой степени валидности предложенного алгоритма и, как следствие, о применимости проекта для идентификации рекламных текстов.

Выводы

Рекламные тексты, имеющие в своей основе ряд специфических языковых средств психологического воздействия, являющихся имманентным атрибутом рекламного дискурса, подлежат автоматизированной идентификации и классификации на основе контекстуально идентифицируемых формальных маркеров, манифестирующихся на лексическом, грамматическом, стилистическом и графическом уровнях. Формальные критерии идентификации рекламных текстов открывают возможность автоматизации идентификации рекламного контента в медийном пространстве современных электронных СМИ.

Проведя сопоставительный анализ рекламных текстов и нерекламных медийных текстов с применением разработанного автоматизированного анализатора, мы выяснили, что в рекламных текстах доминируют лексико-синтаксические приемы манипулятивного воздействия. Результаты исследования демонстрируют наличие существенного различия в процентном соотношении совпадений поиска ко всему объему текста в рекламных и нерекламных текстах при идентификации рекламного контента на основе формальных маркеров, позволяющих интеллектуальным системам, основанным на семантико-синтаксических анализаторах, четко делимитировать высказывания манипулятивного характера в привязке к объектному позиционированию. Это доказывает эффективность использования автоматизированных систем анализа в идентификации эксплицитных и имплицитных сообщений рекламного характера в медийных текстах, а также установления дискурсивной принадлежности текста, опубликованного в СМИ, с целью его классификации как информационного либо рекламного.

Полученные результаты и выводы имеют практическую применимость в области классификации текстов по их дискурсивной принадлежности к рекламному или нерекламному типу дискурса, в сфере идентификации в текстах различной дискурсивной принадлежности формальных маркеров скрытой суггестии и скрытой рекламы, а также автоматизации идентификации в электронных корпусах текстов дискурсивных средств речевого воздействия, обладающих потенциалом эксплицитной и имплицитной манипуляции массовым сознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бредихин С. Н., 2014. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // *Современные проблемы науки и образования*. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920&ysclid=lsblym0dt3574940601>
- Бредихин С. Н., 2023. Теория некооперативных игр в порождении и интерпретации высказываний институционального дискурса // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. № 16. С. 50–58.
- Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г., 2023. Рекурсивное сравнение как основа поиска трансляционных эквивалентов в агглютинативных и флективных языках // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 22, № 3. С. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.4>
- Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., 2023. Динамика медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 22, № 5. С. 19–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>
- Каменский М. В., 2022. Дискурсивные маркеры в трансдисциплинарном освещении: от философии языка Л. Витгенштейна к когнитивной лингвистике и искусственному интеллекту. Ставрополь : СКФУ. 133 с.
- Каменский М. В., Ломтева Т. Н., Кабылкина Н. С., Бутенко С. А., Триско И. Ю., Шереметова Д. А., Федина Е. Р., 2016. Формализация исследовательских процедур анализа семантики языковых единиц. Ставрополь : СКФУ. 170 с.
- Кенжебалина Г. Н., Шаикова Г. К., Шакенова М. Т., Акоева И. Г., 2020. Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры // *Научный диалог*. № 7. С. 105–125. DOI: [10.24224/2227-1295-2020-7-105-125](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125)
- Котов А. А., Переверзева С. И., 2024. Автоматический анализ фреймов для оценки воздействия текста // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 23, № 3. С. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.4>
- Поздин В. Н., Хохлов М. Г., 2017. Расчет формант по участку речевого сигнала // *Advanced Science*. № 1. URL: [http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/1\(2017\)/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5/pozdin-hohlov-k-pechati.pdf](http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/1(2017)/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5/pozdin-hohlov-k-pechati.pdf)
- Салимовский В. А., Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Мишланов В. А., 2019. Автоматическое распознавание ментальных действий, реализуемых в научных эмпирических текстах // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. Т. 10, № 3. С. 74–88. DOI: [10.18721/JHSS.10307](https://doi.org/10.18721/JHSS.10307)
- Шакенова М. Т., Ташимханова Д. С., Оспанова У. А., Булдыбаев Т. К., 2020. Лексико-грамматические маркеры манипулятивности массмедийного дискурса (на материале корпуса русскоязычных текстов СМИ в Республике Казахстан) // *Научный диалог*. № 2. С. 141–160. DOI: [10.24224/2227-1295-2020-2-141-160](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-141-160)
- Appendix G. Part-of-Speech Tags used in the Hepple Tagger // *GATE – General Architecture for Text Engineering*. URL: <https://gate.ac.uk/sale/tao/splitap7.html>
- Brezina V., Platt W., 2023. #LancsBox X [software]. Lancaster University. URL: <https://lancsbox.lancs.ac.uk>
- Cunningham H., Humphreys K., 1997. *Software Infrastructure for Natural Language Processing*. Sheffield : University of Sheffield. 272 p.
- GATE. General Architecture for Text Engineering. URL: <https://gate.ac.uk>
- Ghosh A., Senthilrajan A., 2023. Comparison of Machine Learning Techniques for Spam Detection // *Multimed Tools Application*. № 82. P. 29227–29254. DOI: [10.1007/s11042-023-14689-3](https://doi.org/10.1007/s11042-023-14689-3)
- Jiang Y., Yu X., Wang Y., Xu X., Song X., Maynard D., 2023. Similarity-Aware Multimodal Prompt Learning for Fake News Detection // *Information Sciences*. Vol. 647. DOI: [10.1016/j.ins.2023.119446](https://doi.org/10.1016/j.ins.2023.119446)
- Maynard D., Roberts I., Greenwood M. A., Rout D., Bontcheva K., 2017. A Framework for Real-Time Semantic Social Media Analysis // *Journal of Web Semantics*. Vol. 44. P. 75–88. DOI: [10.1016/j.websem.2017.05.002](https://doi.org/10.1016/j.websem.2017.05.002)
- Ngulube I. E., Elezie K., 2023. Language Style in Advertising: A Study of the Print Media // *International Journal*

of Literature, Language and Linguistics. Vol. 6, iss.3. P. 97–128. DOI: 10.52589/IJLLL_9DX2II7X
Regular Expressions 101. URL: <https://regex101.com>
String Annotation Plugin. URL: <https://gatenlp.github.io/gateplugin-StringAnnotation/>
Thakker D., 2009. GATE JAPE Grammar Tutorial. Version 1.0. Nottingham : Nottingham Trent University. 201 p.

ИСТОЧНИКИ

Ads of the World. November 1, 2022. URL: <https://www.adsoftheworld.com>
Berlin & I. City Guide. 2013. № 5. URL: <https://www.berlin-and-i.de>
London Evening Standard. November 1, 2011. URL: <https://www.standard.co.uk/>
Skims. August 14, 2024. URL: <https://skims.com>
Stylist. November 2, 2011. Iss. 100. P. 10. URL: <https://www.stylist.co.uk/>
The Sun. August 29, 2024. URL: <https://www.thesun.co.uk/>

REFERENCES

Bredikhin S.N., 2014. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii [Scheme Derivation within Metaunits of Hermeneutic Processes of Understanding and Interpretation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920&ysclid=lsblym0dt3574940601>
Bredikhin S.N., 2023. Teoriya nekooperativnykh igr v porozhdenii i interpretatsii vyskazyvaniy institutsionalnogo diskursa [Theory of Noncooperative Games in Generation and Interpretation of Utterances in Institutional Discourse]. *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki* [Professional Communication: Topical Issues of Linguistics and Methodology], no. 16, pp. 50-58.
Bredikhin S.N., Sidorenko S.G., 2023. Rekursivnoe sravnenie kak osnova poiska translyatsionnykh ekvivalentov v agglutinativnykh i flektivnykh yazykakh [Recursive Comparison as a Basis to Translation Equivalents Search in Agglutinative and Inflectional Languages]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22,

no. 3, pp. 43-56. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.4>

Ilyinova E.Yu., Volkova O.S., 2023. Dinamika mediatizatsii transkulturnogo kontsepta «Individualnaya mobilnost»: korpusno-orientirovannoe issledovanie [Transcultural Concept “Individual Mobility”: Mediatization Dynamics Through Corpus-Based Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 19-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>

Kamensky M.V., 2022. *Diskursnye markery v transdistsiplinarnom osveshchenii: ot filosofii yazyka L. Vitgenshteyna k kognitivnoy lingvistike i iskusstvennomu intellektu* [Discourse Markers in Transdisciplinary Coverage: From L. Wittgenstein’s Philosophy of Language to Cognitive Linguistics and Artificial Intelligence]. Stavropol, SKFU. 133 p.

Kamensky M.V., Lomteva T.N., Kabytkina N.S., Butenko S.A., Trisko I.Yu., Sheremetova D.A., Fedina E.R., 2016. *Formalizatsiya issledovatel'skikh protsedur analiza semantiki yazykovykh edinits* [Research Procedures Formalization for Analyzing the Semantics of Linguistic Units]. Stavropol, SKFU. 170 p.

Kenzhebalina G.N., Shaikova G.K., Shakenova M.T., Akoyeva I.G., 2020. Raspoznavanie manipulativnogo teksta: struktura i dominantnye jazykovye parametry [Manipulative Text Recognition: Structure and Dominant Linguistic Parameters]. *Nauchnyy dialog*, no. 7, pp. 105-125. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125>

Kotov A.A., Pereverzeva S.I., 2024. Avtomaticheskii analiz freymov dlya otsenki vozdeystviya teksta [Automatic Frame Analysis for the Evaluation of Text Influence]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 3, pp. 41-54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.4>

Pozdin V.N., Khokhlov M.G., 2017. Raschet formant po uchastku rechevogo signala [Formants Calculation Based on a Section of the Speech Signal]. *Advanced Science*, no. 1. URL: [http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/1\(2017\)/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5/pozdin-hokhlov-k-pechati.pdf](http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/1(2017)/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5/pozdin-hokhlov-k-pechati.pdf)

Salimovsky V.A., Devyatkin D.A., Kadzhaya L.A., Mishlanov V.A., 2019. Avtomaticheskoe raspoznavanie mentalnykh deystviy, realizuemykh

- v nauchnykh empiricheskikh tekstakh [Automatic Identification of Mental Actions in Scientific Empirical Texts]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Humanities and Social Sciences], vol. 10, no. 3, pp. 74-88. DOI: 10.18721/JHSS.10307
- Shakenova M.T., Tashimkhanova D.S., Ospanova U.A., Buldybayev T.K., 2020. Leksiko-grammaticheskie markery manipulyativnosti massmediynogo diskursa (na materiale korpusa russkoyazychnykh tekstov SMI v Respublike Kazakhstan) [Lexical-Grammatical Markers of the Manipulateness of Mass Media Discourse (Based on the Material of the Body of Russian-Language Media Texts in Republic of Kazakhstan)]. *Nauchnyi dialog*, no. 2, pp. 141-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160
- Appendix G. Part-of-Speech Tags used in the Hepple Tagger. *GATE – General Architecture for Text Engineering*. URL: <https://gate.ac.uk/sale/tao/splitap7.html>
- Brezina V., Platt W., 2023. *#LancsBox X Software*. Lancaster University. URL: <https://lancsbox.lancs.ac.uk>
- Cunningham H., Humphreys K., 1997. *Software Infrastructure for Natural Language Processing*. Sheffield, University of Sheffield. 272 p.
- GATE. General Architecture for Text Engineering*. URL: <https://gate.ac.uk>
- Ghosh A., Senthilrajan A., 2023. Comparison of Machine Learning Techniques for Spam Detection. *Multimed Tools Application*, no. 82, pp. 29227-29254. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-023-14689-3>
- Jiang Y., Yu X., Wang Y., Xu X., Song X., Maynard D., 2023. Similarity-Aware Multimodal Prompt Learning for Fake News Detection. *Information Sciences*, vol. 647. DOI: 10.1016/j.ins.2023.119446
- Maynard D., Roberts I., Greenwood M.A., Rout D., Bontcheva K., 2017. A Framework for Real-Time Semantic Social Media Analysis. *Journal of Web Semantics*, vol. 44, pp. 75-88. DOI: 10.1016/j.websem.2017.05.002
- Ngulube I.E., Elezie K., 2023. Language Style in Advertising: A Study of the Print Media. *International Journal of Literature, Language and Linguistics*, vol. 6, iss. 3, pp. 97-128. DOI: https://doi.org/10.52589/IJLL_9DX2II7X
- Regular Expressions 101*. URL: <https://regex101.com>
- String Annotation Plugin*. URL: <https://gatenlp.github.io/gateplugin-StringAnnotation/>
- Thakker D., 2009. *GATE JAPE Grammar Tutorial. Version 1.0*. Nottingham, Nottingham Trent University. 201 p.

SOURCES

- Ads of the World*. November 1, 2022. URL: <https://www.adsoftheworld.com>
- Berlin & I. City Guide*, 2013, no. 5. URL: <https://www.berlin-and-i.de>
- London Evening Standard*. November 1, 2011. URL: <https://www.standard.co.uk/>
- Skims*. August 14, 2024. URL: <https://skims.com>
- Stylist*, 2011, November 2, iss. 100, p. 10. URL: <https://www.stylist.co.uk/>
- The Sun*. August 29, 2024. sURL: <https://www.thesun.co.uk/>

Information About the Authors

Mikhail V. Kamensky, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, stavdev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516>

Sergey S. Bredikhin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Каменский, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, stavdev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516>

Сергей Николаевич Бредихин, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.7>

UDC 81'25:004.9

LBC 81.18

Submitted: 11.05.2024

Accepted: 25.11.2024

THE CURRENT STATE OF RUSSIAN AND CHINESE ECOTRANSLATION STUDIES: A SCIENTOMETRIC APPROACH

Liudmila V. Kushnina

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Ekaterina A. Fomenko

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia;
China University of Petroleum (East China), Qingdao, China

Abstract. The article presents a new approach to conducting scientometric analysis using the example of ecotranslatology and the ecology of translation from the perspective of the ecocentric paradigm in modern Russian and Chinese translation studies. The aim of the research is to characterize the current state of ecotranslation studies in Russia and China based on a scientometric analysis using the digital VOSVIEWER programme, which serves as a tool for visualizing the obtained data. The material for the analysis consisted of the China National Knowledge Infrastructure (CNKI) and the Russian Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) databases. The analysis of publications was conducted using the key words in Chinese corresponding to *ecotranslatology* and *ecology of translation*, covering the period from January 1, 2014, to December 31, 2023. The analysis procedure consisted of three stages. In the first and second stages, scientometric indicators were manually collected from Russian-language and Chinese-language databases. In the third stage, automated digital visual maps were created using the VOSVIEWER programme, which selects key terms and visualizes them in the form of clusters. It was found that the volume of Chinese-language research significantly exceeds the number of Russian-language publications. It was also established that the ecotranslatological paradigm developed by Chinese researchers addresses a wide range of issues related to translation ecology, whose key concepts include the translation ecosystem, translation eco-environment, and the translator's ecological responsibility. In the works of Russian researchers, the ecology of translation views translation as an interaction of ecosystems based on the principles of cultural adequacy and natural adequacy, implying that the translated text naturally integrates into the receiving cultural and natural eco-environment and enriches it. The results of the study demonstrated the active development of ecotranslatology in China and the growing interest in the ecology of translation in Russian academic discourse, which indicates the relevance of this research field and its potential for further exploration. The potential for integrating Russian and Chinese ecotranslation concepts is demonstrated by correlating the criteria for a quality translation, i.e. harmony and eco-friendliness, which is illustrated through an eco-cognitive analysis of a poetic text translated from Russian into Chinese.

Key words: scientometric analysis, digital databases, VOSVIEWER programme, ecotranslation studies, ecology of translation, ecotranslatology.

Citation. Kushnina L.V., Fomenko E.A. The Current State of Russian and Chinese Ecotranslation Studies: A Scientometric Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 79-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.7>

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЭКОПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Людмила Вениаминовна Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Екатерина Александровна Фоменко

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия;
Китайский нефтяной университет (Восточный Китай), г. Циндао, Китай

Аннотация. В статье рассматривается новый подход к проведению наукометрического анализа на примере сферы экотранслатологии и экологии перевода с позиций эгоцентрической парадигмы в современном российском и китайском переводоведении. Цель исследования состоит в характеристике современного состояния экотранслатологии в России и Китае на основе наукометрического анализа с использованием цифровой программы VOSVIEWER, выступающей инструментом визуализации полученных данных. Материалом для анализа послужили базы данных China National Knowledge Infrastructure (CNKI) и российской Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU). Анализ публикаций осуществлялся по ключевым словам *生态翻译学* (эко-транслатология) и *экология перевода* и охватывал период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2023 года. Процедура анализа включала три этапа. На первом и втором этапах вручную выполнен сбор наукометрических сведений по материалам русскоязычной и китайскоязычной баз данных. На третьем этапе построены автоматизированные цифровые визуальные карты на основе программы VOSVIEWER, которая отбирает ключевые термины и визуализирует их в форме кластеров. Установлено, что объем китайскоязычных исследований значительно превосходит количество русскоязычных публикаций. Определено, что экотранслатологическая парадигма, разрабатываемая китайскими учеными, формируется широким кругом проблем, связанных с переводческой экологией, ключевыми понятиями которой являются «экосистема перевода», «переводческая экосреда», «экологическая ответственность переводчика». Экология перевода в работах российских ученых предполагает понимание перевода как взаимодействия экосистем на основе принципов культуросообразности и природосообразности, означающих, что текст перевода естественным образом вписывается в принимающую культурную и природную экосреду и обогащает ее. Результаты наукометрического анализа обнаружили активное развитие экотранслатологии в Китае и возрастающий интерес к экологии перевода в российском научном дискурсе, что свидетельствует об актуальности данной области исследований и потенциале дальнейшей работы. Показаны возможности интеграции российской и китайской экотранслатологических концепций посредством соотношения критериев качественного перевода текста: гармоничности и экологичности, что проиллюстрировано на примере экокognитивного анализа перевода поэтического текста с русского языка на китайский.

Ключевые слова: наукометрический анализ, цифровые базы данных, программа VOSVIEWER, экотранслатология, экология перевода, экотранслатология.

Цитирование. Кушнина Л. В., Фоменко Е. А. Современное состояние российского и китайского экотранслатологического перевода: наукометрический подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 79–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.7>

Введение

Экологическая парадигма перевода в преломлении к существующим концепциям, моделям, подходам является одним из самых молодых направлений исследования. Вместе с тем экологические идеи восходят и к древней китайской философии, провозглашавшей

гармонию человека и окружающей среды, и к работам немецкого ученого XIX в. Э. Геккеля, впервые употребившего термин *экология*, и к трудам русского ученого В.И. Вернадского, который ввел понятие *биосфера*, объединяющее живые организмы и материально-энергетическую среду в единую систему. В течение XX в. был сформирован комплекс эконоук, в том

числе в гуманитарной сфере. На основе трудов М. Халлидея об экологии языка [Halliday, 2001] возникли *эколингвистика*, *лингвоэкология*, которые послужили непосредственным импульсом зарождения *экоперевода* в научных школах разных стран. На сегодняшний день активно развивается экопереводаведение в Китае и России.

В Китае *эколингвистика* (生态翻译学) рассматривается в свете фундаментальных положений древнекитайской философии, в основе которой лежит идея гармоничного сосуществования человека и окружающей природной среды [Qin, Cui, Gao, 2023]. Проблематика *эколингвистики* связана с именем современного китайского исследователя Ху Гэншэня, чьи труды получили всемирную известность в начале 2000-х годов. О значении трудов Ху Гэншэня пишет Синь На, отмечая, что «...в течение последних двадцати лет была сформирована собственная научная парадигма и школа исследований» [Синь, 2023, с. 169]. Переводы публикаций Ху Гэншэня на русский язык носят фрагментарный характер, поэтому при анализе его научной концепции мы опираемся на переводы, выполненные Е.А. Фоменко – одним из авторов данной статьи.

Ху Гэншэнь сформулировал основные постулаты современной *эколингвистики*. Он трактует перевод как многомерное преобразование, охватывающее материальную и духовную (культурную, психологическую, эстетическую, коммуникативную) экосреду, устанавливая экологический баланс между текстами оригинала и перевода [Hu Gengshen, 2020].

Ху Гэншэнь подчеркивает, что *эколингвистика* опирается на три ключевые идеи: экологический холизм, восточную экологическую мудрость, теорию адаптации и выбора. Экологический холизм предполагает признание целостности экосистемы как высшей ценности, обеспечивающей способность поддерживать и защищать гармонию, стабильность, баланс и устойчивость. Под восточной экологической мудростью Ху Гэншэнь понимает связь с традиционной китайской философией и традиционными для китайской философии понятиями единства природы и человека, золотой середины и гармонии между человеком и природой. Теория адаптации и

выбора основана Ху Гэншэнем на принципах дарвиновской теории естественного отбора и является метафорическим переосмыслением переводческих проблем [Hu Gengshen, 2020].

Исследования Ху Гэншэня в сфере *эколингвистики* и гармоничного перевода перекликаются с работами другого китайского ученого – Ван Иня (王寅), сравнительный анализ которых представлен в статье У Сяофана и Чэн Цзяцая [吴小芳, 程家才, 2016]. Обратимся к результатам их анализа.

1. В рамках концепции Ху Гэншэня перевод рассматривается с позиций экологической рациональности, предполагающей, что деятельность переводчика строится по принципу адаптации и отбора, аналогично тому, как живой организм взаимодействует с экологической природной средой. При этом «природная среда» (translational eco-environment) понимается метафорически и включает совокупность лингвистических, культурных и коммуникативных факторов, определяющих процесс перевода. Таким образом, переводчик не только приспосабливается к данным условиям (например, языковым нормам и культурным реалиям), но и вносит в них изменения, формируя новые переводческие решения. Экологическая рациональность указывает на необходимость поддержания динамического баланса между исходным текстом и целевым культурно-языковым контекстом, что обеспечивает гармоничную интеграцию перевода в принимающую среду. Ван Инь изучает перевод с когнитивных позиций, акцентируя внимание на когнитивной деятельности переводчика.

2. Цель переводческой деятельности в обеих концепциях – достижение гармоничного перевода.

3. Трактовка гармонии в концепциях Ван Иня и Ху Гэншэня различна. Если Ван Инь соотносит гармонию с ответственностью переводчика перед читателем и автором, то есть переводчик должен создать текст, отражающий намерения автора и понятный читателю, то Ху Гэншэнь дифференцирует понятие гармонии и выделяет, во-первых, гармонию экологии текста (гармония языковой экологии, гармония коммуникативной экологии, гармония культурной экологии); во-вторых, гармонию экологии перевода (гармония между субъектами перевода и внешней средой);

в-третьих, гармонию переводческого сообщества (баланс и гармония между автором, читателем, критиками, редакторами, издателями, заказчиками и пр.).

4. Признавая ориентированность процесса перевода на переводчика, Ху Гэншэнь подчеркивает, что его центральная роль ограничивается именно этапом перевода. В то же время необходимо учитывать ситуации до и после перевода, в которых ключевое место могут занимать другие участники и факторы. Ван Инь анализирует позицию субъектности переводчика, то есть характер взаимодействия когнитивных субъектов с реальным миром: автора, переводчика, реципиента. В обеих концепциях признается, что переводчик выступает гармонизатором переводного текста.

5. Различает концепции Ван Иня и Ху Гэншэня понимание способов достижения гармоничности. Согласно концепции Ван Иня, гармоничный перевод достигается через множественное субъект-субъектное и субъект-объектное взаимодействие. По Ху Гэншэню, гармония достигается за счет отбора и оптимальной адаптации, то есть сбалансированного соотношения между элементами переводческой экосистемы, включающей экосистемы текстов оригинала и перевода.

Переходим к обзору российской концепции *экологии перевода*. Такое направление лингвистики, как экология перевода, возникло в России в 2011 г. и разрабатывается лингвистами на основе идей экологии языка, лингвоэкологии, экологической лингвистики, экологии культуры (Н.Н. Белозерова, Н.В. Дрожжих, Л.В. Кушнина, Е.М. Пылаева и др.). Согласно их представлениям, экология перевода – это междисциплинарное направление в области переводоведения, акцентирующее внимание на сложном взаимодействии переводческой деятельности и многоуровневых экологических систем, включая культурные, социальные и природные аспекты, и необходимости гармоничного сочетания переведенных текстов с культурными ценностями и экологичностью восприятия текста перевода реципиентами принимающей лингвокультуры при условии сохранения языкового многообразия и устойчивого развития, исходя из положения о том, что язык

и перевод играют центральную роль в формировании человеческого взаимодействия с окружающей средой. Язык рассматривается как экосистема, а перевод как взаимодействие между языковыми экосистемами. Согласно результатам уже проведенных нами исследований, синергетическая концепция переводческого пространства может быть расширена за счет введения понятия природно-биологического поля [Кушнина, Пылаева, 2014]. В более поздних наших работах оно получило название *экополе*, что позволило проследить не только культуросообразность текстов оригинала и перевода, но и их природосообразность [Kushnina, 2020]. На основе выделения экоконтцептов и экосмыслов, формирующих концептуальное пространство художественного текста, была охарактеризована возможность сохранения экологической гармонии между языками и культурами, обеспечивающая соразмерность передачи экосмыслов [Кушнина, Пылаева, 2014]. В качестве ведущего экологического принципа в указанных работах выступает природосообразность текста перевода, следование этому принципу позволяет переводчику транспонировать все экоконтцепты и экосмыслы оригинала в текст перевода.

Экология перевода является логическим продолжением разработанной нами ранее концепции переводческого пространства, в основе которой лежит синергетическая модель перевода [Кушнина, 2003]. Сущность синергии заключается в том, что в переводческом пространстве происходит приращение новых смыслов, соразмерных природной и культурной среде, в результате чего текст перевода естественным образом воспринимается реципиентами.

С позиций экологии перевода пространство перевода художественного текста рассматривается как совокупность экосистем контактирующих языков и культур. Задача переводчика состоит в выявлении и сопоставлении экосмыслов и экоконтцептов в текстах оригинала и перевода. Успешная актуализация ключевых экоконтцептов в переводческом пространстве означает гармоничное сосуществование человека, языка, текста, культуры, природы.

Таким образом, в центре нашего исследовательского интереса – эколлингвистиче-

ский, экокогнитивный, экосинергетический подход китайских и российских ученых к анализу процесса перевода. Изучение современного состояния китайской экотранслатологии и российской экологии перевода потребовало проведения наукометрического анализа публикаций с привлечением цифровых механизмов, на что и нацелено исследование, результаты которого представлены в статье.

Материал и методы

Для осуществления исследования мы выбрали две наиболее крупные цифровые базы данных Китая и России.

Китайская национальная инфраструктура знаний (China National Knowledge Infrastructure, далее – CNKI), разработанная при участии Пекинского университета Цинхуа, является престижным академическим ресурсом и занимает высокие позиции среди аналогичных китайских академических платформ [王昆鹏, 2023]. В Российской Федерации основным открытым ресурсом в области комплексной цифровой библиографии является Научная электронная библиотека (далее – eLIBRARY.RU), которая отличается развернутыми функциями поиска и широкой доступностью научной информации. Данная база интегрирована с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) – публичным сервисом, созданным Министерством образования и науки РФ для детального анализа публикационной активности [Низомутдинов, Тропников, 2019]. В рамках наукометрического анализа было проведено исследование публикаций за 10 лет в период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2023 года.

Исходные позиции наукометрического анализа – определение ключевых терминов. В связи со сложившейся традицией в российской лингвистике применяется термин *экология перевода*, а китайской – термин 生态翻译学, который при переводе на русский приобретает форму *экотранслатология*.

Основная задача нашей работы состояла в проведении расширенного наукометрического анализа, включающего как традиционные способы и приемы анализа, так и построение цифровых визуальных карт

с помощью программы VOSVIEWER в следующих сферах: «Экотранслатологические исследования в Китае» и «Исследования экологии перевода в России». Прежде чем выстроить автоматизированные цифровые визуальные карты, нами была проведена работа по сбору наукометрических сведений вручную.

Результаты и обсуждение

Первый этап наукометрического анализа проводился по материалам китайскоязычных источников. В строке поиска CNKI был определен временной период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2023 года. В меню поиска было выбрано ключевое слово 生态翻译学 (*экотранслатология*). После поиска и ручной проверки на основе данных окончательное количество документов за 10 лет составило 2 354, включая статьи в научных журналах, специализированных и академических изданиях. Количественная динамика публикаций в представлена в таблице 1 и на рисунке 1.

На графике видно (см. рис. 1), что количество статей в журналах по тематике «Экотранслатология» имеет тенденцию к увеличению. Однако в 2022 г. их количество снизилось, но в 2023 г. вновь возросло. Общее количество остается на уровне более 200 статей в год. В 2023 г. было опубликовано 277 статей в научных журналах. Как отмечает Лу Лу, начиная с 2023 г. количество публикаций возрастает ввиду того, что экотранслатология является достаточно молодым научным направлением [路璐, 2023]. Становление экотранслатологии связано с интенсивными прикладными исследованиями в данной области [Xiong, Qin, Liu, 2023].

Для проведения наукометрического анализа мы условно разделили все публикации на три группы: теоретико-методологические, обзорные, прикладные.

Нами был проведен наукометрический анализ 10 наиболее цитируемых публикаций (см. табл. 2, данные приведены на 8 апреля 2024 г.).

Как видно из таблицы 2, самой цитируемой статьей является работа Ху Гэншэня от «译者中心» до «译者责任» (От «центрирования на переводчике» к «ответственности

Таблица 1. Количество публикаций по теме «Экотранслатология» в CNKI (2014–2023 гг.)

Table 1. Number of publications on the topic “Ecotranslatology” in CNKI (2014–2023)

Показатель	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Кол-во публикаций	210	178	205	208	197	247	283	303	246	277	2 354

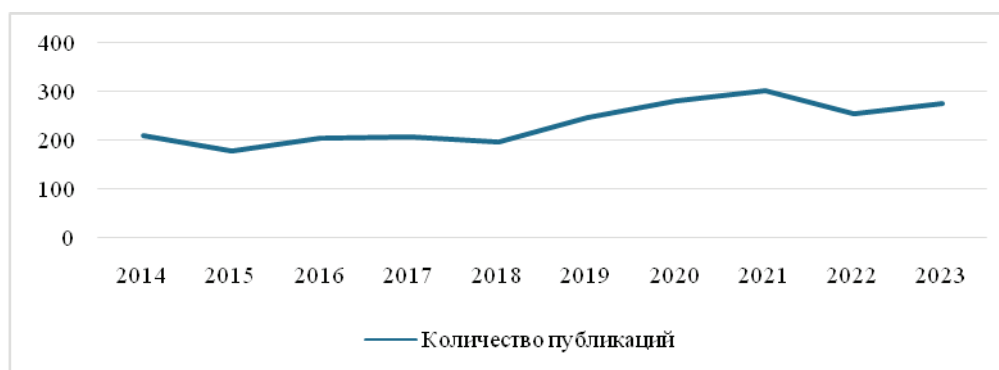

Рис. 1. Динамика количества публикаций по теме «Экотранслатология» в CNKI (2014–2023 гг.)

Fig. 1. Dynamics in the number of publications on the topic “Ecotranslatology” in CNKI (2014–2023)

переводчика»), в которой автор осмысляет центральную роль переводчика, приобретающего в процессе профессиональной деятельности чувство ответственности, то есть принимает на себя ответственность за все аспекты перевода: текст, экологическую среду, отношения с участниками, а также поддерживает целостный экологизм и экологическую рациональность [胡庚申, 2014].

Второй этап наукометрического анализа проводился на материале русскоязычной базы данных.

Поиск осуществлялся следующим образом: в строке поиска мы выбрали термин *экология перевода*, далее учитывались такие параметры, как название публикации, содержание аннотации, ключевые слова. Тематика раздела: языкознание. Годы публикации – период с 2014 по 2023 год. В результате автоматического поиска по данным параметрам было найдено 72 публикации. Уточним, что не все публикации в сфере экологии перевода были внесены в анализ, так как они не отражали проблематику исследования. Полученные результаты представлены в таблице 3 и на рисунке 2.

На рисунке 2 можно наглядно проследить динамику публикаций за последние 10 лет. Особенно отчетливо прослеживается

рост публикационной активности в течение трех последних лет, что свидетельствует об интересе со стороны российских лингвистов к экопереводе. Мы предполагаем, что в ближайшее время можно будет говорить о тенденции повышения исследовательского интереса к проблемам экоперевода, обусловленного экологизацией человеческого сознания, что находит отражение в экологизации сознания переводчика.

Далее мы представили 10 наиболее цитируемых публикаций с 2014 по 2023 г. по теме «Экология перевода». Параметры поиска совпадают с параметрами, заданными при отборе публикаций китайских ученых, затем выбрана опция автоматического рейтинга по цитируемости. Данные представлены в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, статья Л.В. Кушниковой и Е.М. Пылаевой «Экология перевода: современные тенденции и подходы» является наиболее цитируемой.

Третий этап наукометрического анализа был посвящен построению цифровых визуализированных карт на основании полученных данных. Для этого мы использовали программу по визуализации данных VOSVIEWER (версия 1.6.20).

Таблица 2. Топ-10 цитируемых статей по теме «Экотранслатология» в CNKI (2014–2023 гг.)

Table 2. Top 10 cited articles on the topic “Ecotranslatology” in CNKI (2014–2023)

Место в топ-10	Автор	Название	Год	Цитируемость	Кол-во загрузок
1	胡庚申 (Ху Гэншэнь)	从“译者中心”到“译者责任” (От «центрирования на переводчике» к «ответственности переводчика»)	2014	461	15 874
2	胡庚申 (Ху Гэншэнь)	若干生态翻译学视角的应用翻译研究 (Прикладные исследования перевода с позиций экотранслатологии)	2017	279	13 317
3	黄国文 (Хуан Говэнь)	外语教学与研究的生态化取向 (Экологический подход в обучении и изучении иностранных языков)	2016	244	4 891
4	胡庚申 (Ху Гэншэнь)	生态翻译学的“异”和“新”——不同翻译研究途径的比较研究并兼答相关疑 («Другое» и «Новое» в экотранслатологии: сопоставление различных подходов к исследованию перевода)	2014	203	9 962
5	方梦之 (Фан Мэнчжи)	再论翻译生态环境 (Новое о переводческой экологической среде)	2020	194	5 835
6	胡庚申 (Ху Гэншэнь)	翻译研究“生态范式”的理论建构 (Теоретическое построение «экологической парадигмы» в исследовании перевода)	2019	183	7 334
7	宋志平 (Сун Чжипин), 胡庚申 (Ху Гэншэнь)	翻译研究若干关键问题的生态翻译学解释 (Экологическая интерпретация некоторых ключевых вопросов в исследовании перевода)	2016	182	7 111
8	胡庚申 (Ху Гэншэнь)	对生态翻译学几个问题“商榷”的回应与建议 (Рефлексия по дискуссиям о проблемах экотранслатологии)	2014	170	7 555
9	孙 (Сунь Линь), 韩彩虹 (Хань Цайхун)	《北京折叠》中文化负载词的英译——生态翻译学视角 (Перевод культурно значимых слов в романе «Складывающийся Пекин» с позиций экотранслатологии)	2021	169	15 427
10	胡庚申 (Ху Гэншэнь)	文本移植的生命存续 ——“生生之谓译”的生态翻译学新解 (Жизненное существование текста при перемещении (трансплантации) – новое экологическое толкование перевода как «жизни через жизнь»)	2020	140	5 484

Таблица 3. Количество публикаций по теме «Экология перевода» в базе данных eLIBRARY.RU (2014–2023 гг.)

Table 3. Number of publications on the topic “Translation Ecology” in the eLIBRARY.RU database (2014–2023)

Показатель	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Кол-во публикаций	9	4	7	5	7	5	6	7	12	10	72

Рис. 2. Динамика количества публикаций по теме «Экология перевода» в базе данных eLIBRARY.RU (2014–2023 гг.)

Fig. 2. Dynamics in the number of publications on the topic “Translation Ecology” in the eLIBRARY.RU database (2014–2023)

Таблица 4. Топ-10 цитируемых статей по теме «Экология перевода» в базе данных eLIBRARY.RU (2014–2023 гг.)

Table 4. Top 10 Cited articles on the topic “Translation Ecology” in the eLIBRARY.RU database (2014–2023)

Место в топ-10	Автор	Название	Год	Цитируемость
1	Л.В. Кушнина, Е.М. Пылаева	Экология перевода: современные тенденции и подходы	2014	25
2	Н.А. Курашкина	Истоки и пути развития эколлингвистики	2016	8
3	Н.А. Курашкина	Основные направления современной российской эколлингвистики	2016	7
4	Е.В. Чистова	Глобанглизация в аспекте лингвистической экологии (англо-русско-китайские параллели)	2014	6
5	Е.В. Чистова	Локализация веб-сайтов в перспективе экокognитивной транслатологии (на материале сайтов российских компаний)	2021	5
6	Л.В. Кушнина, Е.М. Плюснина	Трактовка понятий «концепт» и «смысл» в свете экологии перевода	2018	3
7	М.В. Плотникова, А.И. Томилова	Экспрессия в нарративе политических деятелей: экология перевода и лингвистическая безопасность (на материале публичных выступлений В. В. Путина и их переводов на английский, французский, испанский языки)	2022	2
8	Е.М. Пылаева	О синергетическом подходе при изучении экологии перевода	2014	2

Окончание таблицы 4

End of Table 4

Место в топ-10	Автор	Название	Год	Цитируемость
9	Е.М. Пылаева	О методологии эколого-переводческого анализа художественного текста	2014	1
10	Л.В. Кушнина, Г.И. Голубева, Е.Н. Югова	Городское пространство в динамике переводческого пространства	2016	1

Программа автоматически подсчитывает частоту встречаемости ключевых слов [De Jong, Bus, 2023]. Для актуализации результатов мы выбрали частоту совместной встречаемости авторских ключевых слов с порогом вхождения 10, которому соответствуют 64 термина из 2 572 ключевых слов. Мы руководствовались подобной частотой совпадений (10 ключевых слов) в связи с большим объемом анализируемых данных. Далее была произведена загрузка данных в систему

VOSVIEWER и построена визуальная карта, отображающая частоту использованных в публикациях ключевых слов и смысловую связь между ними (рис. 3).

Общее количество проанализированного материала составило 2 011 публикаций на китайском языке, из которых системой было выбрано 2 572 ключевых слова.

На визуализированной карте наглядно продемонстрированы ключевые термины. В центре находится самый крупный элемент – кластер

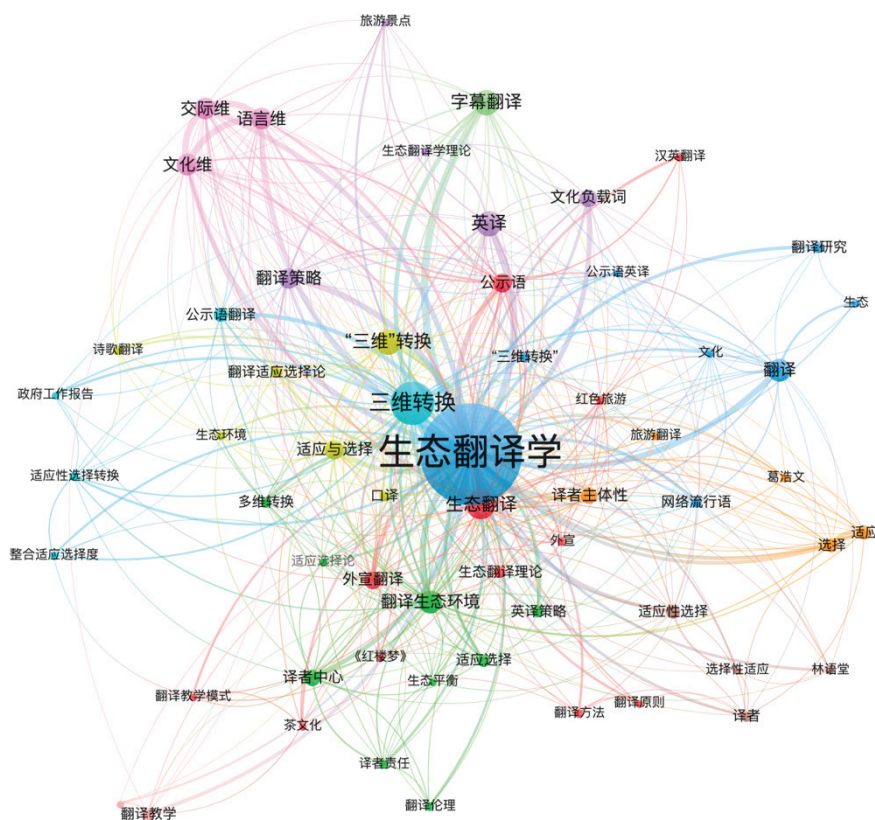

Рис. 3. Визуализированная карта ключевых слов по теме «Экотранслатология» в публикациях в CNKI (2014–2023 гг.)

Fig. 3. Visualized keyword map on the topic “Ecostratolology” in CNKI publications (2014–2023)

термина *эко-транслатология*, от которого можно проследить связи не только с основными терминами теории экотранслатологии: *适应 (адаптация)*, *选择 (выбор)*, *三位转换 (трехмерный поворот)*, но и с прикладными исследованиями. Кроме того, визуальные карты отражают объединение объектов по ключевым словам – кластеры (объекты, входящие в один кластер, отмечены на карте одним цветом).

С помощью визуализированных карт достаточно быстро можно проанализировать большой объем информации и выделить основные направления и ключевые термины исследований, что является вспомогательным инструментом анализа литературы на иностранном языке.

Мы также выстроили карту в зависимости от времени публикаций, что позволяет быстро оценить современное состояние экотранслатологии (рис. 4).

Согласно визуализированной карте (см. рис. 4), начиная с 2020 г. отмечается значительный рост числа публикаций по экотранслатологии, что связано с применением ее понятий и методов в смежных областях (выделены на карте светло-зеленым и желтым цветом). Так, среди ключевых слов, автоматически выделенных программой и отражающих

области применения, выделяются *字幕翻译 (перевод субтитров)*, *茶文化 (культура чая)*, а также названия художественных текстов (например, *红楼梦* – «Сон в красном тереме») и др. Вместе с тем полученные результаты показывают становление экотранслатологии как самостоятельного направления теории перевода, что находит отражение в использовании терминов, выделенных программой, таких как *三位转换 (трехмерный поворот)*, *翻译 (перевод)*, *文化负载词 (культурная коннотация)*, *翻译方法 (стратегии перевода)* и т. д.

Для построения визуальной карты по теме «Экология перевода» в публикациях научных журналов eLIBRARY.RU в период с 2014 по 2023 г. из 72 публикаций, содержащихся в автоматической системе поиска, после проведения ручного отбора было выбрано 39 публикаций. Результаты представлены на рисунке 5.

Аналогично карте для ключевого термина *生态翻译学 (эко-транслатология)* в китайских публикациях мы выстроили хронологическую карту для термина *экология перевода* (рис. 6). Согласно визуальной карте, наибольший интерес исследователей в рамках экологии перевода на данном временном этапе вызывает политический дискурс.

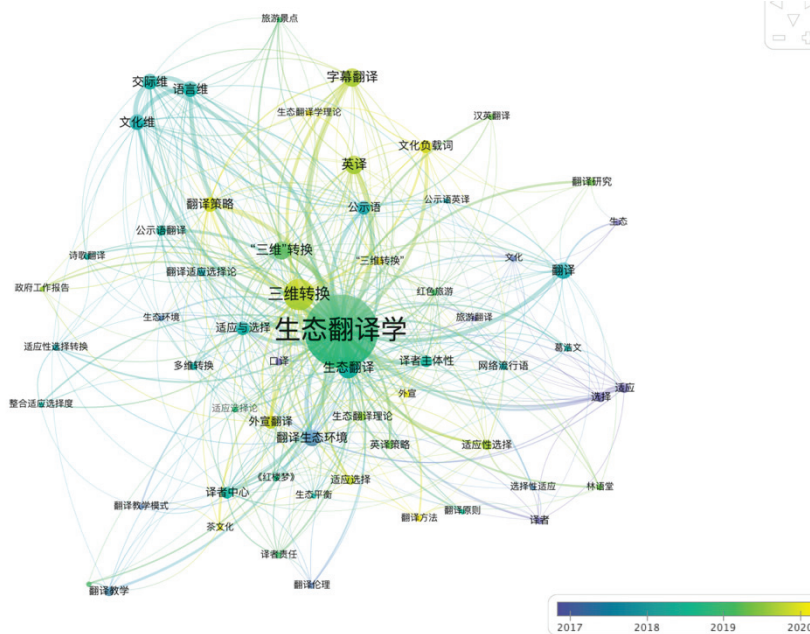

Рис. 4. Визуализированная карта ключевых слов по теме «Экотранслатология» в публикациях в CNKI (хронологический аспект)

Fig. 4. Visualized keyword map on the topic “Ecotranslatology” in CNKI publications (chronological aspect)

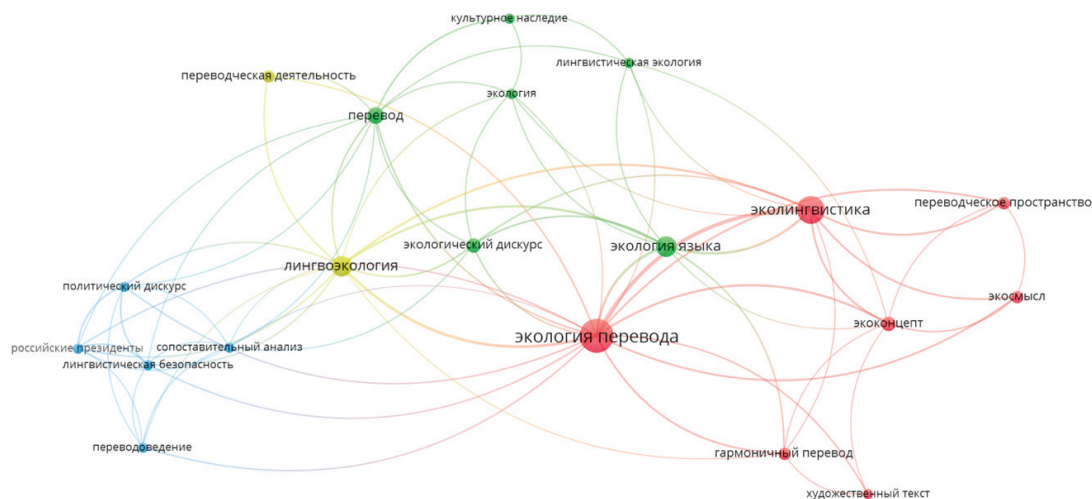

Рис. 5. Визуализированная карта ключевых слов по теме «Экология перевода» в публикациях в eLIBRARY.RU

Fig. 5. Visualized keyword map on the topic “Translation Ecology” in eLIBRARY.RU publications

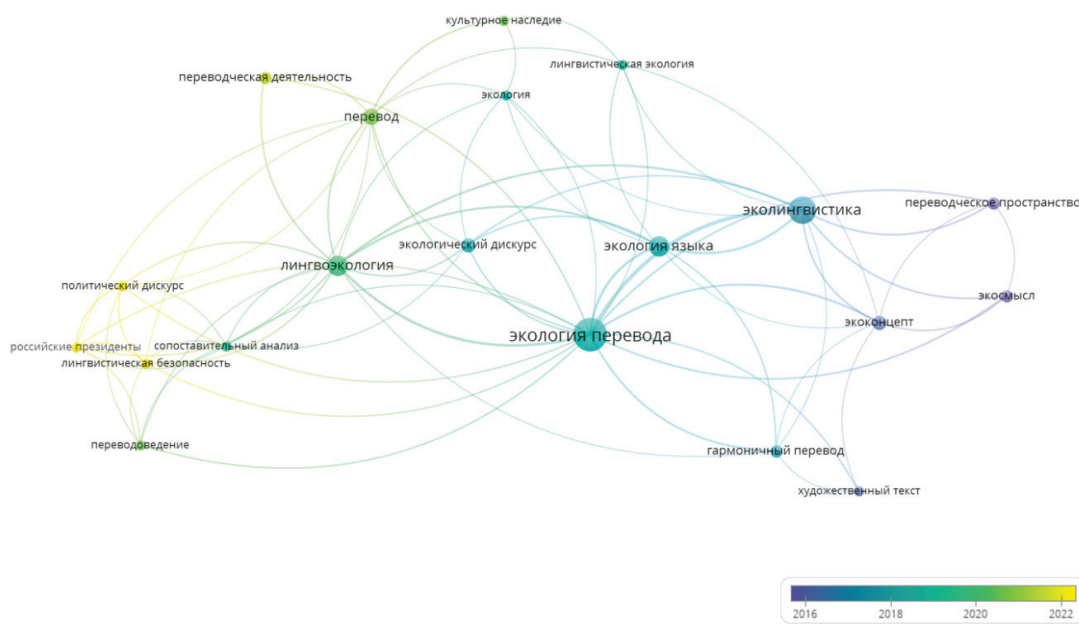

Рис. 6. Визуализированная карта ключевых слов по теме «Экология перевода» в публикациях в eLIBRARY.RU (хронологический аспект)

Fig. 6. Visualized keyword map on the topic “Translation Ecology” in eLIBRARY.RU publications (chronological aspect)

На рисунке 6 представлены ключевые термины, связанные с *экологией перевода* (цветовая шкала от синих к желтым оттенкам отображает хронологический аспект). В центре находится ключевое слово *экология перевода*, тесно связанное с такими направлениями, как *лингвоэкология*, *экология языка*, *эколингвистика* и др. Связь с ключевыми словами *экоконцепт*, *экомысл*, *переводческое пространство*

отражает расширение предметной области исследований. Множество пересечений с другими направлениями (*политический дискурс*, *лингвистическая безопасность*, *культурное наследие*) свидетельствует, с одной стороны, о нарастающем междисциплинарном интересе, с другой стороны, о постепенном переходе от теоретических предпосылок к конкретному внедрению экологических принципов перевода.

Таким образом, наукометрический анализ в сфере китайской экотранслатологии и российской экологии перевода показал, что научные школы двух стран исследуют процесс перевода с позиций современной экокognитивной парадигмы. Несмотря на то что количество китайскоязычных работ в этой сфере значительно превышает количество русскоязычных публикаций, наблюдается общая тенденция увеличения количества исследований, обусловленная экологизацией человеческого сознания. Природная и культурная экология взаимодополняют друг друга, создавая гармонию взаимоотношений человека и природы, человека и культуры, человека и общества, что находит отражение в тексте, дискурсе, коммуникации, переводе. Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы интегрировать близкие по сути, но различные по структуре концепции. Одной из форм такой интеграции является предложенное нами соотношение критериев качественного перевода текста. Мы дифференцируем критерии качества со стороны переводчика и со стороны реципиента. Высшим уровнем качества со стороны переводчика становится порождение гармоничного текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала. Высшим уровнем качества со стороны реципиента является экологичное восприятие текста перевода, который полностью понятен реципиенту. Уточним, что в основу интеграции российских и китайских исследований положено определение соотношения ключевых понятий – гармоничности (концепция Л.В. Кушниной) и экологичности (концепция Ху Гэншэня). Гармоничность перевода является предпосылкой его экологичности, то есть понятности иноязычным и инокультурным реципиентам. Проиллюстрируем сказанное на примере перевода поэтического текста с русского языка на китайский.

Материалом для анализа послужил поэтический текст С.А. Есенина и его перевод на китайский язык (Есенин, 1995; 叶赛宁, 2015).

Представим материал анализа в виде таблицы: 1) текст оригинала на русском языке; 2) текст перевода на китайском языке (Лю Чжаньцю (刘湛秋)); 3) текст обратного перевода с китайского языка на русский (Е.А. Фоменко).

Приступая к анализу, подчеркнем, что осенние мотивы занимают особое место в творчестве С. Есенина. Осень связана в его

поэтическом мире с переменами человеческой души. Пейзаж сливается с образом лирического героя: *душу-яблоню ветром стряхать, цвет черемух в глазах*. Вдохновение поэта отражается в живых красках природы: *хорошо под осеннюю свежесть, воду синюю*. Осенняя природа пробуждает чувства: *я учусь, я учусь моим сердцем, только в скупости чувства греются*.

Образы, созданные поэтом, уникальны, что вызывает определенные переводческие трудности. Достижение гармоничного перевода и преодоление трудностей обусловлено интеллектуально-эмоциональной деятельностью переводчика. В процессе освоения гетерогенных смысловых полей переводческого пространства в его сознании происходят переосмысление исходных экосмыслов и синергетические приращение новых смыслов, приемлемых в принимающей языковой, культурной, природной среде. Мы констатируем культуросообразность и природосообразность текста перевода, что соотносим с гармоничностью.

Гармоничность складывается из совокупности различных факторов. Согласно концепции Ху Гэншэня, таким фактором является единая экосистема оригинала и перевода. Сравнивая оригинал и перевод данного поэтического текста с русского языка на китайский, мы констатируем порождение экосистемы: в результате эмоционально-эмпатийного взаимодействия с автором переводчик успешно воспринимает и передает лексемы-репрезентанты ключевых экоконтцептов *осень* и *дом*: *осенняя свежесть, ветер, речка, вода, яблоня, черемуха, горница, двор*.

Приведем пример гармоничного перевода фрагмента данного текста.

Оригинал: *Никого не пущу я в горницу.*

Перевод на китайский язык: 我将不许任何人跨进院子。

Обратный перевод-подстрочник: *Я никому не позволю войти во двор.*

Переводчик переводит устаревшее русское слово *горница* словом со значением «двор», имея в виду традиционный китайский дворик, окруженный высокой глухой стеной. 院子 (*двор*) является традиционной моделью жизни китайцев, представляет собой культурную самобытность, запечатленную в культурной идентичности [刘勇, 何立婷, 2021, 页 233].

Таблица 5. Материал анализа (С. Есенин «Хорошо под осеннюю свежесть...») в оригинале и переводах

Table 5. Material for analysis (It's Nice in Autumn Freshness... by S. Yesenin) in the original and translations

Русский язык	Китайский язык	Обратный перевод
Хорошо под осеннюю свежесть...	秋高气爽多么好.....	Золотая погожая осень как хороша (используется устойчивая идиома из 4 иероглифов, дословно: осень высоко, воздух ясный)
Хорошо под осеннюю свежесть Душу-яблоню ветром стряхать И смотреть, как над речкою режет Воду синюю солнца соха.	秋高气爽多么好, 心的苹果在风中轻轻地摇; 太阳的犁铧切开蔚蓝的水, 望一眼河上也叫人沉醉。	Золотая погожая осень как хороша, Сердце (душа) – яблоко на ветру раскачивается; Солнечный лемех разрезает лазурную воду, Взгляд устремлен на реку, что опьяняет.
Хорошо выбивать из тела Накаляющий песни гвоздь И в одежде празднично белой Ждать, когда постучится гость.	把炽热的心底的歌, 一古脑儿搬出来该多好; 再穿上节日的白衣裳, 等待着客人的来到。	Песню, пылающую в душе, Полностью высказать – как это прекрасно; Еще надеть праздничные белые одежды (устаревшее), Ожидать прихода гостя.
Я учусь, я учусь моим сердцем Цвет черемух в глазах беречь, Только в скупости чувства греются, Когда ребра ломает течь.	可我却那样用心去学习, 学习 在眼睛里珍藏稠李子的颜色, 当似水年华损伤了筋骨, 感情再不应无节制地飞进。	Однако мне не хватает усердного учения, учения. Перед глазами бережно храню черемухи цвет, Уходящие года повреждают мышцы и кости, Чувства больше не должны утекать без контроля.
Молча ухает звездная звонница, Что ни лист, то свеча заре. Никого не впусу я в горницу, Никому не открою дверь.	星的钟楼无声地倒坍了, 每片树叶都是向朝霞点起的 蜡烛。 我将不许任何人跨进院子, 也不给任何人打开房门。	Звездная звонница беззвучно рухнула, Каждый лист – свеча, зажженная навстречу утреннему сиянию. Я никому не позволю войти во двор (<i>традиционный китайский дворик</i>), Никому не открою дверь дома.

Мы констатируем, что данное переводческое решение было гармоничным для переводчика и экологичным для реципиента. Это означает, что переводчику удалось гармонизировать экосмыслы, создать контекст, понятный китайскому реципиенту, который естественным образом вписывается в его национальную картину мира и в то же время раскрывает внутренний мир русского поэта, воспевающего красоту родной природы.

В качестве перспективы исследования мы намерены изучить перевод прозаического текста с русского языка на китайский и с китайского языка на русский, что послужит иллюстрацией плодотворности экокognитивного подхода к переводу.

Заключение

Проблемное поле современного русского и китайского экопереводоведения охватывает широкий круг исследований, формирующих теоретическую и методологическую базу, востребованную научным сообществом. Проведенный наукометрический анализ, обобщающий научно-исследовательский опыт исследователей разных стран, интегрированный в современные цифровые технологии, обеспечивает каталогизацию, аккумуляцию и визуализацию данных о научных публикациях в избранной сфере деятельности и расширяет наши представления о современном состоянии экопереводоведения в России и в Китае.

Использование программы VOSVIEWER в качестве дополнительного инструмента наукометрического анализа публикационной активности исследователей двух стран позволило не только визуализировать полученные результаты, но и определить современные тенденции, приоритеты, интересы в сфере экопереводоведения. Проведение наукометрического анализа показало, что в CNKI выявлено значительно больше публикаций по экотранслатологии (2 011), чем в eLIBRARY.RU по экологии перевода (72). Это свидетельствует о более зрелой научной парадигме в Китае, где исследования охватывают как фундаментальные аспекты, так и широкий спектр прикладных задач. В российских исследованиях, несмотря на меньшее общее число работ, в настоящее время наблюдается

заметный рост количества публикаций. Анализ визуализированных карт показывает преобладание у китайских лингвистов терминологии, отражающей теоретические основы экотранслатологии. В российском научном дискурсе особое внимание уделяется междисциплинарным направлениям, что указывает на расширение предметной области и активный поиск прикладного применения экологических идей.

Интеграция российской и китайской экопереводческих концепций стала возможной в результате установления соотношения критериев качественного перевода текста. Как было показано на конкретном примере, целесообразно дифференцировать критерии оценки качества перевода. Со стороны переводчика качественный перевод будет гармоничным; со стороны реципиента качественный перевод является экологичным. Иными словами, порождение переводчиком гармоничного текста перевода выступает предпосылкой экологичного восприятия этого текста иноязычным и инокультурным реципиентом.

Таким образом, в настоящее время происходит интенсивное развитие экотранслатологии в Китае и наблюдается устойчивый рост изучения экологии перевода в России, что свидетельствует как об актуальности данной области исследований, так и о необходимости выделения нового научного направления интегративного типа – экотранслатологического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кушнина Л. В., 2003. Динамика переводческого пространства. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 232 с.
- Кушнина Л. В., Пылаева Е. М., 2014. Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 2 (26). С. 70–76.
- Низомутдинов Б. А., Тропников А. С., 2019. Автоматизированный сбор данных для наукометрического анализа // Научный сервис в сети Интернет. № 21. С. 523–531. DOI: 10.20948/abrau-2019-76
- Синь Н., 2023. Переводоведческие исследования в Китае (2001–2020 гг.): визуализация на основе программы VOSviewer // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация.

- № 2. С. 159–176. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-13
- De Jong R., Bus D., 2023. VOSviewer: Putting Research into Context // *Research Software Community Leiden*. DOI: 10.21428/a1847950.acdc99d6
- Halliday M. A. K., 2001. *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environmen* / ed. by A. Fill, P. Muhlhausler. L. ; N. Y. : Continuum. P. 175–202.
- Hu Gengshen, 2020. *Eco-Translatology, Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies*. Singapore : Springer. 312 p. DOI: 10.1007/978-981-15-2260-4
- Kushnina L., 2020. Tournant synergétique dans la traductologie d’aujourd’hui // *Cognitivism et Translatologie. Approches sémantiques et psychologiques*. P. : Classiques Garnier. P. 137–152.
- Qin Z., Cui X., Gao X., 2023. The Characteristics of Contemporary Chinese Translation Theory Development: A Systematic Review of Studies in Core Chinese Journals (2012–2022) // *Humanit Soc Sci Commun*. Vol. 10. Art. 596. DOI: 10.1057/s41599-023-01955-w
- Xiong X., Qin H. Liu X., 2023. The Evolution and Development of Ecotranslatology Studies Based on the Analysis of CiteSpace Mapping Knowledge Domains // *Humanit Soc Sci Commun*. Vol. 10. Art. 712. DOI: 10.1057/s41599-023-02104-z
- 胡庚申, 2014. 从“译者中心”到“译者责任” // *中国翻译*. № 35 (1). 页 29–35.
- 刘勇, 何立婷, 2021. 院子的文化基因 // *四川建材*. № 47 (8). 页 231–233.
- 路璐, 2023. 国内生态翻译学十年 (2013–2022) 研究综述 // *今古文创*. № 35. 页 107–109. DOI: 10.20024/J.CNKI.CN42-1911/I.2023.35.033
- 王昆鹏, 2023. CSSCI 来源期刊互联网全文获取分布情况的调查分析与启示 // *四川图书馆学报*. № 3. 页 17–22.
- 吴小芳, 程家才, 2016. 和谐返璞, 译事之所向兮 – 胡庚申与王寅翻译思想比较研究 // *重庆第二师范学院学报*. № 29 (6). 页 42–45.
- Kushnina L.V., Pylaeva E.M., 2014. *Ekologiya perevoda: sovremennye tendentsii i podkhody [Ecology of Translation: Modern Trends and Approaches]*. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], no. 2 (26), pp. 70-76.
- Nizomutdinov B.A., Tropnikov A.S., 2019. *Avtomatizirovannyi sbor dannykh dlya naukometriceskogo analiza [Automated Data Collection for Scientometric Analysis]*. *Nauchnyy servis v seti Internet* [Scientific Service and Internet], no. 21, pp. 523-531. DOI: 10.20948/abrau-2019-76
- Xin N., 2023. *Perevodovedcheskie issledovaniya v Kitae (2001–2020 gg.): vizualizatsiya na osnove programmy VOSviewer [Translation Studies in China (2001–2020): Through VOSviewer]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 159-176. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-13
- De Jong R., Bus D., 2023. VOSviewer: Putting Research into Context. *Research Software Community Leiden*. DOI: 10.21428/a1847950.acdc99d6
- Halliday M.A.K., 2001. *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics*. Fill A., Muhlhausler P., eds. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environmen*. London, New York, Continuum, pp. 175-202.
- Hu Gengshen, 2020. *Eco-Translatology, Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies*. Singapore, Springer. 312 p. DOI: 10.1007/978-981-15-2260-4
- Kushnina L., 2020. Tournant synergétique dans la traductologie d’aujourd’hui. *Cognitivism et Translatologie. Approche sémantique et psychologique*. Paris, Classiques Garnier, pp. 137-152.
- Qin Z., Cui X. Gao X., 2023. The Characteristics of Contemporary Chinese Translation Theory Development: A Systematic Review of Studies in Core Chinese Journals (2012–2022). *Humanit Soc Sci Commun*, vol. 10, art. 596. DOI: 10.1057/s41599-023-01955-w
- Xiong X., Qin H., Liu X., 2023. The Evolution and Development of Ecotranslatology Studies Based on the Analysis of CiteSpace Mapping Knowledge Domains. *Humanit Soc Sci Commun*, vol. 10, art. 712. DOI: 10.1057/s41599-023-02104-z
- Hu G., 2014. *Cong “yizhezongxin” dao “yizhezeren” [From “Translator-Centeredness” to “Translator*

ИСТОЧНИКИ

- Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. М. : Наука, 1995. 672 с.
- 叶赛宁著. 叶赛宁抒情诗选 / 刘湛秋译. 成都 : 四川文艺出版社, 2015. 223 页

REFERENCES

- Kushnina L.V., 2003. *Dinamika perevodcheskogo prostranstva* [Translation Space Dynamics]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta. 232 p.

Responsibility”]. *Zhongguo Fanyi* [Chinese Translators Journal], no. 35 (1), pp. 29-35.

Liu Y., He L., 2021. Yuanzide wenhua jiyin [Cultural Genes of Courtyards]. *Sichuan Jiancai* [Sichuan Building Materials], no. 47 (8), pp. 231-233.

Lu L., 2023. Guonei shengtai fanyi shi nian (2013–2022) yanjiu zongshu [Review of Ten Years of Domestic Ecotranslatology Research (2013–2022)]. *Jin Gu Wenchuang* [Modern and Ancient Cultural Creativity], no. 35, pp. 107-109. DOI: 10.20024/j.cnki.CN42-1911/I.2023.35.033

Wang K., 2023. CSSCI lai yuan qian huan wang quanti wenben huode fenbu qingkuang de diaocha fenxi yu qishi [Investigation and Analysis of Full-text Availability of CSSCI Source Journals on the Internet and Its Implications]. *Sichuan Tushuguan Xuebao* [Sichuan Library Journal], no. 3, pp. 17-22.

Wu X., Cheng J., 2016. Hexie fanpu, yishi zhi suo xiang xi – Hu Gengshen yu Wang Yin fanyi sixiang bijiao yanjiu [Returning to Harmony: Comparison of Translation Ideas of Hu Gengshen and Wang Yin]. *Chongqing Dier Shifan Xueyuan Xuebao* [Journal of Chongqing Second Normal University], no. 29 (6), pp. 42-45.

SOURCES

Yesenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii. V 7 t. T. 1* [Complete Works. In 7 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 672 p.

Yesaining S.A.; Liu Zhanqiu, transl. *Yesaining shiqing shi xuan* [Selected Lyric Poems of Yesenin]. Chengdu, Sichuan Wenyi Chubanshe, 2015. 223 p.

Information About the Authors

Liudmila V. Kushnina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics, and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, lkushnina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Ekaterina A. Fomenko, Postgraduate Student, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia; Lecturer, China University of Petroleum (East China), Qingdao, China, pismo_4me@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6389-007X>

Информация об авторах

Людмила Вениаминовна Кушни́на, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия, lkushnina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Екатерина Александровна Фоменко, аспирант, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия; преподаватель, Китайский нефтяной университет (Восточный Китай), г. Циндао, Китай, pismo_4me@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6389-007X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.8>

UDC 81'33
LBC 81.1

Submitted: 28.04.2024
Accepted: 21.10.2024

THE ROLE OF CORPUS LINGUISTICS IN CONTEMPORARY LINGUISTICS RESEARCH AND TRANSLATION STUDIES¹

Pei Haitong

Heilongjiang University, Harbin, China

Abstract. The article presents a systematic review of research papers on corpus linguistics as an innovative direction in empirical linguistics. It reveals the theoretical and methodological foundations of the field, defines the specifics of corpus linguistics in comparison with computational linguistics, and highlights modern trends in corpus research as well as the advantages of employing textual corpus data in linguistic studies. It is noted that the corpus method and its resources are actively used in various linguistic researches into many world languages today; that language corpora are differentiated by volume, type, structure, content, purpose, etc. The article provides an overview of such corpora as the British National Corpus (BNC), the American National Corpus (ANC), the Corpus of Contemporary American English (COCA), the Russian National Corpus (RNC), and the Modern Chinese Language Corpus created in the Center for Chinese Linguistics at Beijing University, the Balanced Corpus of the Chinese Language. The specifics of parallel and comparative corpora are noted, including the Child Language Data Exchange System (CHILDES), the International Comparable Corpus (ICC), and the Corpus of English Wikipedia (CEW). The differences between parallel and comparative corpora are also outlined. Prospects for national corpora development lie in new research into almost every area of applied and theoretical linguistics, as well as in scrutiny and further development of translation theory and practice. The characteristics of monolingual, comparative, and parallel corpora are highlighted in the context of their role in linguistic research. It is mentioned that, in addition to parallel corpora, translators' tools also include monolingual corpora, which provide additional material on the subject of translation and enhance the translator's background knowledge.

Key words: applied linguistics, corpus linguistics, corpus, national corpus, parallel corpus, comparative corpus, corpus method.

Citation. Pei Haitong. The Role of Corpus Linguistics in Contemporary Linguistics Research and Translation Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 95-106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.8>

УДК 81'33
ББК 81.1

Дата поступления статьи: 28.04.2024
Дата принятия статьи: 21.10.2024

РОЛЬ КОРПУСНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ¹

Пэй Хайтун

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай

Аннотация. Статья представляет собой систематизированный обзор работ по корпусной лингвистике как инновационному направлению эмпирического языкознания. Раскрыты теоретико-методологические основы направления, определена специфика корпусной лингвистики по сравнению с компьютерной, обозначены современные направления корпусных исследований и преимущества привлечения данных текстового корпуса в языковедческих работах. Отмечено, что корпусный метод и его ресурсы сегодня активно используются в различных лингвистических исследованиях многих мировых языков; что языковые корпуса различаются по объему, типу, структуре, наполнению, назначению и др. В статье обзорно рассматриваются

такие корпуса, как Британский национальный корпус (The British National Corpus), Американский национальный корпус (The American National Corpus), Корпус современного американского английского языка (COCA), Национальный корпус русского языка, Корпус современного китайского языка (The Modern Chinese Language Corpus), созданный в Центре китайской лингвистики при Пекинском университете, Сбалансированный корпус китайского языка. Выявлена специфика параллельных и сравнительных корпусов, среди которых CHILDES – корпус детской речи, Международный сравнительный корпус (The International Comparable Corpus), Корпус англоязычной Википедии (Corpus of English Wikipedia), приводятся различия между параллельными и сравнительными корпусами. Установлено, что перспективы развития национальных корпусов связаны с новыми исследованиями практически в каждой области прикладной и теоретической лингвистики, с дальнейшей разработкой и углублением теории и практики перевода. Выделены особенности одноязычных, сравнительных и параллельных корпусов в контексте их роли в лингвистических исследованиях. Показано, что в инструментарий переводчика, помимо параллельных корпусов, входят и одноязычные, дающие дополнительный материал о предмете перевода и актуализирующие фоновые знания переводчика.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, корпус, национальный корпус, параллельный корпус, сравнительный корпус, корпусный метод.

Цитирование. Пэй Хайтун. Роль корпусного языкознания в современных лингвистических исследованиях и переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 95–106. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.8>

Introduction

The development and use of electronic text corpora at the present stage is one of the most promising areas in modern linguistics. Within the framework of this particular direction, it is possible to predict achievements both in the field of theoretical linguistics (gaining new knowledge about the structure of language) and in the field of applied linguistics (acquiring new generation technologies for automatic text processing and accelerated modernization of linguistic research methods). This is due to the fact that only an electronic corpus makes possible the collection of results in real time that require processing an array quantity of text that an ordinary researcher is not able to cope with. Obtaining the same data manually, e.g. by simply reviewing texts and writing down examples, can take a very long time.

The main goal of corpus linguistics is understanding the rules governing language as a whole, or a specific aspect of language, and allowing for every aspect of language to be studied. Furthermore, electronic corpora provide opportunities for the analysis of linguistic phenomena that are not easily accessible through traditional methods, such as rare or colloquial expressions, dialects, and spoken language.

In addition, an electronic text corpus not only makes it possible to speed up the process of language research and increase its efficiency, probability and verification, but it also helps to solve tasks that linguistics of previous eras did not even

raise because of their complexity or impracticability. These include, for example, various types of statistical and other quantitative studies of language, which were partially carried out in the pre-corpus era, but have been actively developing recently.

Corpus linguistics methods are used to track changes in the history of language. As a result, previously considered insoluble problems can now be more easily solved. Each language is in the process of stable but slow changes, the results of which for the most part become noticeable on a scale of several centuries. Understanding the mechanisms of such changes can provide new knowledge about the essence of natural language as a whole. However, research in this area will be most effective when using data from historical, or diachronic, corpora containing texts created over a long period of time, usually no less than five to seven centuries. The result of this diachronic expansion is the creation of general language corpora of various languages. Thus, national corpora of English (British and American variants), many Slavic languages (in particular, Russian, Polish, Czech, Croatian) and the like have already been created. Such corpora usually contain hundreds of millions of word usages or other linguistic units. For example, the Corpus of Historical American English (COHA) is a diachronic corpus that is often used for diachronic research on the English language. Corpus linguistics also provides tools for documenting endangered languages and creating resources that

can be successfully used in lexicography, and other areas of linguistics, such as translation, language teaching, etc.

Materials and methods

The research methods are description and comparative analysis with the aim of characterizing a number of national and parallel corpora and classification when identifying types of corpora. The descriptive method has been applied to identify the characteristics of national corpora, while the comparative method has been used to identify similarities and differences in approaches to compiling a particular national or parallel corpus. The source base of the article consists of a number of national corpora (English, American, Russian, Chinese), as well as parallel corpora (Russian-Chinese Corpus of NRU, Corpus of Russian-Chinese Translations).

Discussion

From the point of view of modern theoretical and descriptive linguistics, a corpus is not only a special tool for studying a language, but also a necessary component of its integral description. To the classic “dictionary-grammar” pair, conceptualised by F. de Saussure, modern science has added a third element – the corpus. In this case, a complete description of the language is understood as including the corpus and the dictionary and grammar built on its basis. Based on this, it is possible to talk about “corpus dictionaries” and “corpus grammars” of a new generation, created and verified in relation to a specific fixed corpus. The corpus-based nature of dictionaries and grammars increases their reliability and verifiability and avoids the subjectivity and incompleteness that can characterize traditional descriptions.

It is obvious that the use of electronic text corpora data is gradually becoming an inseparable component of linguistic theory and practice. This explains the relevance of questions about the specifics and prospects for using text corpora to solve a wide range of problems in various fields of linguistics, as well as in related sciences.

An analysis of recent studies and publications indicates a constant research interest in the problem of corpus linguistics and its

technologies. Scientists believe that the genesis of corpus linguistics is the awareness of an objective linguistic concept – “the dichotomy language – speech”. The concept according to which language and speech are considered different real objects that interact in the process of speech activity has won and continues to win more and more supporters. Based on this approach, language has only speech potential as well as various possibilities for discourse formation. At the same time, linguists consider the possibilities of discourse as a person’s adaptation to the surrounding linguistic situation. Some difficulties at the current stage of development of corpus linguistics are caused by the lack of a unified approach to the terms used in it.

Today we can already talk about a rather diverse scientific heritage of modern linguists on the problems of corpus linguistics. Critical understanding, systematization and popularization of these developments will contribute to the productive mastery of the capabilities of text corpora by the linguistic community.

At first glance, theoretical studies of corpus linguistics have less productive results compared to the successful analytical products obtained in applied research. But theoretical problems developed on the basis of text corpora make it possible to present new knowledge and facts about the structure of language in their results. Thus, scientists have repeatedly noted that many grammatical structures and phenomena are discovered only when working with text corpora, and the study of typological phenomena in linguistics, grammatical (syntactic) analysis along with lexical analysis, is the most common type of research for which corpora are used.

Upon the first inspection, the differences in the theoretical and applied directions of corpus linguistics should be significant and even opposite to each other. However, in reality this is not the case, since corpus linguistics is based on a certain understanding that language is a completely social phenomenon, it can be described by data based on experience, that is, on speech acts. Everyone who speaks and writes a language necessarily adapts to social circumstances. Therefore, the difference between these directions (theoretical, descriptive and applied) does not mean their isolation. Here we can talk about the triune

orientation of all corpus linguistics. Moreover, applied research itself always contains theoretical elements.

Consequently, corpus linguistics is at the intersection of theoretical and applied problems. We can say that theoretical research prepares solutions for practical problems and forms their basis.

In corpus linguistics the key concept is the corpus, and it is still defined differently by researchers. E. Finegan calls a corpus a representative collection of texts presented in a machine-readable format, including information about the situation in which the text was created (in particular, information about the author, addressee, audience) [Finegan, 2015]. T.E. McEnery, A. Hardie believe that a corpus is a collection of language fragments selected in accordance with clear language criteria for use as a language model [McEnery, Hardie, 2011]. In Russian corpus linguistics, one of the first to define a corpus was V.P. Zakharov, characterizing it as a large, electronically presented, structured and labeled, philologically representative array of linguistic data designed to solve certain linguistic problems [Zakharov, 2011].

The presence of quite diverse definitions of corpus concepts, however, shows that they do not contradict each other, but simply provide a more detailed, complete description of it. Thus, a linguistic corpus of texts can be understood as a large-volume, unified, structured, marked-up and philologically competent array of texts in natural language, presented in digital format, supplemented by a management system – universal software tools for searching and processing various linguistic information.

Technologies for building the corpus are generally uniform. The corpus is compiled on the basis of a large representative group of texts, processed in such a way that the language material is arranged according to the principle of concordance. When compiling a corpus, each text is labeled and divided into fragments, illustrated units and grouped into a selection of contexts. Unlike ordinary texts, characterized by a linear, horizontal organization, genre and style specificity, authorial individuality, structural and semantic integrity, and the presence of a specific communicative goal, the corpus does not have a general communicative goal (the communicative goal can be traced only at the level of one

sentence). The contexts in the corpus, presented in the concordance, certify the functioning of a speech unit in various styles and areas of use, giving a broad picture of real language practice. Thus, the use of a corpus approach provides the opportunity to study any linguistic units in various speech genres, and also allows us to determine the specifics of the use of these units in various types of discourse.

In essence, the corpus approach is a technique or set of techniques, rather than a theory for describing language. Most often, linguistic corpora are used in morphological, lexicological and syntactic studies. Corpus databases allow searching and statistically counting the use of given roots, affixes and inflections, thereby studying ways to create a linguistic unit. Linguistic corpora make it possible to obtain data on specific word forms and entire grammatical categories. For example, linguists are conducting a systematic-structural study of verb morphology based on the corpus (N.V. Buntman, A.S. Borisova, Yu.A. Darovskikh, Yu.A. Sukhorukova, and others).

Linguistic corpora provide material for studying the frequency of language units in general, as well as in their immediate functioning in texts of various styles. For instance, on the base of Longman Spoken and Written English Corpus (LSWE), American linguist Douglas Biber identified the 12 most common verbs in the English language: *say, get, go, know, think, see, make, come, take, want, give, and mean* [Biber, 2001, p. 104].

The corpus-based approach is also actively applied to research the specifics of the structure and usage of various types of grammatical constructions. Research on the verbal category of aspectuality is well-known. For example, D. Biber notes that the simple form of the verb in English is used 20 times more often than the progressive or continuous form; however, there are several verbs that primarily occur in the continuous form, namely: *bleeding, chasing, shopping, starving, joking, kidding, and moaning* [Biber, 2001, p. 106].

The methodology of corpus studies is also applied to discourse analysis. The foundation for this approach was laid by J. Sinclair and theoretically justified by P. Baker [Baker, 2006]. The practical application of corpus linguistics

methods for analyzing discursive phenomena can be noted, for example, in the work of E. Semino and M. Short, which is dedicated to ways of representing speech and thought in English texts [Semino, Short, 2004].

The main condition for a corpus to become a useful tool is its relevance to the research problem. Moreover, it should have a maximum deep markup and extensive annotation, to provide the researcher or translator with all the necessary data to achieve the set goals. Depending on the targets set by the research, corpora can be built based on the following indicators and parameters, including, but not limited to: corpora of complete texts or fragments; research corpora: illustrative or interpretive; written, spoken, or mixed corpora; monolingual or multilingual corpora; synchronous or diachronic corpora; static or dynamic corpora; balanced or monitoring corpora; parallel or comparative corpora; small, medium, or large corpora, etc.

Descriptions of some versions of monolingual and multilingual corpora, parallel and comparative corpora are presented in the following parts of the article.

Typically, the corpus analysis procedure involves three main steps: identification of language data using categorical analysis, correlation of language data using statistical methods, and intelligent interpretation of the results. Since corpus research is based primarily on an empirical approach to the analysis of speech material, this makes it possible to achieve maximum objectivity in language learning, making the subjective views of the researcher impossible. They provide a unique language learning tool, thanks to which you can search in large bodies of text, obtain data on linguistic units and phenomena at various language levels (phonetic, morphological, lexical-semantic and syntactic), examine the frequency of word forms, lexemes, grammatical categories, syntactic constructions, identify atypical grammatical phenomena and constructions, establish the immediate lexical and grammatical environment of the word, with the help of which you can analyze the use of the word in all its characteristic collocations, colligations and syntaxes.

The principles of annotation are uniform for different corpora and represent a specific algorithm, which is described below within the review of corpora and their characteristics.

Primary automatic markup of text for further processing within the corpus involves the following basic operations: text segmentation (definition of paragraphs and sentences), tokenization, morphological analysis: lemmatization and determination of grammatical categories. Tokenization refers to the process of segmenting text, which is a sequence of characters such as letters, spaces, punctuation marks and numbers, into words and phrases [Teodorescu, 2017, p. 5].

The task of tokenization is to separate words from syntactic signs, numbers, complexes of letters and numbers, internet addresses, nicknames, signs, etc. At the same time, the creation of a perfect algorithm for machine identification and delimitation of tokens is an unresolved issue due to the presence in the texts of a large number of units and combinations, the unambiguous automatic classification of which is impossible at this stage, for example: multi-word tokens; names containing signs; numbers containing spaces; the presence in the text of a period that is not a sign of the end of a sentence (direct speech, abbreviations), punctuation marks containing more than one character (for example, three dots), etc. At the present stage, these and many other cases cannot be classified automatically, such procedures are performed automatically. Solving these issues will make it possible to achieve an appropriate level of primary automatic processing of text material and subsequent high-quality recognition of the meaning of individual units and the entire text within a certain corpus.

The use of a text corpus provides the opportunity to simultaneously process a large amount of textual information selected according to certain criteria. Thus, the user can analyze language material according to the following criteria: chronological parameters (time of creation of the text, time of translation), frequency of use of each translation option in texts of different genres, etc. It is clear that the effectiveness of using the corpus when translating any language units directly depends on the representativeness of the corpus itself.

Research in recent years has led to the development of numerous algorithms and approaches for creating computer dictionaries (V.M. Andryushchenko, L.N. Belyaeva,

A.S. Herd, I.I. Ubin, and others). However, some features and characteristics of language units still cannot be formalized due to lexical and grammatical polysemy, extralinguistic specifics of individual units and entire texts, as well as the ongoing development and variability of language. Because of this issue, the development of universal algorithms and standards, as well as the creation of perfect text corpora, remains relevant and requires further study and exploration of solutions.

Results

From general statements, we will turn to several characteristics of monolingual corpora of three languages: English, Russian, and Chinese, that are viewed as a tool for representing linguistic material with the aim of highlighting the specific features of their structure, then we are planning to state functional values of comparative and parallel corpora as significant tools for translators.

Monolingual corpora as a tool for processing speech material

The long history of the development of the corpus approach to the systematization of linguistic units in Europe and the United States of America has ensured the emergence and rapid development of English language corpora. Today, the most representative and authoritative corpora of the English language are the British National Corpus (BNC) and the American National Corpus (ANC).

One of the best-known and most representative corpora of modern English (its British version) is the British National Corpus. Its main characteristics are easy and understandable access, the presence of a large collection of texts of different genres and a well-developed annotation, which together make it a convenient research tool and a source of reliable linguistic information.

The corpus usage is convenient. When users enter the site, they get access to a window with four main functions: SEARCH/SEARCH, FREQUENCY/FREQUENCY, CONTEXT/CONTEXT (left and right combination of a lexical item with different levels of depth) and OVERVIEW/GENERAL INFORMATION.

The search enables five options: List/list, Chart/diagram, Collocates/collocations, Compare/compare, KWIC (Keyword in Context)/keyword in context. These parameters are associated with a specific display of data on the screen, depending on the criteria that interest the user. The List function allows you to search for contexts with individual words.

Using this function, you can get a list of text fragments with the word you are searching for. You can also obtain data on the frequency of use of a unit, and the Chart function provides information about the overall frequency for a specific genre of the corpus. The results can be presented in tables with horizontal or vertical orientation.

Collocates function allows you to search for a language unit with a given combination to the left and/or right of the unit being analyzed and provides results sorted by the amount of use of each unit.

When using the Compare function, you can obtain information about the functioning of the two units being compared, indicating the frequency of use for each unit compared.

KWIC function (Keyword in Context) allows contexts of varying depth to be tabulated by specifying the number of units to the left and to the right of the unit of interest.

In addition to these features, the British National Corpus provides the ability to create custom, personalized virtual corpora.

The Corpus of Contemporary American English (COCA) is the largest existing corpus of American English today. It currently contains one billion words and is freely available for use. Every year (since 1990) it is expanded by 20 million words, and the number of texts already exceeds 160 thousand.

This corpus provides three main ways to search for language units:

1) perform a search on a single word, obtaining results by collocations, topics, clusters, websites, concordances and related words for each individual unit;

2) performing a search by phrases and strings;

3) view the frequency list among the most frequent 60,000 words.

This search allows you to drill down by word form, part of speech, range of 60,000 words, and

even pronunciation. According to the compilers, such tools are especially useful for those who study and teach languages.

The corpus also allows for comparisons between genres and years of creation of the corpora. Thanks to the powerful speed of operations and the large volume of corpus data, search results are characterized by a high degree of objectivity and reliability.

Another representative corpus of modern English in its American version is the American National Corpus (ANC). This corpus is characterized by the presence of modern (since 1990) texts of all genres and transcripts of oral speech. It is also completely open for use. Today, the second version of this corpus is available for use, which contains 22 million words of written and spoken American English, which are annotated by lemmas, parts of language, noun inflections and verb conjugations. Moreover, 500,000 words of this corpus are manually annotated.

The National Corpus of the Russian Language is a large, balanced electronic corpus, the core of which consists of Russian-language texts, and includes a parallel corpus made up of a multilingual component. Unlike English-language corpora, there is only one national corpus for the Russian language, but its structure integrates several different subdivisions.

The text content of the NCRL includes main corpus, syntactic corpus, newspaper, parallel (official business, legal, legal blocks), dialect, poetic, oral, accentological, multimedia, educational, historical corpus, as well as Russian classics, panchronic, social networks and from 2 to 15.

A direct search in the NCRL allows for precise sampling. A more complex and specialized lexical and grammatical search in the corpus is carried out at grammatical, semantic and additional (in particular, punctuation marks) levels. You can search for several words with the ability to set the distance between them. Creating your own subcorpus involves narrowing the metatext features (author and title of the text, time of creation of the text, genre characteristics, etc.).

Word-formation markup in NCRL is considered in two versions, the first of which is implementation as part of semantic markup; determination of the parameters of word-formation markup in this case is carried out by selecting the “semantic features” window in the

“lexico-grammatical search” form and then by selecting the parameters of the “word formation” group available in this window. In this type of markup, the set of word-formation parameters corresponds to the following types of characteristics: morphological-semantic word-formation features; word-creating digit; lexico-semantic (taxonomic) type that creates words; usual morphological type of word formation [Tagabileva, 2010]. This version of word-formation markup is available only in semantically marked NCRL corpora: main, newspaper, parallel, poetic, oral, accentological, multimedia.

Options providing parallel multilingual NCRL corpora are: WebCorp, Word Filter, IntelliText. WebCorp works on the selected information retrieval system, processing a list of URLs, selecting concordance strings from the pages found for the query. Using the operator, you can perform a simultaneous search for several words. Square brackets are used to group query elements.

The Word Filter option allows you to attach additional words that should or should not appear in the concordance lines stored for a search query. In the “Site” field, you can define the search area through a set of domain zones or URL fragments. You can also specify domains that should not be included in the search results by writing them with a minus sign.

WebCorp has results processing functions. When the search is completed, the results page provides the ability to analyze the collocations of the search term, that is, the words that appear most often in its surroundings. It is also possible to group collocations alphabetically and according to time characteristics. There are two options for sorting by time: you can select a time period from the drop-down menu. The IntelliText function has a special function called Affixes that allows you to search for prefixes or suffixes. If it is necessary to find a prefixoid, then a prefix search is used.

Characterizing the NCRL, A. Mustajoki states that the National Corpus is characterized by a balanced composition of texts [Mustajoki, 2007, p. 158]. This means that the corpus contains, as far as possible, all types of written and oral texts represented in a given language (works of fiction of different genres, newspaper and magazine articles of various subjects, advertising, special texts, diaries, correspondence), and that all these texts are included in the corpus if possible,

in proportion to their share in the language of the corresponding period.

The compilers of the NCRL differentiate the texts of the corpus as follows: modern literary prose of various genres and directions, modern drama, memoirs and biographical literature, magazine journalism and literary criticism, newspaper journalism and news, scientific, popular science and educational texts, religious and religious-philosophical texts, production and technical texts, official business and legal texts, everyday texts (including texts not intended for publication: personal correspondence, diaries, etc.). At the same time, the NCRL texts are presented in a certain proportion, reflecting their share in the total body of modern texts. In general, the corpus data are representative of written texts, including transcripts of oral speech, related only to institutional communication, to public genres of oral official communication. Oral communication is included in the NCRL as an independent subcorpus.

In NCRL, measures of stability of collocations, the absolute frequency of occurrences, and the number of documents in which the unit occurred are calculated. The typology of the proposed markup includes lemmatization, parts of speech, grammatical markup, markup of additional parameters (presence of punctuation, capitalization). The user receives a preliminary analysis of the output of the corpus (clustering of contexts), an assessment of the stability of collocations, an assessment of the probability of the appearance of language units (lemmas, parts of speech, forms of a certain case) in the nearest context. The functionality includes sorting by statistical measures, uploading data online and going to the NCRL (providing examples that meet the selected criteria). The resource ensures the development of quantitative corpus research and becomes the basis for fundamental research in the field of Russian grammar. Modern research in the field of Russian linguistics assumes a wide application of corpus-based databases. For example, contemporary linguists use them to study various lexical groups [Chesnokova, Manshin, 2018], with the aim of conducting linguistic expertise [Kotov, Mineeva, 2013], in linguistic didactics [Kornienko, 2023] and others.

Among the Chinese corpora, we note the Modern Chinese Language Corpus of the Center

for Chinese Linguistics at Peking University, which became the first corpus in the country. The search in it is based on the actual distance between characters/syllables, which allows you to build a concordance. As noted by E.N. Kolpachkova, this corpus is essentially more of a “text archive” than a language corpus itself, since it has only meta-markup, and lacks such mandatory features of a corpus as morphological and syntactic markup [Kolpachkova, 2019].

Compared to other national Chinese language corpora, the Corpus of Contemporary Chinese at Peking University has several advantages. These advantages include its larger scale, longer period of corpus collection, and more detailed classification and search functions. At the same time, the corpus has a high degree of reliability and can provide more accurate and comprehensive linguistic data for language research, dictionary compilation, language teaching, and other purposes. However, the Corpus of Contemporary Chinese at Peking University also has some drawbacks. For example, the speed of updating its corpus may not be fast enough to reflect recent changes in the language. Additionally, using the corpus requires certain technical and professional knowledge, which may not be convenient for all users [Yu Shiwen et al., 2002].

The General Balanced Corpus of Contemporary Chinese Language by the State Language Commission of China contains two subcorpora, about 13 million words of modern Chinese and about 100 million characters of the corpus of ancient texts. The corpus has part-sentence markings, including an indication of the part of speech and its grammatical categories. Only the subcorpus of modern Chinese is marked up; the subcorpus of ancient texts does not contain markup.

The timespan of the covered by corpus ranges from 1919 to 2002. It contains approximately 40 subcategories across three main categories: humanities and social sciences, natural sciences, and general education. The annotated corpus is a subset of the overall Chinese Language Corpus of the National Language Committee of the People’s Republic of China².

Compared to other corpora, the advantages of the General Balanced Corpus of Contemporary Chinese Language by the State Language Commission of the PRC are:

1. Large scale: The corpus has a total size of 100 million words, making it one of the largest modern Chinese corpora in China.

2. Long-term coverage: The corpus covers the period from 1919 to 2002, which characterizes the development process of modern Chinese language.

3. Optimal balance: The annotated corpus is a balanced selection based on previously developed principles for material selection, segmented by words and part-of-speech tagging to ensure balance and representativeness of the corpus.

4. Wide application: This corpus is widely used in areas, such as processing modern Chinese language and written information; formulating language and writing norms and standards; academic research on language and writing; teaching the Chinese language; social application of written and spoken Chinese.

The drawbacks of the General Balanced Corpus of Contemporary Chinese Language by the State Language Commission of China at this stage include:

1. Potential issues with data quality: some parameters may be inaccurate or contain noise.

2. Limited by subjective factors in construction, some specific linguistic phenomena may be incomplete or lack objectivity.

3. Some data may become outdated or irrelevant over time [Yang Erhong].

These are not the only variants of the Chinese language corpus, but these are the largest of them.

The national corpora mentioned above differ in volume, text composition, historical periods covered, and the presence of predominantly modern texts (British corpus) or both modern texts and those from earlier periods (Russian, Chinese). What unites the national corpora of the languages presented is their accessibility (they are freely available) and the widespread use of corpus databases.

Comparative and parallel corpora in comparative linguistic studies

It is important to note that both comparative and parallel corpora are composed to enhance translation activities, though they differ from one another in their functionality.

A comparative corpus of texts contains units selected with a specific requirement: identical samples of texts from the same genres should be associated within the same communicative spheres of the studied languages and over the same time period. What unites them is some common content that is presented in different languages which is useful for conducting contrastive and translation studies.

The texts included in the comparative corpora are not translations of the same text (unlike parallel corpora), though they belong to the same field and share the same metadata (such as year of writing, publication, author's name, publisher, etc.). It should be noted that, to date, the criteria for determining the similarity of texts are not clearly defined, but the purpose of this type of corpus is to compare languages or linguistic units functioning in similar authentic contexts and textual works, without the changes and transformations that appear in translated texts contained in parallel corpora. Such corpora are collections or catalogs of links to monolingual corpora that are not physically connected to each other.

An example of a comparative corpus is the corpus of children's speech (CHILDES). It contains transcripts of children's speech productions, most of which are spontaneous communicative events. The texts have been produced by mono- and bilingual children, brothers and sisters, children with various speech defects etc. To date, this corpus includes texts in 24 languages. This corpus can be used as a method of collecting material for studying the features of child language, which can be applied later in Linguistic didactics.

In 2014, the work of the Corpus of English-language Wikipedia (CEW) was initiated; it is based on collection of texts from the open online encyclopedia Wikipedia. The corpus contains 1.9 billion words in over 4.4 million articles that have undergone lemmatization procedures for morphological analysis. This corpus offers several options:

– word sketch – to determine the grammatical connections of English collocations;
– thesaurus – for selecting synonyms for each word;

– word lists – for compiling lists of the frequency of English nouns, verbs, adjectives, etc.;

– n-grams – for compiling frequency lists of multi-word complexes;

– concordance – for selecting examples in contexts.

Thus, comparative corpora are valuable sources for searching cross-linguistic information and translation theory and practice. The texts that are included in such corpora make it possible to check the frequency and compatibility, to state shades of meaning and distributional environment of linguistic units in authentic contexts, taking into account their situational characteristics.

Different functional options are connected with the parallel corpus. The structure of the corpus of parallel texts differs significantly from monolingual corpora. It contains the original text and its translation(s) into other language(s). In this case, the texts are segmented and aligned by paragraphs and/or sentences, that is, each paragraph and/or sentence of the original corresponds to a sentence and/or paragraph of the translation.

The base of the corpus of parallel texts must be compiled and organized in such a way as to provide direct user access to two (several) sub-corpora simultaneously, that is, the system must simultaneously display ordered units of the source text and their translation equivalents, aligned by paragraphs and sentences and formatted in accordance with linguistic and extraverbal information used by the compilers, such as part-speech affiliation, type of grammatical form, syntactic function, type of connection in a phrase, and the like. Creating parallel corpora requires special software that allows you to align paragraphs/sentences of original texts with their translated versions into other languages. According to A.N. Baranov, the most effective technologies here should be machine translation systems with their universal language, which would be an intermediary language [Baranov, 2001]. However, such a universal language has not yet been created.

Data from parallel corpora can be used in translation lexicography, comparative lexical and grammatical works, while studying the theory and practice of translation, language teaching, as well as for the development of machine translation systems.

From the perspective of theoretical translation studies, researchers are interested in the use of corpora to study translation processes and understand the cognitive essence of the translator's

activity; that is, their attention is focused on analytical work with existing corpora. From a practical standpoint, there are many more questions, primarily concerning the effective use of existing corpora to create new high-quality texts and corpora. Among the main possible directions for using a parallel text corpus, translators identify the following: checking whether a certain form is used in the target language; ensuring that such a form is used in specific contexts, whether linguistic or social; verifying in which phrases and contexts such a form is used [Piotrowski, 2008, p. 118]. That is, a parallel text corpus provides the translator with a tool for quick analysis of a linguistic unit and its translation options by utilizing a large amount of textual and extralinguistic information while simultaneously immersing in the context.

Thus, using a parallel text corpus allows the translator to understand how a word or construction should be correctly translated in a specific context, which often differs from the content and options provided by traditional dictionaries. It is clear that the translator's task is not merely to find an analogue or a word equivalent in the dictionary, or to work with each individual word, but to analyze the entire text as a whole, checking the viability of each specific translation option in a given context. As McEnery states, the parallel corpus must show "how an idea formulated in one language is conveyed in another" [McEnery, 2012, p. 22]. Words devoid of contextual encirclement hold no value for the translator. A parallel text corpus helps establish such equivalents that will function organically in the new translation text alongside the authentic text, taking into account existing contexts and options, and provides the translator with the opportunity to track and consider the subtle nuances of meaning and usage of each text unit. A good example may be the Russian-Chinese corpus of the National Corpus of Russian Language (NCRL), created in 2016. At the moment it contains more than 3.5 million words of more than 1000 texts, the bulk of which are works of art by Russian and Chinese authors of the 19th – 21st centuries, news and official business texts. In addition to Russian and Chinese, the corpus website is available in English. It has grammatical markings and a convenient search system. In turn, a Corpus of Russian-Chinese translations is being developed in China.

Conclusion

The high potential of parallel text corpora for translation activities does not diminish the role of monolingual corpora as a tool for translators. It is monolingual corpora that provide the translator with additional information about the subject of translation, aid in the improvement of their understanding, and update the translator's background knowledge. Such corpora are also important and serve as a source for clarifying the meanings of non-standard expressions, technical terms, occasionalisms, newly borrowed words, and for grasping the subtle stylistic and emotionally expressive nuances, and so on. Opposing it stays the corpus of parallel texts that enables search for identity patterns in translation of a certain language unit by means of another language, with the subsequent application of the following patterns to new translation units, clarification and enrichment of the register of translation equivalents in bilingual dictionaries. Quite other functionality characterizes a comparative corpus of texts which contains word structures being identical samples of texts associated with the identical communicative spheres and genres; the textual content is characterized by as information presented in different languages. Any of the three types of corpora are useful tools for translation theory and practice.

NOTES

¹ The article is written as part of a grant in the field of philosophy and social sciences from Heilongjiang Province for the year 2024, project number 24YYC006, titled "Comparative Study of the Worldviews of the Chinese and Russian Peoples within the Framework of Cognitive Linguistics."

² "National Languages Committee" likely refers to a government agency responsible for language affairs in China, and "State Language Commission" also refers to a government agency responsible for language affairs in China.

REFERENCES

- Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, Continuum, 2006. 208 p.
- Baranov A.N., 2001. *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 360 p.
- Biber D., 2001. Using Corpus-Based Methods to Investigate Grammar and Use: Some Case Studies on the Use of Verbs in English. *Corpus Linguistics in North America*, 2001, pp. 101-115.
- Chesnokova I.D., Manshin M.E., 2018. Natsionalnyy korpus russkogo yazyka kak osnovnoy instrument poiska pri lingvisticheskikh issledovaniyakh (na primere poiska antonimov v publicisticheskikh tekstakh) [National Corpus of the Russian Language as the Main Search Tool in Linguistic Research (Based on the Search for Antonyms in Journalistic Texts)]. *Izvestiya VGPU* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 5 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-korpus-russkogo-yazyka-kak-osnovnoy-instrument-poiska-pri-lingvisticheskikh-issledovaniyakh-na-primere-poiska-antonimov-v>
- Finegan E., 2015. *Language: Its Structure and Use*. Stamford, CT, Cengage Learning. 575 p.
- Kolpachkova E.N., 2019. *Korpusy kitayskogo yazyka: sovremennoe sostoyanie i osnovnye problemy* [Chinese Language Corpora: An Overview and Major Problems]. URL: https://orient.spbu.ru/images/document/2019/Kolpachkova_Chinese_Corpus_overview.pdf
- Kornienko A.V., 2023. Natsionalnyy korpus russkogo yazyka kak istochnikovaya baza sotsiogumanitarnykh issledovaniy [National Corpus of the Russian Language as a Source Base for Social and Humanitarian Research]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today], no. 21, pp. 58-71. DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.8sqp-bb68
- Kotov A.A., Mineeva Z.I., 2013. Ispolzovanie natsionalnogo korpusa russkogo yazyka pri provedenii lingvisticheskoy ekspertizy [Use of Russian National Corpus in Linguistic Examination]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 8 (26): in 2 parts. Pt. 2, pp. 99-103.
- McEnery T., Hardie A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 312 p.
- McEnery T., Hardie A., 2012. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 294 p.
- Mustajoki A., 2007. Rol korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh yazykov [Role of Corpora in Linguistic Research and Language Teaching]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka i problemy gumanitarnogo obrazovaniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [National Corpus of the Russian Language and the Problems of Humanitarian Education. Proceedings of the International Scientific

- Conference]. Moscow, Nats. issled. un-t «Vyssh. shk. ekonomiki», pp. 152-166.
- Piotrowski T., 2008. The Translator and Polish-English Corpora. *Incorporating Corpora. The Linguist and the Translator*. Clevedon, Multilingual Matters Ltd., pp. 117-132.
- Semino E., Short M., 2004. *Corpus Stylistics: Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing*. London, New York, Routledge. 272 p.
- Tagabileva M.G., 2010. Word Formation Markup of the National Corpus of the Russian Language: Tasks and Methods. *Conference Dialogue 2010*. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/73.pdf>
- Teodorescu M.H., 2017. *Machine Learning Methods for Strategy Research*. HBS Working Paper, no. 18-011. August 2017. (Revised October 2017). 61 p.
- Yang Erhong National Language Commission Modern Chinese Language Corpus. *Encyclopedia of China (Third Edition)*. Beijing. URL: https://www.zgbk.com/ecph/words?ID=393640&SiteID=1&Type=bkzyb&webview_progress_bar=1&show_loading=
- Yu Shiwen et al., 2002. Basic Processing Norms of the Beijing University Modern Chinese Language Corpus. *Journal of Chinese Information Science*, vol. 16, iss. 5, pp. 51-56.
- Zakharov V.P., 2011. *Korpusnaya lingvistika: ucheb.-metod. posobie* [Corpus Linguistics. Tutorial]. Irkutsk. 161 p.

SOURCES

- CHILDES*. URL: <https://www.sketchengine.eu/childes-corpora/>
- Corpus of English Wikipedia*. URL: <https://www.sketchengine.eu/english-wikipedia-corpora/>
- National Corpus of the Russian Language*. URL: <https://ruscorpora.ru/?ysclid=lxhsi6qgi7535286247>
- The American National Corpus*. URL: <https://anc.org/>
- The British National Corpus*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
- The International Comparable Corpus*. URL: <https://www.researchgate.net/project/International-Comparable-Corpus-ICC>

Information About the Author

Pei Haitong, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Senior Courses, Heilongjiang University, Harbin, China, peihaitong@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5031-6586>

Информация об авторе

Пэй Хайтун, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой старших курсов, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай, peihaitong@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5031-6586>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.9>

UDC 811.111'37
LBC 81.432.1-315.5

Submitted: 21.07.2024
Accepted: 23.12.2024

SENSORICS OF THE CATEGORY OF PHYSIOLOGICAL AND MENTAL DEVIATIONS IN ENGLISH DROLLS¹

Alexander S. Ptashkin

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Abstract. The paper deals with sensory means of the expression within the semantic fields of the category of physiological and mental deviations in English old drolls. The source of material is folklore texts by T. Blount, W.C. Hazlitt, E.S. Hartland, G. Stephens, T. Sternerg, T. Wright, Ch. S. Burne, J. Jacobs. The semantic and contextual analyses of the sensory lexemes, collocations, phraseological units representing the semantic fields that form the category under study were considered as the main research methods. The semantic analysis showed that linguosensory lexical units in the folklore texts actualize different areas of semantic fields that reflect social views about physiological and mental deviations. It has been defined that the structure of such fields implies a core, consisting of lexical units of a neutral-bookish style, the near periphery, including the lexis of informal style with further differentiation, and the interpretative field. The distant periphery in the structure of these fields was not formed. The semantic features of the category of physiological and mental deviations defined in the boundaries of the contextual analysis is comprise into the semantic field of the dicteme as a result of the contextual analysis of lexical units. The material and findings of the study can be used to pursue the contrastive and comparative analyses of perceptual linguistic means in the boundaries of cognitive linguistics, linguosensorics.

Key words: category, deviation, droll, dicteme, lexeme, collocation.

Citation. Ptashkin A.S. Sensorics of the Category of Physiological and Mental Deviations in English Drolls. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 107-116. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.9>

УДК 811.111'37
ББК 81.432.1-315.5

Дата поступления статьи: 21.07.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

СЕНСОРИКА КАТЕГОРИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕНТАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИЙ В АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ ШУТКАХ¹

Александр Сергеевич Пташкин

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются лингвосенсорные средства выражения семантических полей категории физиологических и ментальных девиаций в староанглийских народных шутках. Источником материала послужили фольклорные тексты Т. Блаунта, В.К. Хазлитта, Е.С. Хартланда, Дж. Стефенса, Т. Стернберга, Т. Райта, Ч.С. Берна, Дж. Джейкобса. В качестве основных методов исследования избраны концептуальный и контекстуальный анализ сенсорных лексем, словосочетаний, фразеологизмов, репрезентирующих семантические поля, которые формируют исследуемую категорию. Концептуальный анализ позволил выявить, что в фольклорных текстах использованы лингвосенсорные единицы, актуализирующие разные области семантических полей, которые отражают представления социума о физиологических и ментальных девиациях. Установлено, что структура таких полей включает ядро, состоящее из лексических единиц нейтрально-книжного стиля, ближнюю периферию, состоящую из неформальной лексики, и интерпретационную часть. Дальняя периферия в структуре этих полей не сформирована. В результате контекстуального анализа языковых единиц семантические признаки категории физиологических и ментальных девиаций включены в семантическое поле диктемы. Материал и выводы исследования могут быть

применены в ходе проведения контрастивного и сравнительного анализа лингвосенсорных средств в когнитивной лингвистике и лингвосенсорике.

Ключевые слова: категория, девиация, народная шутка, диктема, лексема, словосочетание.

Цитирование. Пташкин А. С. Сенсорика категории физиологической и ментальной девиаций в английских народных шутках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 107–116. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.9>

Introduction

Nowadays the linguistic world-image is being considered and studied as the system of mental units: basic and subordinate categories, categories of higher abstraction, etc. [Petrochenko, Ptashkin, Andreeva, 2014; Dancygier, 2017]. The interpretation of categories is based on the principle of ontologism [Bondarko, 2013]. Categories are described on the basis of lexis acquired during one's life [Cohen, Lefebvre, 2017]. They are depicted in personal linguistic world-image and are influenced by society and culture [Janda, 2018]. These are lexemes, collocations, phraseological units revealed in definite contexts, referring to a certain semantic field/category [Wang, 2020]. Even headings and the whole text can refer to a definite category [Allwood, Gardenfors, 1999].

The category of deviation presupposes the existence of physiological and mental components from the anthropocentric point of view, where the mental one prevails [Petrochenko, Ptashkin, Andreeva, 2014]. This semantic category is represented as the polycentric semantic field with its core and peripheries. The core of the mental component includes lexical units of neutral bookish style denoting: *non-development of mental abilities; mental illness; genius*. The core of the physiological component implies lexical units of neutral bookish style denoting *traumas and acquired diseases and inborn pathologies*. Both components also include *medical terms* with reference to brain and body pathologies. The peripheries of both components are represented by informal lexis and euphemisms that can also characterize other mental units [Croft, Cruse, 2004].

The semantic field of the category of physiological and mental deviations and categories that are connected with this phenomenon include sensory means of their expression with visual, auditory, tactile, olfactory, gustatory signals, which were considered in accordance with the principles of classification of perceptual lexis in the

boundaries of linguosensorics offered by V.K. Kharchenko [2012]. A.V. Nagornaya added outer, inner, kinaesthetic sensations to this classification [Nagornaya, 2017]. The relevance of the work is to define approaches to the analysis of the sensory means of expression within the semantic field of the category of physiological and mental deviations in English old drolls. The perception of physiological and mental deviations, depicted in the linguistic world-image of folklorists, is of significant interest. The category of physiological and mental deviations in English old drolls is considered in the framework of semantic analysis. The terms *semantic space* and *semantic field* are used as synonyms. The aim of the work is to define sensory means of expressing the semantic field of the category of physiological and mental deviations in English old drolls. Thus, the main task here is to reveal the semantic field of the above-mentioned category and consider linguosensory means of expressing this mental unit in English old drolls with the support of semantic and contextual methods.

Material and methods

The methods of semantic and contextual analyses enabled defining structural characteristics of the category of physiological and mental deviations with the focus on sensory means of its expression in English old drolls. These methods help to reveal the interconnection between the category of deviation and other mental units located in the old drolls as folk categories that are expressed by lexemes, collocations, phraseological units with sensory signals. We also use the dictemic theory of the text in the semantic analysis of the category of physiological and mental deviations for the first time. The semantic features of the deviation category, like any other mental unit, are part of the picture, representing, according to Bloch, a semantic space with a set of meanings revealed in a certain context [Blokh, Kashtanova, 2011, p. 17]. The category of deviation is also analyzed from the standpoint of the dictemic theory of the

text, where propositions are formed into discourses; they are dictemes at the level of the text [Asratyan, 2020]. Most of the texts in the old drolls under study are monologues, each of the paragraphs is considered as a dicteme, taking into account the ideas of the dictemic theory of language. Such dicteme is sensory due to propositions that include perceptual linguistic units [Ptashkin, 2024].

The semantic analysis of these lexical units with sensory signals presupposes the limited number of stages due to the specific nature of the folklore texts. Following the task of defining semantic fields that shape the category of physiological and mental deviations, the semantic analysis revealed sensory lexical units, which may be referred to the semantic field under study. The contextual analysis of English old drolls resulted in setting the list of sensory lexes that represent the core and the peripheries of the semantic field of the category of deviation. The analysis of lexical entries was carried out to refine the meanings identified in the contexts.

Results and discussion

The titles of English old drolls, as well as other folklore texts, are considered as the dictemic name of the text. English jokes and humoresques, despite the brevity of the form, often require a detailed study of the macro-text in order to understand the conceptual and content plan of the title and the features of the formation of an individual, linguistic world-image of the author-compiler of folklore texts. Titles often indicate physiological and mental deviations. For instance, Edwin Hartland represents such headlines as *The Wise Fools of Gotham*, *Stupid's Mistaken Cries*, *The Three Sillies*, *The History of Tom Thumb* in his edition (Hartland, 1906). Most of the presented lexical units in the headlines for the old drolls indicate a *non-development of mental abilities* (*fool*, *stupid*, *silly*) or *inborn pathologies* in physiology (*thumb*). An exception is the title to the story *The Wise Fools of Gotham*, indicating the ingenuity of the inhabitants in the settlement of Gotham, who pretended to be mad to scare away the courtiers of King John. They were very afraid that the road along which the king would pass might become public, so they blocked the path to pastures.

The revealed headings present the perceptual lexis of vision – *The Three Sillies*, and hearing – *Stupid's Mistaken Cries*. These lexical units are perceptual means of expressing the category of mental deviations in English old drolls. The heading of the story *The History of Tom Thumb* includes the vocabulary of vision – *thumb*. The semantics of the lexeme *thumb* indicates a form of physiological deviation – lacking in physical size. It refers to the semantic field *inborn pathologies* within the boundaries of the category of physiological deviations.

Residents defend their own territory, exposing themselves as crazy in the comic story *The Wise Fools of Gotham*, originally derived from the work by T. Blount, later supplemented by W.C. Hazlitt – *Tenures of land & customs of manors* (Blount, Hazlitt, 1874). When the king's emissaries arrive in Gotham to find out why the settlers did not let the head of state into the pastures, they observe a strange situation. Some villagers are busy drowning an eel in a puddle, others are dragging carts up to the roof of a large barn to shade the forest from the sun, etc. In this case, a number of linguistic means indicate the “temporary madness” of the characters with reference to the semantic field *non-development of mental abilities*:

(1) ...Drown an eel... drag carts upon a large barn/ draw up on high... shade the wood from the sun/keep a wood from browning... tumble their cheeses down a bill/shove down the hill... hedge in a cuckoo which had perched upon an old bush/a cuckoo sitting still, while it they hedged round... thither go... see the cuckoo bush... For such are seen both here and there... (Blount, Hazlitt, 1874, p. 133).

The collocations *drown an eel*, *hedge in a cuckoo which had perched upon an old bush* *u a cuckoo sitting still, while it they hedged round* can also be referred to the perceptual lexis of hearing: *drown*, *hedge in*, *a cuckoo*, *perch upon*, *sit still*, *hedge round*.

The text also provides an example of a dicteme with a sensory shift from a visual signal to an auditory one, indicating the mental deviation (*non-development of mental abilities*) of anyone who sees logic in the actions of the inhabitants of Gotham:

(2) ... And passed by without a sneer... By all but errant fools (Blount, Hazlitt, 1874, p. 133),

where the phrase *errant fool* actualizes the meaning of “true fool” and refers to *non-development of mental abilities*.

The following part of the dicteme is about drinking bouts, during which the story of the madmen from the village of Gotham is recalled:

(3) ...In drunken circles crowned (Blount, Hazlitt, 1874, p. 133).

The semantics of the collocation *drunken circles* indicates a severe intoxication. It refers to *mental illness* and *traumas and acquired diseases*.

The lexemes *fool* and *foolish* in the collocations, phraseological units in this story actualize their direct meanings, for example, in the old saying “The wise men,” or “The fools of Gotham.”

Comparing the similarities in the plots of English, Irish and German fairy tales, folklorist Thomas Sternberg gives an example of a droll about “The three wishes” (Sternberg, 1851). The following dicteme shows that the lumberjack, upon returning home, did not even remember the unexpected meeting:

(4) Whether from natural forgetfulness, or fairy illusion... (Sternberg, 1851, p. 135).

The collocation *natural forgetfulness* in this context actualizes the meaning “inborn absent-mindedness” and refers to *non-development of mental abilities*.

This part of the dicteme deals with the fact that the lumberjack got hungry and wished aloud for himself a piece of pork pudding:

(5) ...The old fellow waxed hungry, and audibly wished for a link of hog’s pudding (Sternberg, 1851, p. 135).

The collocation *waxed hungry* indicates the physiological deviation of the character, marks a temporary lack of food. We attributed it to the means of the expression of the semantic field *traumas and acquired diseases*. It refers to the inner sensations of the character. The collocation *audibly wished* implies an auditory signal as the adverb *audibly* actualizes the meaning “loudly.” The character imaged a link of hog’s pudding and he saw it at once. The collocation *a link of hog’s*

pudding in the whole dicteme includes the visual signal in its semantics. This collocation was included into lexes with visual signals, following the idea of V.K. Kharchenko that such lexical units conjure up visual images [Kharchenko, 2012].

The lumberjack wanted to pronounce his wish loudly but didn’t manage to do it as a bunch of sausages rolled out of the chimney in the next part of the dicteme:

(6) ...And down came a bunch of the wished-for delicacies (Sternberg, 1851, p. 135).

His wife got angry because he didn’t come up with a better wish and called him a fool:

(7) Thou bist a fool, Jan (Sternberg, 1851, p. 135).

The lexeme *fool* actualizes its direct meaning and refers to *non-development of mental abilities*.

The woman wished for the sausage to stick to his nose. And so it happened. He could no longer remove the meat delicacy from his nose. The sprouts looked so ugly that he prayed aloud and asked to get rid of the sausage on his face immediately:

(8) ...Finding no amount of force would remove these unsightly appendages from his proboscis... (Sternberg, 1851, p. 135).

The elf counted this request as a third wish. The lexeme *unsightly* in the collocation *unsightly appendages* actualizes the meaning of “ugly,” indicates *traumas and acquired diseases*. This lexeme is included in nominations of vision.

The semantics of linguistic means expressing the category of mental deviations refers to negative (*non-development of mental abilities*) and positive (for example, *genius*) forms of anomaly in the brain of characters in English old drolls. Characters from birth are either stupid or incredibly smart. Thus, the following droll, *The Miller at the Professor’s Examination*, included by Thomas Wright in his collection of tales in the Folk-lore Record of 1879, is about an eminent foreign professor who comes to Cambridge to examine students. The students were very frightened:

(9) ...And great also were the fears of the students, who dreaded the time when they must prove

their acquirements before one so famous for his learning (Wright, 1879, p. 173).

Semantics of the verb “prove” in the collocation “prove one’s acquirements” actualizes one of its sensory meanings – “demonstrate.” This collocation refers to the visual-auditory signals of perception. The visual-auditory signals are also represented in the final part of the dicteme *one so famous for his learning*, where the genius of the professor is highlighted. Thus, this collocation is included into mental deviations, actualizing the meaning of positive form of deviation – *genius*.

Students of Cambridge decided to amaze the professor with their knowledge. They changed into clothes of workers and pretended to be working somewhere near the road, along which the professor was supposed to pass. The professor was impressed by this group and the second one, who spoke Greek:

(10) ...Even the common laborers on the roads talk Latin and Greek... (Wright, 1879, p. 173).

The laborers turned out to be well-educated people; they talked Latin and Greek. The collocation *talk Latin and Greek* includes the auditory signal and refers to the semantic field *genius* in the sense of positive anomaly within the boundaries of hyperdicteme, taking into account the whole sentence.

The next dicteme shows that one of the students is afraid of passing the exam. The miller is eager to help him without a moment’s hesitation. This student is physically challenged, he is one-eyed:

(11) ...Everybody knows that I have but one eye (Wright, 1879, p. 173).

The collocation *have but one eye* actualizes its direct meaning “single eyed,” it includes visual signal and refers to *inborn pathologies, traumas and acquired diseases*. This context does not indicate whether the anomaly was inborn one or it was acquires. Thus, we can include this collocation into two semantic fields: *inborn pathologies, traumas and acquired diseases*.

The miller decides to cover his eye with a bandage and go to the exam instead of this student. He managed to pass the exam but did it

with an unexpected result. The professor understood him in a different way. He was sure that the student was dealing with highly metaphorical phenomena, meaning signs of religious nature but in reality, the miller was as simple as possible. The following dicteme explains intentions and emotions the miller used:

(12) Then he looked still more fiercely, and held out his one finger... he would poke my one eye out, and I held two fingers... if he poked out my one eye I would poke out his two, and then be held out three of his fingers, as though he would scratch my face, and I clenched my fist and shook it at him... if he did I would knock him down (Wright, 1879, p. 173).

The visual signal is included into the whole dicteme, where the shifting from the visual signal (*look still more fiercely, hold out one finger, hold two fingers, be held out three of one’s fingers, clench one’s fist, shake it at smb, knock smb down*) to the visual-tactile one (*poke one’s eye out, smb pokes out smb’s one eye smb would poke out smb’s two, scratch one’s face*) is observed. Some of the lexical units have the meanings of possible traumas: *poke out one’s eyes, scratch one’s face, knock smb down*. Thus, they are included into the core of the semantic field *traumas and acquired diseases* in accordance with their neutral-bookish style.

The story *Stupid’s Mistaken Twice* by G. Stephens is devoted to the boy, who was so awkward when he was getting over a fence:

(13) ...Fell and hurt himself, and, beginning to blubber, forgot what he was sent for (Stephens, 1880, p. 153).

This example includes perceptual tension of visual (...*fall and hurt oneself, forget what smb was sent for*) and auditory (*begin to blubber*) signals in terms of V.K. Kharchenko [2012]. The verb *hurt* defines the semantic space of *traumas and acquired diseases* within the category of deviations. Further narration will indicate that these lexical units of neutral-bookish style in the part of the dicteme *forgot what he was sent for* refer to *non-development of mental abilities* because the character had some serious problems with memory. He thought that he remembered what he needed to buy in the store, but he was mistaken. He met a sick man who heard the boy repeat the words *liver, lights, gall*.

As the man suffered from diseases, he got angry and beat the boy:

(14) ...A man was sick, bawling out: “Liver and lights and gall and all!” Whereon the man laid hold of him and beat him... (Stephens, 1880, p. 153).

The lexeme *sick* actualizes the meaning “in bad physical condition” and refers to *traumas and acquired diseases*. The visual signal is supported by somatisms referring to the inner organs in the following part of the dicteme – *Liver and lights and gall and all!* The phraseological unit *bawl out* actualizes the meaning “to shout in a loud voice” and includes the visual-auditory signal.

The following dicteme demonstrates the “synchronicity of perception” [Kharchenko, 2012]:

(15) Whereon the man laid hold of him and beat him (Stephens, 1880, p. 153).

Both actions develop rapidly and take seconds. The verb *beat* has its direct meaning “hit somebody hard,” it represents the core of the semantic field of *traumas and acquired diseases* in this dicteme.

The man made the boy say:

(16) Pray God send no more up! (Stephens, 1880, p. 154).

The sower in the field thought that the boy wished him a bad harvest and he beat him:

(17) “So the sower began to thrash him, and charged him to repeat: “Pray God send plenty more!” (Stephens, 1880, p. 153).

This dicteme includes visual (*thrash*) and auditory (*Pray God...*) signals. The verb *thrash* actualizes the meaning “to hit someone several times.” Its neutral-bookish style let us include it into *traumas and acquired diseases*.

Then the character of this story looked into the churchyard:

(18) ...he met a funeral, but he went on with his “Pray God send plenty more! (Stephens, 1880, p. 153).

The collocation *meet a funeral* includes the visual signal. The second part of the dicteme *he went on...* actualizes a new meaning “wishing for

more death” under this context. The boy had no wish to do bad things, he simply repeated the words that the sower ordered him to pronounce, but one of the relatives of the deceased person caught and beat him:

(19) ...Seized and punished him... (Stephens, 1880, p. 153).

This mourner forced him to repeat the words that were related to the funeral:

(20) “Pray God send the soul to heaven!” (Stephens, 1880, p. 153).

This part of the dicteme includes the visual signal. The semantics of the verbs *seize* and *punish* refers to *traumas and acquired diseases*.

The boy repeated the phrase *Pray God*, seeing the execution:

(21) ...And met a dog and a bitch going to be hung, but his cry rang out... (Stephens, 1880, p. 153).

This dicteme shows the correlation between perception and ethics because the boy asks God for the soul of a woman to go to heaven. Of course, people got angry. The visual signal is shown in the first part of the dicteme: *met a dog and a bitch going to be hung*; it also includes the verb *hang* as a synonym of the verb *kill* in this context. This verb characterizes the semantic field *traumas and acquired diseases*. The lexeme *bitch* actualizes the meaning “witch”. The second part of the dicteme is represented by the auditory signal (*his cry rang out*).

As mentioned above, people became angry and beat the boy:

(22) The good folk nearly were furious, seized and struck him... (Stephens, 1880, p. 155).

These people made him say:

(23) A dog and a bitch agoing to be hung! (Stephens, 1880, p. 155).

The first dicteme is supported by the visual-tactile signals (*furious, seize, strike*) where the verb *strike* actualizes the meaning “make an assault against somebody.” Due to the contextual conditions, it can be referred to *traumas and*

acquired diseases. The dicteme *A dog and a bitch...* is repeated by the boy twice. The stylistic device of repetition is used during the whole narration by the boy to emphasize sensory signals of vision and audition.

These words were heard by a man and a woman, who were going to get married. The man beat him again:

(24) ...Gave him many a thump... (Stephens, 1880, p. 155).

The idiom *give someone a thump* belongs to the semantic field considered above – the core in the semantic field *traumas and acquired diseases*. This category includes the semantic features of the mental unit *traumas and acquired diseases* within the context of *Stupid's Mistaken Cries*. For instance, the boy left this couple and came to two employees, sitting in the ditch:

(25) ...Two laborers who had fallen into a ditch (Stephens, 1880, p. 155).

The final part of the dicteme is represented by the visual signal (*fall into a ditch*). It also refers to *traumas and acquired disease*.

The repeated dictemes are always used to reflect different ideas, most of which are of perceptual nature here. One of the laborers, so vexed by the words of the boy, beat him and told him to say:

(26) The one is out, I wish the other was! (Stephens, 1880, p. 155).

So he did but he pronounced this phrase, meeting a single-eyed man:

(27) ...He found a fellow with only one eye; but he kept up his song: "The one is out, I wish the other was!" (Stephens, 1880, p. 155).

The collocation *a fellow with only one eye* has a visual signal, which shifts to the auditory one *kept up his song*. The collocation of neutral-bookish style *a fellow with only one eye* refers to both *inborn pathologies* or *traumas and acquired diseases* because it is not contextually evident about the nature of the revealed deviation. The dicteme *The one is out...* is defined as the representative of the interpretative field of the

physiological component: *traumas and acquired diseases*; it also actualizes the meaning "wishing someone to have no eyes."

The next dicteme shows the furious reaction of the one-eyed man:

(28) ...Master One-eye, who grabbed him and chastised him... The one side gives good light, I wish the other did! (Stephens, 1880, p. 155).

The collocation *Master One-eye* actualizes its main meaning and refers to *inborn pathologies* or *traumas and acquired diseases*. The reasons for including this lexical unit into both semantic fields were given above. It has a visual signal, which is also supported by the visual-tactile verbs *grab*, *chastise*. The verb *chastise* represents the semantic field *traumas and acquired diseases*. The second part of the dicteme *The one side...* includes the visual signal (*give good light, the other did*). It changes its meaning in the final scene. People decided that he was guilty of the fire. He was sent to prison and sentenced to death:

(29) The end was, the judge put on his black cap, and condemned him to die (Stephens, 1880, p. 155).

The visual signal is supported by the collocations *the judge put on his black cap*, *condemned him to die*. The part of the dicteme *condemned him to die* also highlights the auditory signal. The verb *die* in this context actualizes the meaning "leading to the fatal injury" and represents *traumas and acquired diseases*. This context helps to refer the verb *die* to the semantic field of the category of physiological deviations.

Non-development of mental abilities and *mental illness* in the folklore texts do not necessarily mean a mental deviation. It is more connected with prejudices and omens. For instance, the characters of the story *The Three Sillies*, the farmer, his wife and their daughter noticed an axe, which was stuck in the beam of the cellar. They considered it to be a bad sign. They even imaged that the future son of their daughter will go down and die of this axe:

(30) ...The axe was to fall on his head and kill him... (Hartland, 1906, p. 261).

The lexical units within this dicteme have the visual signal. The phraseological unit *fall on*

also includes the tactile signal. The verb *kill* actualizes its direct meaning and refers to *traumas and acquired diseases*. This story is also presented in the version of Charlotte S. Burne *Variant of the Three Noodles* in the Folk-lore Journal 1884. The lexemes *silly* and *noodle*, which are presented in the titles of these works, belong to informal style with further differentiation. Thus, they refer to the near periphery of the semantic field *non-development of mental abilities* but they characterize different parts of this semantic space. The lexeme *silly* characterizes the conversational style, the lexeme *noodle* is included into the British slang.

One of the characters, a gentleman, who was the groom of the young lady of this family, decided not to join this strange company. They wept for their son, who might die in the future because of the axe. He promised them to find people, who are bigger sillies than these ones. At first, he met a strange old woman:

(31) ...He came to an old woman's cottage that had some grass growing on the roof... the old woman was trying get her cow to go up a ladder to the grass... (Burne, 1884, p. 43),

where the visual signal is supported by the actions of the characters and the objects used by the folklorist in the narration. The collocation *old woman* refers to *non-development of mental abilities* in the boundaries of this context.

The gentleman advised the old woman to cut the grass and throw it off the roof. She did not follow his advice and both the cow and the old woman died because the animal fell down off the roof and the string strangled it:

(32) ...The cow tumbled off the roof, and hung by the string tied round her neck, and it strangled her... the weight of the cow tied to her wrist pulled the old woman up the chimney and she stuck fast half-way, and was smothered in the soot (Burne, 1884, p. 43).

The visual signal (*tumble off the roof, pull smb up the chimney, stick fast half-way*) is combined with visual-tactile signal (*hang by the string tied round one's neck, strangle smb, tie to one's wrist, be smothered in the soot*). All that lexical means help to actualize the meanings within the semantic field *non-development of mental abilities*.

In *English Fairy Tales* by Joseph Jacobs the same story includes another visual signal of the tool. Instead of the axe, we observe the mallet:

(33) ...The mallet was to fall on... (Jacobs, 2005, p. 13).

The old drolls depicted by E.S. Hartland, Ch.S. Burne and J. Jacobs have a lot of visual and tactile signals in common.

The second phase of the story *The Three Sillies* starts with the dicteme, where we find out that the young gentleman continued his journey. He decided to visit the inn to stop the night. He had to sleep in a double-bedded room. In the morning he found a stranger, who was trying to jump into his trousers:

(34) ...The gentleman was surprised to see the other hang his trousers on the knobs of the chest of drawers and run across the room and try to jump into them... (Hartland, 1906, p. 263).

The visual signal is supported by the verbs *see, hang, run across, jump into*. The whole dicteme refers to the semantic space of the interpretative field of *non-development of mental abilities* within the category of deviation.

The gentleman helped him to put the trousers on in the right way and the stranger was so obliged to him:

(35) ...And said he never should have thought of doing it that way (Hartland, 1906, p. 263).

The context of this dicteme supports the idea of the above-mentioned example. It represents the semantic space of the interpretative field of the mental unit *non-development of mental abilities*. The auditory signal is reflected in the use of the verb *say*.

The next dicteme shows that the character would meet other awkward people on his way:

(36) ...They had got rakes, and brooms, and pikels (pitchforks), reaching into the pond... (Hartland, 1906, p. 263).

This example with visual signals was also included into the interpretative field of the mental unit *non-development of mental abilities* by us. The auditory signals (*ask, say*) were revealed in the following part of the dicteme:

(37) ...The gentleman asked what was the matter. "Why," they says, "matter enough! Moon's tumbled into the pond, and we can't get her out anyhow!" (Hartland, 1906, p. 263)

This diceme also characterizes the condition of people, living in the village, which was struggling with the shadow of the moon in the water. The gentleman called them big sillies and went home to get married with his bride as was not so stupid in comparison with those people he met on his way. This part of the diceme can be referred to the interpretative field of *non-development of mental abilities*. The collocation *big sillies* actualizes the meaning "complete fools."

Thus, the semantic space of the category of physiological and mental deviations also includes the interpretative field in the boundaries of English old drolls, where perceptual signals are observed.

Conclusion

The revealed meanings of sensory lexes, denoting physiological and mental deviations in old English drolls showed that this mental unit is ambivalent. It implies the existence of positive and negative aberrations.

The semantic field of the category of physiological and mental deviations consists of the core, near periphery, and interpretative semantic space represented by the sensory lexical units of neutral-bookish and informal styles in English old drolls. These lexical units refer to the semantic fields: *mental illness, genius, non-development of mental abilities, inborn pathologies, traumas and acquired diseases*.

Most of the linguistic units that actualize the meanings with reference to the semantic fields mentioned above presuppose sensory signals within the analyzed dictemes and hyperdictemes. They are visual, auditory, tactile ones. Some of them include sensory tension or shifting. Olfactory and gustatory signals were not defined in the context of English old drolls. These specific features of the structure and the linguistic means of the expression of the category of physiological and mental deviations were considered with the help of semantic and contextual methods.

Further study presupposes the contrastive and corpus analysis of old English drolls, fairy-

tales, myths and legends with the purpose of revealing differences in presenting sensory means of expressing various mental units.

NOTE

¹ The research is carried out at National Research Tomsk Polytechnic University within the framework of Tomsk Polytechnic University Competitiveness Enhancement Program.

REFERENCES

- Allwood J., Gardenfors P., 1999. *Cognitive Semantics. Meaning and Cognition*. Amsterdam, John Benjamins. 201 p.
- Asratyan Z.D., 2020. *Smysloobrazuyushchaya rol diktemy v khudozhestvennom tekste* [Meaning-Forming Role of the Diceme in a Literary Text]. Moscow, MPGU. 276 p.
- Blokh M. Ya., Kashtanova I.I., 2011. Problema diskursnogo vyrazheniya kontsepta [Problem of Discourse Realization of Concept]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], vol. 2, pp. 14-18.
- Bondarko A.V., 2013. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie, aspektualnost, vremennaya lokalizovannost, taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. Moscow, Librokom Publ. 352 p.
- Cohen H., Lefebvre C., 2017. *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Amsterdam, Elsevier. 1233 p.
- Croft W., Cruse A., 2004. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 356 p.
- Dancygier B., 2017. *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 840 p.
- Janda L.A., 2018. *Ten Lectures on Cognitive Linguistics as an Empirical Science*. Leiden, Brill. 329 p.
- Kharchenko V.K., 2012. *Lingvosensorika* [Linguosensorics]. Moscow, Librokom Publ. 216 p.
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoye napravleniye sovremennykh issledovaniy* [Linguosensorics as a Perspective Direction of Modern Studies]. Moscow, RAN INION. 85 p.
- Petrochenko L.A., Ptashkin A.S., Andreeva A.A., 2014. *Sredstva vyrazheniya mentalnoy*

sostavlyayushchey kategorii nepolnotsennosti (na materiale angliyskogo yazyka) [Means of Expressing the Mental Component in the Deficiency Category (Data of English)]. *Vestnik Tomskogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], vol. 4, pp. 35-39.

Ptashkin A.S., 2024. Sensorika sredstv vyrazheniya kategorii "HEALTH" v shotlandskoy skazke o trekh zelenykh trolleyakh iz Glen Nevisa [Sensorics of the Means of Expressing the Category of "HEALTH" in the Scottish Fairy-Tale About the Three Men of Glen Nevis]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], vol. 2, pp. 484-487.

Wang M., 2020. *Linguistic Semiotics*. Berlin, Springer Nature. 397 p.

SOURCES

Blount T., Hazlitt W.C., 1874. *Tenures of Land & Customs of Manors*. London, Reeves and Turner. 456 p.

Burne Ch.S., 1884. Variant of the Three Noodles. *The Folk-lore Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 40-43. DOI: 10.1080/17442524.1884.10602697

Hartland E.S., 1906. *English Fairy and Other Folk Tales*. New York, The Walter Scott Publishing. 36 p.

Jacobs J., 2005. *English Fairy Tales*. Hazleton, The Pennsylvania State University Press. 169 p.

Stephens G., 1880. Stupid's Mistaken Cries as Told in Essex About the Year 1800. *Folk-Lore Record*, vol. 3, no. 2, pp. 153-155.

Sternberg T., 1851. *The Dialect and Folk-Lore of Northamptonshire*. London, J.R. Smith. 229 p.

Wright T., 1879. Four Transcripts by the Late Thomas Wright, F.S.A. *Folk-Lore Record*, vol. 2, pp. 165-193.

Information About the Author

Alexander S. Ptashkin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia, cognitionscience@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5668-2384>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Пташкин, кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия, cognitionscience@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5668-2384>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>

UDC 81'322.4.4:004.8
LBC 81.184

Submitted: 28.09.2024
Accepted: 23.12.2024

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TRANSLATION: ADVANTAGES AND LIMITATIONS

Vladimir I. Ozyumenko

RUDN University, Moscow, Russia

Tatiana V. Larina

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Advances in artificial intelligence (AI) development have significantly improved the quality of machine translation, resulting in more accurate and correct translated texts. However, the ability of AI to replace human translators completely is under consideration. The aim of the study is to trace the degree of adequacy of AI-assisted translation and identify its limitations. The authors explored the text of Vladimir Putin's interview to the American journalist Tucker Carlson given on 9 February 2024 and its English translations: the official translation posted on the Kremlin website and the translation obtained using the DeepL platform, which is currently regarded as the most accurate AI translator. The research focused on the semantic, grammatical, stylistic and pragmatic adequacy of the two translated versions. The comparative analysis revealed a number of limitations of neural machine translation, indicating the insufficient ability of AI to make the right choice between the meanings of polysemantic words, recognize figurative meanings of words, adequately interpret phraseological expressions and find their translation correspondences, discern the syntactic structure of the sentences, note expressive and other stylistic nuances, take into account the linguistic and sociocultural context. The results of the study prove the need for post-machine editing. They may find application in neurolinguistics and contribute to the development of neural machine translation.

Key words: artificial intelligence, neural machine translation, translation adequacy, translation correspondences, post-machine editing, interview.

Citation. Ozyumenko V.I., Larina T.V. Artificial Intelligence in Translation: Advantages and Limitations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 117-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>

УДК 81'322.4.4:004.8
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 28.09.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПЕРЕВОДЕ: СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ

Владимир Иванович Озюменко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Татьяна Викторовна Ларина

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) значительно улучшили качество машинного перевода, в результате чего переводные тексты стали более точными и корректными. Однако открытым остается вопрос о том, способен ли ИИ полностью заменить переводчика-человека. Цель данного исследования – охарактеризовать адекватность выполненного с применением ИИ-перевода и определить его недостатки. Эмпирической базой послужил текст интервью В.В. Путина американскому журналисту Т. Кар-

лсону от 9 февраля 2024 г. и его переводы на английский язык: официальный перевод, размещенный на сайте Кремля, и перевод, полученный нами с помощью платформы DeepL, которая на данный момент считается самым точным ИИ-переводчиком. В центре внимания были семантическая, грамматическая, стилистическая и прагматическая адекватность двух переводных вариантов. Сопоставительный анализ позволил выявить ряд ограничений нейронного машинного перевода, которые свидетельствуют о недостаточной способности ИИ делать правильный выбор среди значений многозначного слова, распознавать переносные значения слов, учитывать языковой контекст, адекватно интерпретировать фразеологизмы и находить им переводные соответствия, различать синтаксическую структуру предложений, выделять и учитывать эмоционально-экспрессивные и иные стилистические нюансы. Проблемой для создания адекватного перевода посредством ИИ остается игнорирование социокультурного контекста. Результаты исследования подтверждают необходимость постмашинного редактирования переводного текста. Они могут найти применение в нейролингвистике и способствовать совершенствованию нейронного машинного перевода.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронный машинный перевод, адекватность перевода, переводные соответствия, постмашинное редактирование, интервью.

Цитирование. Озюменко В. И., Ларина Т. В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 117–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) активно проникает во все сферы современной жизни, ускоряя и совершенствуя деятельность человека, часто замещая его. Не остается в стороне от новых технологических прорывов сфера лингвистики и перевода (см., например: [Гарбовский, Костикова, 2019; Koehn, 2020; Matusov, 2019; Wilken et al., 2020; Sharoff, 2022 и др.]), где ИИ открывает перспективы как для теоретических, так и прикладных исследований. Отдельной областью лингвистики стала нейролингвистика, а концептуализация ИИ в сознании людей и осмысление его роли в жизни общества обсуждаются в когнитивной, корпусной и медиалингвистике [Галичкина, 2024; Пуилова, Kochetova, 2024].

Эффективным инструментом перевода стал нейронный машинный перевод (далее – НМП). Современные технологии совершили революцию в переводческой практике и активно эволюционируют, изменяя как восприятие перевода пользователями, так и концептуализацию перевода производителями и теоретиками [Gambier, 2019, p. 345]. Они развивают переводческую деятельность и переводческий рынок, а также предоставляют получателям перевода новые возможности для коммуникации и получения информации.

Среди преимуществ НМП очевидны следующие: быстрая скорость перевода и достаточно высокий уровень его эффективности, доступность и простота использования пере-

водческих ресурсов, перевод на несколько языков одновременно. Кроме того, НМП открывает доступ к получению информации в самых разнообразных сферах – в науке, политике, медиа и др. Он продемонстрировал способность находить специализированные и точные переводные термины в соответствии с различными отраслевыми стандартами. Необходимо признать, что достижения в области искусственного интеллекта значительно улучшили качество машинного перевода, в результате чего переводные тексты стали более точными и корректными.

Самыми востребованными инструментами перевода, созданными на основе искусственного интеллекта, являются Google Translate, Yandex Translate, Reverso, Bing Microsoft Translator, DeepL Translate. На сайте переводческой платформы DeepL, которая позиционирует себя как «самый точный переводчик в мире» (DeepL), отмечается, что новые нейронные сети способны более точно передать смысл на целевом языке, а также находить более профессиональные формулировки. Разработчики видят свою задачу «в стирании языковых барьеров во всем мире и сближении культур» (DeepL).

Не вызывает сомнений, что переводческие технологии на базе ИИ расширяют границы коммуникативного пространства, делают доступными новые источники информации, стирают языковые барьеры и содействуют общению представителей различных лингвокультур. ИИ-перевод (термины ИИ-перевод и

НМП употребляются нами взаимозаменяемо), безусловно, эффективен при передаче информации, что особенно востребовано в сфере науки, технологии, бизнеса и др. – везде, где важны новые знания.

Здесь можно согласиться с идеей В.В. Сдобникова о том, что главная задача переводчика – «создать текст, который был бы полезен получателю в рамках осуществляемой им деятельности» [Сдобников, 2023, с. 77], а основная цель получателя перевода – «извлечь из текста информацию, полезную для осуществления предметной деятельности» [Сдобников, 2023, с. 77]. В этом случае вполне оправданной представляется и нейтрализация лингвокультурной маркированности, что необходимо, например, при создании многоязычных сайтов (см. об этом: [Митягина, Наумова, Новожилова, 2023]).

Однако коммуникация – это не только передача информации, это также и передача отношений, чувств, оценок и др., что чрезвычайно важно сохранить при переводе художественных текстов, кинофильмов, политического и медийного дискурса. В СМИ, которые выполняют как информационную функцию, так и функцию воздействия, большое значение имеет сохранение стилистических особенностей текста, его эмоциональных и экспрессивных нюансов, передача прагматических значений.

Для исследования мы выбрали интервью как один из жанров медийного дискурса, руководствуясь следующими соображениями. Во-первых, в интервью как жанре устной речи отражаются активные процессы современного русского языка, создающие ряд сложностей для перевода. Среди них называются общая тенденция демократизации языка, которая выражается как в функциональных изменениях лексических единиц, так и в структурных изменениях словосочетаний и предложений, тенденция к усилению субъектного аспекта содержания текстов в публичном общении, обнаруживающаяся в их сближении с оценочно-экспрессивно-эмоциональной разговорной речью, тенденция к интеллектуализации текста, предполагающая обращение автора к фоновым знаниям и др. (см. об этом: [Akimova, Bezkorovaunaya, Ionova, 2022, p. 205]). Во-вторых, хотя интервью определяется как «межличностное вербальное обще-

ние для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [Лукина, 2012], помимо информационной, оно выполняет и воздействующую функцию. В случае политического интервью воздействие оказывается и на третьего участника – аудиторию, часто с применением имплицитных средств, что также создает трудности при переводе. Нам было интересно проследить, как с подобными трудностями справляется НМП, и определить его слабые места. Мы попытались ответить на следующие вопросы:

1. Насколько точным является НМП?
2. Какие переводческие трудности ИИ не может преодолеть?
3. Способен ли НМП заменить переводчика?

Материал и методы

Эмпирической базой исследования послужил текст интервью В.В. Путина американскому журналисту Т. Карлсону от 9 февраля 2024 г. (13 749 слов) (Интервью...) и его переводы на английский язык: официальный перевод, выполненный переводчиком-синхронистом и размещенный на сайте Кремля (16 947 слов) (Interview...), и перевод, полученный нами с помощью платформы DeepL. Исходный текст (далее – ИТ) сопоставлялся нами с переводными текстами, выполненными профессиональным переводчиком (далее – П) и искусственным интеллектом (ИИ), которые даются в каждом примере после исходного текста.

В ходе анализа обращалось внимание на точность и адекватность (семантическую, грамматическую, стилистическую и прагматическую) двух переводных текстов и ставилась задача выявить и систематизировать переводческие неудачи НМП.

Результаты и обсуждение

Результаты сопоставительного анализа двух переводных текстов показали, что переводчик-человек более успешно справляется с трудностями перевода, чем НМП, который допускает неточности на разных уровнях языка – лексическом, фразеологическом, грам-

матическом (синтаксическом), стилистическом, делает семантические, прагматические и иные ошибки. Далее мы представим основные из выделенных нами типов несоответствий и проиллюстрируем их примерами.

Лексико-семантические переводные несоответствия

Было замечено, что НМП дает буквальный перевод слов, которые в тексте оригинала употребляются в переносном значении, не принимая во внимание контекст их употребления, что приводит к существенному искажению смысла. Так, глагол *заиграться* (1) в значении «выйти за пределы дозволенного» ИИ переводит как *play the game*, что означает «поступать порядочно / честно, соблюдать правила, играть по правилам (здесь и далее при верификации лексических значений нами использовались словари, указанные в списке источников и словарей).

(1) ...Они (поляки) **заигрались** и вынудили Гитлера начать Вторую мировую войну именно с них.

П: ...The Poles **went too far**, pushing Hitler to start World War...

ИИ: ...They (the Poles) **played the game** and forced Hitler to start the Second World War...

Перебить электорат (в значении «переубедить») (2) ИИ переводит как *outbid*, что означает «предложить более высокую цену (на аукционе)», то есть «перебить ставку». Переводчик подбирает адекватный вариант – *dissuade this electorate* («переубедить электорат»):

(2) И «**перебить**» этот электорат, относившийся позитивно к России, было очень сложно.

П: And it was very difficult to **dissuade** this electorate, which had a positive attitude towards Russia.

ИИ: And it was very difficult to “**outbid**” this electorate, which had a positive attitude towards Russia.

Для перевода выражения *влисть в состав* (3) ИИ использует прямое значение глагола *лить* и переводит эту единицу словом *pour*, в то время как имеется в виду «включить в состав чего-то»:

(3) И, тоже по непонятным причинам... все это [территории] было «**влисто**» в состав Украинской ССР...

П: And, again for some unknown reasons... they **were made part** of that Soviet Republic of Ukraine...

ИИ: And, also for unknown reasons... during the formation of all this was “**poured**” into the Ukrainian SSR...

ИИ не учитывает различий в объеме семантики слов. Так, при переводе глагола *залезть* (4), который в русском языке, в отличие от английского, может указывать на движение в разных направлениях (вверх, вниз, внутрь и др.), ИИ выбирает глагол *climb*, который означает движение вверх (например, залезть на дерево), в то время как в тексте речь идет о движении вниз – *залезть на дно Балтийского моря*, что создает комический эффект. Переводчик находит адекватное соответствие – *sink to the bottom* («погрузиться на дно»):

(4) Потому что заинтересованных может быть много, но **залезть на дно Балтийского моря** и осуществить этот взрыв могут не все.

П: Because there may be many people interested, but not all of them are capable of **sinking to the bottom** of the Baltic Sea and carrying out this explosion.

ИИ: Because there may be many people interested, but not everyone **can climb to the bottom** of the Baltic Sea and carry out this explosion.

Как показал наш материал, у ИИ возникают проблемы с редкими терминами. Например, *коренизация* переводится при помощи калькирования *korenization*, в то время как переводчик предлагает соответствующий данному понятию английский термин *indigenization*:

(5) Не только потому, что там были выходцы с Украины, в руководстве Советского Союза, но в целом была такая политика – «**коренизация**» она называлась.

П: It was not merely because the Soviet leadership was composed to a great extent of those originating from Ukraine. Rather, it was explained by the general policy of **indigenization** pursued by the Soviet Union.

ИИ: Not only because there were natives of Ukraine in the leadership of the Soviet Union, but in general there was such a policy – “**Korenization**” it was called.

Данный пример подтверждает мнение исследователей о том, что в словари нейрон-

ных систем «не попадают лексические единицы, претендующие на терминологический статус или характеризующиеся низкой частотой в обрабатываемых массивах или корпусах текстов» [Беляев, Камшилова, 2024, с. 16].

Фразеологические переводные несоответствия

Еще бóльшую трудность вызывает перевод фразеологических единиц (далее – ФЕ), которые при отсутствии прямых соответствий также переводятся дословно, что не соответствует смыслу ИТ. Например, фразеологизм *серая кошка пробежала* (6), который означает «произошла неожиданная ссора, размолвка между кем-либо» (здесь и далее значения фразеологизмов уточнялись по фразеологическим словарям, указанным в списке источников и словарей), переводится буквально – “*a gray cat ran*”. Несмотря на то, что этот фразеологизм дан в кавычках, он вряд ли сможет донести до аудитории нужное значение, поскольку в английском языке подобная ФЕ отсутствует. Более того, в английской языковой картине мира серая кошка обладает позитивными характеристиками и символизирует независимость, свободу, защиту, духовное возрождение, интуицию, равновесие и надежду (<https://www.storycenter.org/covid-stories-1//the-grey-cat>). Переводчик, в отличие от ИИ, находит удачное переводное соответствие (*a certain rift started growing between us* букв.: «между нами начала расти трещина», то есть началось охлаждение отношений).

(6) Больше того, я тоже уже говорил об этом публично – сейчас ельцинское время возьмем, – был момент, когда «серая кошка пробежала».

П: Moreover, I have also said this publicly before (let’s look at Yeltsin’s times now), there was a moment when a **certain rift started growing between us**.

ИИ: Moreover, I have also said this publicly – let’s take Yeltsin’s time now – there was a moment when “**a gray cat ran**”.

То же и в примере (7), где использован фразеологизм *хвосты заносить*, означающий «угодничать, подхалимничать». Переводчик опускает данный фразеологизм, не находя для него переводного соответствия, в то время как

ИИ ошибочно переводит его глаголом *tailspin*, что означает «резко падать, терять контроль».

(7) Но они приняли неправильное решение, теперь мы должны искать выход из этого неправильного решения, **хвосты заносить**, корректировать их ошибки?

П: However, they made the wrong decision and now we have to look for a way out of this situation, to correct their mistakes.

ИИ: But they made a bad decision, now we have to look for a way out of that bad decision, **tailspin**, correct their mistakes?

Еще одним примером (8) непонимания ИИ семантики устойчивых выражений является ФЕ *и близко не было*, которая в русском языке используется не для передачи пространственных отношений, а для усиления отрицания («абсолютно не», «решительно не», «совсем не» и т. д.). Однако при переводе ИИ актуализирует именно пространственные отношения, что приводит к нарушению логики.

(8) Даже если мы вспомним, назад вернемся, 1654 год... там было три-четыре современные области Украины, никакого Причерноморья там **и близко не было**.

П: Even if we go as far back as 1654... that territory was the size of three to four regions of modern Ukraine, **with no Black Sea region**.

ИИ: Even if we remember back to 1654... there were three or four modern regions of Ukraine, there was **no Black Sea region even close to it**.

ИИ не понимает не только значения ФЕ в целом, но и значений отдельных его компонентов, что порой вызывает юмористический эффект. Так, ФЕ *с барского плеча* (9) переводится как *from the shoulder of the bard* (букв.: «с плеча барда»), то есть происходит смешение слов *барин* и *бард*. Переводчик в данном случае удачно переводит данный фразеологизм через его толкование *generously bestowed*:

(9) И все, что Украина получила в подарок от России, «с барского плеча», она утащила с собой.

П: And everything that Russia had **generously bestowed** on Ukraine was “dragged away” by the latter.

ИИ: And everything that Ukraine received as a gift from Russia, “**from the shoulder of the bard**”, it took with it.

*Смысловые несоответствия,
обусловленные синтаксисом*

Как показал наш материал, ИИ не справляется с переводом предложений, которые не вписываются в стандартную модель английского предложения: субъект – предикат – объект. Трудности вызывают неопределенно-личные предложения с опущенным подлежащим, которые характерны для русского синтаксиса. Возможно, при переводе таких предложений ИИ автоматически вставляет на свободное место близлежащее подлежащее, что часто приводит к полному искажению смысла.

Так, в примере (10) [они] *добрались до Украины* подменяется на «мы добрались до Украины» (*we have gotten to Ukraine*), в примере (11) [они] *открыли двери Украине в НАТО* – на «мы открыли двери Украине в НАТО» (*we opened the door for Ukraine to join NATO*). Примеры (10)–(11) показывают, что ИИ не способен охватить широкий контекст и ориентируется исключительно на ближайший языковой контекст, что приводит к синтаксической и смысловой дезориентации. Переводчик подобных трудностей не испытывает, его перевод логичный и адекватный.

(10) И вот теперь перехожу к главному: **добрались до Украины**. В 2008 году на саммите в Бухаресте заявили о том, что двери для Украины и Грузии тогда в НАТО открыты.

П: And now I come to the main thing: **they have come to Ukraine** ultimately. In 2008 at the summit in Bucharest they declared that the doors for Ukraine and Georgia to join NATO were open.

ИИ: And now I come to the main point: **we have gotten to Ukraine**. In 2008, at the summit in Bucharest, it was declared that the doors for Ukraine and Georgia then to NATO were open.

(11) Итак, в 2008 году открыли двери Украине в НАТО.

П: So, in 2008 the doors of NATO were opened for Ukraine.

ИИ: So, in 2008 **we** opened the door for Ukraine to NATO.

Еще одну трудность для ИИ создают предложения с пассивным залогом. Несовпадения в русских и английских конструкциях также приводят к непониманию ИИ субъектно-объектных отношений и, как следствие, к подмене субъектов. Так, в (12) *Нами все вре-*

мя всех пугали ИИ переводит с противоположным смыслом – «Мы постоянно всех пугали»:

(12) **Нами** все время всех пугали...

П: **They** have been scaring everyone with **us** all along...

ИИ: **We** were always scaring everyone...

Разговорный синтаксис усугубляет эту проблему. Характерный для него нетрадиционный порядок слов не укладывается в стандартные алгоритмы и не позволяет ИИ распознать структуру предложений, что приводит к неверной интерпретации смысла ИТ. Так, исходя из ИИ-перевода следует, что те, кто не признал госпереворот (на Украине) создали угрозу для Крыма (13), и мы (Россия) погрузили туда (в НАТО) и Прибалтику, и всю Восточную Европу (14).

(13) В 2014 году... тех, кто не признал госпереворот, а это госпереворот, начали преследовать, создали угрозу для Крыма, который мы были вынуждены взять под свою защиту.

П: In 2014... they started persecuting those who did not accept the coup, and it was indeed a coup, they created a threat to Crimea which we had to take under our protection.

ИИ: In 2014... **those who did not recognize the coup d'état**, which was a coup d'état, began to be persecuted, **created a threat to Crimea**, which we were forced to take under our protection.

(14) Сказали: ну на бумаге же не зафиксировали, поэтому будем расширять. Пять расширений, **погрузили** туда и Прибалтику, и всю Восточную Европу, и так далее.

П: They said, "Well, it's not enshrined on paper, so we'll expand." So there were five waves of expansion, the Baltic States, the whole of Eastern Europe, and so on.

ИИ: They said: well, it was not fixed on paper, so we will expand. Five expansions, **we loaded** the Baltic States, the whole of Eastern Europe, and so on.

Стилистические несоответствия

Среди стилистических характеристик текста нами в первую очередь рассматривались эмоционально-экспрессивные и разговорные особенности ИТ и возможные способы их передачи в ПТ.

Эмоционально-экспрессивная окраска текста, как известно, представляет собой се-

рзным препятствием при переводе. В русском языке существует значительное количество эмоциональных и экспрессивных средств, отсутствующих в английском языке и являющихся непереводаемыми. Особую группу, в частности, составляют многочисленные частицы, которые в разговорной речи передают различные смысловые и эмоциональные оттенки (*же, ведь, уж, ну и, -ка, -таки* и др.), для передачи которых в английском языке отсутствуют лексические средства, что создает большие сложности при переводе, которые труднопреодолимы как для переводчика, так и тем более для ИИ. Например, в (15) частица *же* усиливает значение глагола *додуматься*, что придает ему ироничное звучание и выражает осуждение. Переводчик, очевидно, не смог найти подходящее соответствие и воспользовался приемом опущения. ИИ предложил свой вариант перевода, в котором утрачены не только негативная оценка, но и смысл, поскольку осуществлена подмена субъектов.

(15) *Додумались же*, довели до той ситуации, в которой мы находимся. Это не мы довели, а наши «партнеры», оппоненты до этого довели.

П: **They** have driven the situation to the point where we are at. It is not us who have done that, it is our partners, opponents who have done that.

ИИ: **We came up with it** and brought it to the situation we are in. It was not us who brought it about, but our “partners”, our opponents, who brought it about.

Переводческая ошибка в выборе субъекта, как нам представляется, произошла здесь из-за того, что в русском главном предложении отсутствует подлежащее, а в придаточном подлежащим является местоимение *мы*, которое, возможно, было автоматически перенесено на главное предложение. В результате [*они*] *додумались же* переведено как *We came up with it* (букв.: Мы придумали это). Как было показано выше, это достаточно распространенная ошибка, допускаемая ИИ при переводе неопределенно-личных предложений.

Пытаясь передать разговорную стилистику В.В. Путина, переводчик, в отличие от ИИ, ищет средства для сохранения данной стилистической особенности ИТ. Как видно в (16), непереводаемую на английский язык лек-

сическими средствами разговорную частицу *же* переводчик компенсирует менее формальным по сравнению с *deceive* («обмануть») глаголом *trick* («обхитрить, облапошить»).

(16) Вы **же** нас **обманули**...

П: You **tricked** us.

ИИ: You **deceived** us.

Созданию разговорного стиля способствуют ФЕ, игнорирование которых снижает данную стилистическую окраску. В (17) ИИ переводит эмоционально-экспрессивное выражение *нас послали подальше* («грубо отказали») более нейтральным *we were sent away*, которое, хотя и является компонентом идиоматических выражений, само по себе подобной окраской не обладает.

(17) В конечно итоге нас **послали подальше**.

П: In the end they just told us to **get lost**.

ИИ: In the end we **were sent away**.

ИИ испытывает трудности в передаче эмоционально-экспрессивных оттенков текста. Он уступает переводчику при передаче интенсивности действия, которое в русском языке выражается разнообразными средствами. Так, в (18) существительное *затягивание* переводится двумя синонимами *dragging* и *pulling*. Однако лексема, выбранная переводчиком (*dragging*), представляется более удачной, так как называет действие, для осуществления которого требуется больше усилий, то есть отличается большей степенью интенсивности.

(18) Потом **затягивание** в НАТО Украины. Это же все давление, давление.

П: Then, **dragging** Ukraine into NATO is all about pressure, pressure, pressure.

ИИ: Then **pulling** Ukraine into NATO. It's all pressure, pressure.

В русском языке интенсивность действия / состояния / качества может передаваться через лексический повтор (*очень-очень, садитесь-садитесь, красивый-красивый*), что не характерно для английского языка. Переводчик, в отличие от ИИ, учитывает данные особенности и находит удачные замены. Так, в (19) для перевода *нахваливали-нахваливали* предлагается выражение *lavish with praise* («быть щедрым на похвалу»). ИИ дает дословный перевод

was praised and praised, что расходится с английскими синтаксическими нормами и не отражает той степени интенсивности, которая содержится в русском тексте. Стоит отметить, что в ИТ (19) интенсивность передается как синтаксически – через повтор, так и лексически – при помощи лексемы *нахваливаться*, являющейся более экспрессивной, чем *хвалить* (*praise*), что теряется в ИИ-переводке.

(19) Нет, когда начались события в Югославии... До этого Ельцина **нахваливали-нахваливали**...

П: Remember the developments in Yugoslavia, before that Yeltsin **was lavished with praise**...

ИИ: No, when the events in Yugoslavia began... Before that, Yeltsin **was praised and praised**...

Как было продемонстрировано ранее, в английском языке эмоционально-экспрессивные оттенки могут передаваться не только лексическими, но и грамматическими средствами, например, модальными глаголами, нетрадиционным употреблением глагольно-временных форм, инверсивным порядком слов и др. [Озюменко, 2015]. Данные способы передачи различных эмотивных значений грамматическими средствами требуют отдельного внимания переводчика, так как их учет помогает в поиске прагматических эквивалентов.

Например, в (20) эмоциональный акцент на уточняющем высказывании (*а Польша сотрудничала с Гитлером*) передается переводчиком при помощи нетрадиционного употребления вспомогательного глагола *did* (*it did collaborate with Hitler*), что позволяет сохранить тональность высказывания. Однако ИИ с такой задачей не справляется и предлагает буквальный перевод, не замечая при этом допущенной тавтологии (*Poland cooperated with Hitler, and Poland cooperated with Hitler*). Переводчику удастся избежать повтора благодаря использованию синонимических глаголов *cooperate, collaborate*:

(20) В 1939 году, после того как **Польша сотрудничала** с Гитлером, **а Польша сотрудничала** с Гитлером, и Гитлер предлагал... договор о дружбе и союзнестве...

П: In 1939, after **Poland cooperated** with Hitler – **it did collaborate** with Hitler, you know – Hitler offered Poland peace and a treaty of friendship and alliance...

ИИ: In 1939, after **Poland cooperated** with Hitler, and **Poland cooperated** with Hitler, and Hitler offered...

to make peace with Poland, a treaty of friendship and alliance...

С целью не допустить тавтологии переводчик, в случае невозможности подобрать синоним, прибегает к стратегии опущения, как например, в (21), где *понимал* и *смыслил* переводятся одним глаголом *understood* («понимал»). ИИ, который здесь так же не находит синонимической замены глаголу *understand*, употребляет его дважды:

(21) Все он [Ельцин] **понимал** и все **смыслил**, я Вас уверяю.

П: He **understood** everything, I assure you.

ИИ: He **understood** and **understood** everything, I assure you.

То же и в примере (22):

(22) ...Я разговаривал **со своими, со своей командой**.

П: ... I've talked **to my team**.

ИИ: ...I talked **to my team, to my team**.

Даже если в ИТ тавтология присутствует, переводчик старается устранить ее, осуществляя редакторскую правку. ИИ переводит текст буквально, не редактируя его. Как видим в (23), повторяющийся в русском тексте глагол *втянуть* передается синонимами – *implicate, drag*. В ИИ-переводке тавтология сохраняется (*dragged – dragged*):

(23) Не знаю, может быть, его **втянули**, кто-то мог **втянуть** его в это дело, может, он сделал все по неосторожности, по собственной инициативе.

П: Maybe he had been **implicated** in that, someone could have **dragged** him into that, maybe he did that out of carelessness, or on his own initiative.

ИИ: I don't know, maybe he was **dragged** into it, somebody might have **dragged** him into it, maybe he did everything recklessly, on his own initiative.

Следует отметить, что речь В.В. Путина в данном интервью изобилует разговорными элементами, что в целом характерно для его публичных выступлений. Нам представляется, что данный риторический прием используется им целенаправленно для сближения с аудиторией и выполняет воздействующую функцию (см. о нем, например: [Ponton, Ozyumenko, Larina, 2023]). Результаты анализа показали, что данные стилистические осо-

бенности вызывают серьезные трудности у переводчика и становятся непреодолимым барьером для ИИ.

Лингвокультурные особенности текста и прагматические несоответствия

Идея о том, что «перевод – это не только столкновение языков, но и столкновение культур» [Сдобников, 2019, с. 310], нашла подтверждение в многочисленных исследованиях показавших, что для адекватного перевода необходимо знание культуры, в том числе тех ее проявлений, которые находят воплощение в языке и коммуникации (см., например: [Ремчукова, Недопёкина, 2020; Koskinen, 2015; Nida, 1993; Ponton, Ozyumenko, Larina, 2023; и др.]).

Наш материал также продемонстрировал, что игнорирование культурного фона приводит к непониманию текста и является причиной различного рода ошибок, в том числе прагматических. Так, крылатое выражение *интересное кино*, которое вошло в разговорный русский язык из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию», используется для передачи удивления, недоумения и разочарования. Переводчик находит в английском языке разговорную фразу *Oh, come on!*, которое также содержит удивление и недоумение. Однако ИИ предлагает буквальный перевод – *That's an interesting movie!*, что меняет смысл высказывания и не передает эмоцию, содержащуюся в ИТ.

(24) **Вот интересное кино!** Мы так не договаривались.

П: **Oh, come on!** This is not how we agreed.

ИИ: **That's an interesting movie!** We didn't agree to this.

Неспособность учитывать социокультурный контекст осложняет и выбор лексико-семантического варианта многозначного слова. Так, вспоминая Эгона Бара, крупного политического деятеля Социал-демократической партии Германии, В.В. Путин называет его *умным дедом* (25). Переводчик успешно справляется с переводческой задачей, используя выражение *old man* («старый человек, старик»). Однако ИИ дает неуместный перевод и называет Эгона Бара дедушкой (*granpa*), что создает юмористический эффект:

(25) Умный был дед. Его никто не послушал.

П: He was a wise **old man**, but no one listened to him.

ИИ: **Grandpa** was smart. Nobody listened to him

Юмористическому эффекту в данном переводе способствует и порядок слов. Поскольку ИИ настроен на традиционную модель английского синтаксиса, начинающуюся с подлежащего, он предлагает следующий перевод: *Grandpa was smart. – Дедушка был умным.*

Лингвокультурные особенности языка, которые, как и культурные различия в целом, являются многочисленными и трудно постижимыми, часто создают сложности не только для ИИ, но и для переводчика, что мы заметили в нашем материале. Так, поскольку местоимение второго лица *you* в английском языке, в отличие от русского, может обозначать как одного собеседника, так и группу лиц, к которой он принадлежит, в переводе местоимения *вы* на английский язык требуется уточнение – кто под ним подразумевается. В.В. Путин сам делает такое уточнение в своем высказывании:

(26) Вы же нас обманули – я когда говорю «вы», не Вас лично имею в виду, конечно, а Соединенные Штаты.

Однако в (27) видим прагматическое непонимание (или его имитацию) нацеленное на юмористический эффект для повышения интереса аудитории. На вопрос Т. Карлсона *Кто взорвал «Северный поток»?* В.В. Путин отвечает: *Вы, конечно*, сопровождая свой ответ смехом. Трудно судить, правильно ли был понят его ответ, однако невербальная реакция Т. Карлсона (выражение лица и глаз) свидетельствует о его явном недоумении. Его последующий ответ о своем алиби говорит о том, что он отнес (или сделал вид, что отнес) фразу В.В. Путина на свой счет (то есть *вы* было интерпретировано как *ты*), что вызвало последующий комментарий (*Я был занят в тот день. Я не взрывал «Северный поток»*), после которого В.В. Путин поясняет, что он имел в виду не своего собеседника, а ЦРУ:

(27) Т. Карлсон: Кто взорвал «Северный поток»?

В. Путин: **Вы**, конечно. (Смех.)

Т. Карлсон: **Я** был занят в тот день. **Я** не взрывал «Северный поток».

В. Путин: **У Вас лично**, может быть, есть алиби, но у CIA [ЦРУ] такого алиби нет.

П: Tucker Carlson: Who blew up Nord Stream?
Vladimir Putin: **You**, for sure. (Laughter.)

Tucker Carlson: **I** was busy that day. **I** did not blow up Nord Stream.

Vladimir Putin: **You personally** may have an alibi, but the CIA has no such alibi.

Данное недопонимание (или его имитация) обусловлено особенностями индивидуалистической я-культуры и коллективистской мы-культуры и, соответственно, я-идентичностью и мы-идентичностью их представителей [Ларина, Озюменко, 2016; Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017; Ponton, Ozyumenko, Larina, 2024].

Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод о том, что ИИ, в отличие от переводчика-человека, пользуется не всем многообразием языка, а лишь его поверхностным срезом. У него нет инструментов для обработки всех контекстов, в которых функционирует язык. В итоге за пределами ИИ часто оказываются лексико-семантические варианты многозначных слов, их переносные значения, фразеологические выражения, эмоционально-экспрессивные и стилистические нюансы, прагматические значения высказываний и др.

Более того, как справедливо отмечает И. Гамбье [Гамбье, 2016; Gambier, 2019], в переводе, осуществляемом при помощи современных технологий, язык воспринимается как статичный, а не динамичный, коммуникация рассматривается как простая последовательность информационных блоков, а не как процесс взаимодействия ее участников. Поскольку переводятся «не языки, а тексты, вписанные в определенную социально-культурную действительность» [Гамбье, 2016, с. 59], запрограммированность ИИ на систему языка не может обеспечить должную адекватность переводного текста. Для этого необходимы дополнительные языковые и социокультурные компетенции, которыми на данном этапе обладает только переводчик-человек.

Заключение

Несмотря на то что на сегодняшний день НМП является самой современной перевод-

ческой технологией, он имеет не только преимущества, но и недостатки. Хотя ИИ может переводить быстро и достаточно точно, его результаты нуждаются в дальнейшем постмашинном редактировании человеком.

Проведенное исследование показало, что НМП допускает неточности как в выборе лексических эквивалентов, так и распознавании синтаксической структуры высказываний, что приводит к искажению смысла; демонстрирует нечувствительность к идиомам, эмоционально-экспрессивным нюансам, разговорному стилю, прагматике; игнорирует контекст. Он исходит из общих моделей, следует установленным правилам и имеющимся алгоритмам и не учитывает многообразия и сложности функционирования языка.

Таким образом, несмотря на очевидный прогресс в совершенствовании машинного перевода и повышении его качества, на данном этапе НМП не может полностью заменить переводчика-человека и нет уверенности, что когда-нибудь это станет достижимым. Как справедливо отмечает Г. Масси, в эпоху нейронного машинного перевода когнитивные способности переводчика-человека представляют собой «ключевую ценность» дополняющую искусственный интеллект, который не всегда способен себя реализовать [Massey, 2021, p. 37].

Выявленные нами ограничения в работе искусственного интеллекта на данный момент представляются для него непреодолимыми. Результаты исследования могут найти применение в нейролингвистике и намечают пути дальнейшего совершенствования нейронного машинного перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л. Н., Камшилова О. Н., 2024. Лексикографические проблемы систем машинного перевода: на пути от буквального до нейронного // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.1>
- Гамбье И., 2016. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 4. С. 56–74. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.405

- Галичкина Е. Н., 2024. Концептуализация искусственного интеллекта в российском медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 124–137. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.10>
- Гарбовский Н. К., Костикова О. И., 2019. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 4. С. 3–25.
- Ларина Т. В., Озюменко В. И., 2016. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // Cuadernos de Rusística Española. Vol. 12. P. 57–68. URL: <http://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/issue/view/358/showToc>
- Лукина М. М., 2012. Технология интервью. М.: Аспект Пресс. 192 с.
- Митягина В. А., Наумова А. П., Новожилова А. А., 2023. Транслатологическое обоснование создания многоязычных ресурсов Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 3. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>
- Озюменко В. И., 2015. Выражение эмоций грамматическими средствами в английском дискурсе // Russian Journal of Linguistics. № 1. С. 126–143.
- Ремчукова Е. Н., Недопёкина Е. М., 2020. Трудности перевода русской классики: роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английском и французском языках // Russian Journal of Linguistics. Т. 24, № 4. С. 945–968. DOI: [10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968)
- Сдобников В. В., 2019. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // Russian Journal of Linguistics. Т. 23, № 2. С. 295–327. DOI: [10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327)
- Сдобников В. В., 2023. Является ли перевод средством обеспечения межкультурной коммуникации? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 3. С. 77–85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.7>
- Akimova E. N., Bezkorovaynaya G. T., Ionova S. V., 2022. Active Processes in Modern Russian: Possibilities of Ecological and Linguistic Study // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. P. 204–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.16>
- Gambier Y., 2019. Impact of Technology on Translation and Translation Studies // Russian Journal of Linguistics. Vol. 23, № 2. P. 344–361. DOI: [10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361)
- Ilyinova E. Yu., Kochetova L. A., 2024. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 108–123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.9>
- Koehn P., 2020. Neural Machine Translation. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: [10.1017/9781108608480](https://doi.org/10.1017/9781108608480)
- Koskinen K., 2015. Training Translators for a Superdiverse World. Translators' Intercultural Competence and Translation as Affective Work // Russian Journal of Linguistics. Vol. 19, № 4. P. 175–184.
- Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives // Lodz Papers in Pragmatics. Vol. 13, № 1. P. 109–128.
- Massey G., 2021. Re-Framing Conceptual Metaphor Translation Research in the Age of Neural Machine Translation: Investigating Translators' Added Value with Products and Processes // Training, Language and Culture. Vol. 5, № 1. P. 37–56. DOI: [10.22363/2521-442X-2021-5-1-37-56](https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-1-37-56)
- Matusov E., 2019. The Challenges of Using Neural Machine Translation for Literature // Proceedings of the Qualities of Literary Machine Translation. Dublin: European Association for Machine Translation. P. 10–19.
- Nida E., 1993. Language, Culture and Translating. Shanghai: Foreign Language Education Press. 208 p.
- Ponton D., Ozyumenko V., Larina T., 2023. Linguacultural Identity in Translation: 'We' vs 'I' Cultures // Journal of Language and Education. Vol. 9, № 4. P. 73–84. DOI: [10.17323/jle.2023.17832](https://doi.org/10.17323/jle.2023.17832)
- Ponton D., Ozyumenko V., Larina T., 2024. Revisiting the Rhetorical Construction of Political Consent: 'We-Strategies' and Pronouns in British and Russian COVID-19 Discourse // Journal of Language and Politics. DOI: [10.1075/jlp.22199.pon](https://doi.org/10.1075/jlp.22199.pon)
- Sharoff S., 2022. What Neural Networks Know About Linguistic Complexity // Russian Journal of Linguistics. Vol. 26, № 2. P. 371–390. DOI: [10.22363/2687-0088-30178](https://doi.org/10.22363/2687-0088-30178)
- Wilken P., Alkhouli T., Matusov E., Golik P., 2020. Neural Simultaneous Speech Translation Using Alignment-Based Chunking // Proceedings of the Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. P. 237–246. DOI: [10.18653/v1/2020.iwslt-1.29](https://doi.org/10.18653/v1/2020.iwslt-1.29)

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Интервью Такеру Карлсону. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411>

- Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar>
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/>
- Новые слова и значения : слов.-справ. по материалам прессы и лит. 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 906 с. URL: <https://imwerden.de/publ-12906>
- Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : АСТ : Астрель, 2008. 878 с.
- Interview to Tucker Carlson. URL: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73411>
- DeepL : переводчик и ИИ-редактор. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/deepl->
- Multitran (MULTI). URL: <https://www.multitran.com/m>

REFERENCES

- Beliaeva L.N., Kamshilova O.N., 2024. Leksikograficheskie problemy sistem mashinnogo perevoda: na puti ot bukvalnogo do neyronnogo [Lexicographic Problems of Machine Translation Systems: On the Way from Literal to Neural]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.1>
- Gambie I., 2016. Perevod i perevodovedenie na perekrestke tsifrovyykh tekhnologii [Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9, Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*, vol. 4, pp. 56-74. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.405
- Galichkina E.N., 2024. Kontseptualizatsiya iskusstvennogo intellekta v rossiyskom mediynom diskurse [Conceptualization of Artificial Intelligence in Russian Media Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 124-137. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.10>
- Garbovskiy N.K., Kostikova O.I., 2019. Intellekt perevoda: iskusnyy ili iskusstvennyy [Intelligence in Translation: Artful or Artificial?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 2. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 4, pp. 3-25.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., 2016. Etnicheskaya identichnost i ee proyavlenie v yazyke i kommunikatsii [Ethnic Identity in Language and Communication]. *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 12, pp. 57-68. URL: <http://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/issue/view/358/showToc>
- Lukina M.M., 2012. *Tekhnologiya intervyyu* [Technology of the Interview]. Moscow, Aspect Press. 192 p.
- Mityagina V.A., Naumova A.P., Novozhilova A.A., 2023. Translatologicheskoe obosnovanie sozdaniya mnogoyazychnykh resursov Interneta [Translatological Grounds of Creating Multilingual Internet Resources]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 3, pp. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>
- Ozyumenko V.I., 2015. Vyrazhenie emotsiy grammaticheskimi sredstvami v angliyskom diskurse [Grammatical Means of Expressing Emotions in English Discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 126-143.
- Remchukova E.N., Nedopyekina E.M., 2020. Trudnosti perevoda russkoy klassiki: roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin» na angliyskom i frantsuzskom yazykakh [Difficulties in Translating Russian Classics: Pushkin's Novel "Eugene Onegin" in English and French]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 945-968. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968>
- Sdobnikov V.V., 2019. Perevodovedenie segodnya: vechnye problemy i novye vyzovy [Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 295-327. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327>
- Sdobnikov V.V., 2023. Yavlyaetsya li perevod sredstvom obespecheniya mezhkul'turnoy kommunikatsii? [Is Translation a Means of Cross-Cultural Communication?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 3, pp. 77-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.7>
- Akimova E.N., Bezkorovaynaya G.T., Ionova S.V., 2022. Active Processes in Modern Russian: Possibilities of Ecological and Linguistic Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 204-214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.16>
- Gambier Y., 2019. Impact of Technology on Translation and Translation Studies. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 344-361. DOI: [10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361)
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2024. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 108-123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.9>
- Koehn P., 2020. *Neural Machine Translation*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: [10.1017/9781108608480](https://doi.org/10.1017/9781108608480)
- Koskinen K., 2015. Training Translators for a Superdiverse World. Translators' Intercultural Competence and Translation as Affective Work. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 19, no. 4, pp. 175-184.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., Kurtesh S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, no. 1, pp. 109-128.
- Massey G., 2021. Re-Framing Conceptual Metaphor Translation Research in the Age of Neural Machine Translation: Investigating Translators' Added Value with Products and Processes. *Training, Language and Culture*, vol. 5, no. 1, pp. 37-56. DOI: [10.22363/2521-442X-2021-5-1-37-56](https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-1-37-56)
- Matusov E., 2019. The Challenges of Using Neural Machine Translation for Literature. *Proceedings of the Qualities of Literary Machine Translation*. Dublin, European Association for Machine Translation, pp. 10-19.
- Nida E., 1993. *Language, Culture and Translating*. Shanghai, Foreign Language Education Press. 208 p.
- Ponton D., Ozyumenko V., Larina T., 2023. Linguo-Cultural Identity in Translation: 'We' vs 'I' Cultures. *Journal of Language and Education*, vol. 9, no. 4, pp. 73-84. DOI: [10.17323/jle.2023.17832](https://doi.org/10.17323/jle.2023.17832)
- Ponton D., Ozyumenko V., Larina T., 2024. Revisiting the Rhetorical Construction of Political Consent: 'We-Strategies' and Pronouns in British and Russian COVID-19 Discourse. *Journal of Language and Politics*. DOI: [10.1075/jlp.22199.pon](https://doi.org/10.1075/jlp.22199.pon)
- Sharoff S., 2022. What Neural Networks Know About Linguistic Complexity. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 2, pp. 371-390. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30178>
- Wilken P., Alkhouli T., Matusov E., Golik P., 2020. Neural Simultaneous Speech Translation Using Alignment-Based Chunking. *Proceedings of the Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, pp. 237-246. DOI: [10.18653/v1/2020.iwslt-1.29](https://doi.org/10.18653/v1/2020.iwslt-1.29)

SOURCES AND DICTIONARIES

- Intervyu Takeru Karlsonu* [Interview to Tucker Carlson]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411>
- Kuznecov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>
- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bolshoy slovar russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 785 p. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/>
- Levashov E.A., ed. *Novye slova i znacheniya: slov-sprav. po materialam pressy i lit. 80-kh godov* [New Words and Meanings. Reference Dictionary Based on the Materials of the Press and Literature of the 80s]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1997. 906 p. URL: <https://imwerden.de/publ-12906>
- Fyodorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2008. 878 p.
- Interview to Tucker Carlson*. URL: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73411>
- DeepL. Perevodchik i II-redaktor* [DeepL: Translator and AI Editor]. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/deepl->
- Multitran (MULTI)*. URL: <https://www.multitran.com/m>

Information About the Authors

Vladimir I. Ozyumenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Law, RUDN University, Moscow, Russia, ozyumenko-vi@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7587-3007>

Tatiana V. Larina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russia, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Информация об авторах

Владимир Иванович Озюменко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического института, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, ozyumenko-vi@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7587-3007>

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.11>

UDC 81'322:004.738.5
LBC 81.112

Submitted: 29.09.2024
Accepted: 23.12.2024

**SOCIOMORPHIC NEUROMODELING IN ACADEMIC EMOTIONOLOGY
AS AN INTEGRATION OF NEUROCOGNITIVE
AND PSYCHOLINGUISTIC KNOWLEDGE IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

Max Talanov

Institute of Artificial Intelligence, Novi Sad, Serbia;
University of Messina, Messina, Italy

Irina S. Karabulatova

Heilongjiang University, Harbin, China;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Victor Erokhin

Institute of Materials for Electronics and Magnetism, Parma, Italy

Jordi Vallverdú

University of Barcelona, Barcelona, Catalonia, Spain

Abstract. The article analyzes the problems of academic emotionology as an applied branch of emotionology (the science of emotions) based on the use of sociomorphic neuromodeling, viewed through the prism of academic discourse in the educational system. For the first time, the proposed concept of sociomorphic neuromodeling is aimed not only at explaining, but also at applying a socially inherited mechanism of emotional response in a particular ethnic environment, which is reflected in the specifics of neuro-psychophysiological signals as a “deep” language. The main angle of the analysis is due to a non-discrete approach to assessing emotivity in communication and emotions in the speech and behavioral matrix of a modern native speaker. The authors consider the evidence of the proposed hypothesis verifying it with the work carried out on the emotivity analyzer of the speech and behavioral profile of a carrier a natural intelligence carrier and a “smart assistant” as a carrier of artificial intelligence. This representation allows us to undertake methodological holism towards the visual representation of emotions within NLP. The proposed “deep” neurocognitive designer of a “smart assistant” for social engineering rests on understanding neuromodulators activities as the neuro-psycholinguistic mechanisms of the human brain, which makes available the prospects for the development of the analyzer and the possibility of the proposed interface usage. The suggested refinement of the gradation of natural emotional intelligence and emotional artificial intelligence solves the issues of the general theory of emotions, which is an important step for further development of robotic humanoid systems based on the biomimetic concept. *Authors' contribution.* M. Talanov – development of a bioinspired “smart assistant” program, development of a mathematical model, writing part of the project; I.S. Karabulatova – general idea, development of the gradation of emotional intelligence, analysis of the history of the issue of psychometric research, writing a part, drafting instructions, editing; V. Erokhin – development of processes for biosensors and bioelectronics in the framework of neuromorphic computing; conducting experiments for bioinspired computing; clarifying terminology; J. Vallverdú – development of a project design using new intellectual solutions, development of a cognitive model, writing of a part of the project.

Key words: academic emotionology, neurocognitive modeling, sociomorphic neuromodeling, biomimetics, artificial intelligence with neuromodulatory architecture, emotive communication, neuro-psychophysiological communication, NLP.

Citation. Talanov M., Karabulatova I.S., Erokhin V., Vallverdú J. Sociomorphic Neuromodeling in Academic Emotionology as an Integration of Neurocognitive and Psycholinguistic Knowledge in Artificial Intelligence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 131-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.11>

УДК 81'322:004.738.5
ББК 81.112

Дата поступления статьи: 29.09.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

СОЦИОМОРФНОЕ НЕЙРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭМОТИОЛОГИИ КАК ИНТЕГРАЦИЯ НЕЙРОКОГНИТИВНЫХ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Макс Таланов

Институт искусственного интеллекта, г. Нови Сад, Сербия;
Университет Мессины, г. Мессина, Италия

Ирина Советовна Карабулатова

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Виктор Ерохин

Институт материалов для электроники и магнетизма, г. Парма, Италия

Джорди Валверду

Автономный университет Барселоны, г. Барселона, Каталония, Испания

Аннотация. В статье впервые анализируются проблемы академической эмотиологии как прикладного раздела эмотиологии (науки об эмоциях) на основе использования социоморфного нейромоделирования, рассматриваемого сквозь призму академического дискурса в образовательной системе. Предлагаемое авторами понятие социоморфного нейромоделирования нацелено не только на объяснение, но и на применение социально наследуемого механизма эмоционального реагирования в той или иной этносреде, что находит свое отражение в специфике нейропсихологических сигналов как «глубинного» языка. Основной ракурс анализа обусловлен недискретным подходом к оценке эмотивности в коммуникации и эмоций в речеповеденческой матрице современного носителя языка. Выдвинутая в статье гипотеза опирается на результаты работы над анализатором эмотивности речеповеденческого профиля носителя естественного интеллекта и «умного помощника» как носителя искусственного интеллекта. Такое представление позволяет реализовать методологический холизм к визуальному представлению эмоций в рамках НЛП. Описанный авторами «глубинный» нейрокогнитивный конструктор «умного помощника» для социального инжиниринга опирается на понимание нейропсихолингвистических механизмов деятельности человеческого мозга с использованием нейромодуляторов, благодаря чему становятся доступными перспективы развития анализатора и возможности использования предлагаемого интерфейса. Предложенное уточнение структуры естественного эмоционального интеллекта и эмоционального искусственного интеллекта позволит решить некоторые вопросы общей теории эмоций, что является важным шагом для дальнейшей разработки роботизированных человекоподобных систем на основе биомиметической концепции. *Вклад авторов.* М. Таланов – разработка биоинспирированной программы «умного помощника» и математической модели; И.С. Карабулатова – выработка общей идеи проекта, разработка градации эмоционального интеллекта, анализ истории вопроса по психометрическим исследованиям, систематизация материала в виде схем и таблиц, составление инструкции; В. Ерохин – разработка процессов для биосенсоров и биоэлектроники в рамках нейроморфных

вычислений, проведение экспериментов для биоинспирированных вычислений, уточнение терминологии; Дж. Валверду – подготовка дизайна проекта с применением новых интеллектуальных решений и когнитивной модели.

Ключевые слова: академическая эмотиология, нейрокогнитивное моделирование, социоморфное нейромоделирование, биомиметика, искусственный интеллект с нейромодуляционной архитектурой, эмотивная коммуникация, нейропсихофизиологическая коммуникация, NLP.

Цитирование. Таланов М., Карабулатова И. С., Ерохин В., Валверду Дж. Социоморфное нейромоделирование в академической эмотиологии как интеграция нейрокогнитивных и психолингвистических знаний в искусственном интеллекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 131–148. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.11>

Introduction

The rapid leap in research in the neurocognitive sciences and the subsequent fundamental discoveries in understanding the mechanisms of natural intelligence [Nosovets et al., 2023; Verkhlyutov et al., 2019] predetermined the emergence of new ideas and opportunities both in the field of biological cognitive systems and neuro-psycholinguistics, which began to be used in artificial intelligence training aimed at implementing learning strategies for humans. These successes serve as the foundation for the development of innovative digital technologies that include neurocognitive elements. They allow you to improve the quality of education and quickly adapt to new information that is based on emotions [Bachler, Segovia-Lagos, Porras, 2023; Baimakhan et al., 2024; Ponsonnet, 2022].

The postulation of the theory of emotions and the need for a fundamental differentiation of the concepts of emotionology was stated by V.I. Shakhovskiy at the end of the twentieth century [Shakhovskiy, 1983]. Recent data highlight a previously underestimated aspect underlying the entire architecture of cognitive processes and including such a multidisciplinary concept as emotions.

We consider the psycho-emotional sphere from the perspective of **sociomorphic neuromodeling**, which appears to us as the structure of a super-complex metagraph within the framework of metagraph theory [Basu, Blanning, 2007; Gapanyuk, 2024], which includes parameters of the socio-emotional field [Shakhovskiy, 2019].

A universal metagraph-based model for designing relationships between different types of data was first proposed by A. Basu and R. Blanning in 2007 in an attempt to define a

universal algorithm for managing complex systems [Basu, Blanning, 2007]. For a full-scale representation of the object through additional identifiers, various tags, labels and tags for marking vertices and arcs (edges) are included in the metagraph information. Large blocks, designated in the structure of complex graphs as the vertices of multigraphs in one scheme or another, are interconnected by various kinds of systems of relationships, which are called edges or arcs of multigraphs. Such structures have been explained in experimental science through graph theory, which refers to a kind of virtual unity of the objects under consideration (vertices) and the relationships between these objects (edges), which is important in the future for creating systems for automatic complex analysis of texts, emotions, actors, information targets, etc.

Materials and methods

Scientific works consistently demonstrate that emotions are a key element of natural intelligence and adaptive behavior [Damasio, 2008; Picard, Vyzas, Healey, 2001]. Attempts have been made to create emotional architectures such as CogAff [Sloman, 1994] and LIDA [Franklin et al., 2014]. These models simulate emotional processes, but they lack a unified structure for integrating emotional design into computational processes due to the difficulty of comparing neuropsychological, linguistic, and neurobiological markers with defining the boundaries of each labeled concept.

Our proposed model uses a different approach, focusing on neuromodulators such as norepinephrine (NA), dopamine (DA), and serotonin (5-HT), which are “key players” in brain reward and inhibition processes, respectively [Battistoni, Erokhin, Iannotta, 2019], they form

the basis for various educational and training programs processes in comparison with ethno-sociocultural speech and behavioral standards (Fig. 1).

The results of the model computation (Fig. 1) are based on calculations of neurohumoral status dynamics in 21 intermediate states of the model, including 3 levels of DA, 5-HT and NA, for 8 hours. It was revealed that the maximum computing power consumed falls on such intermediate states that arise between Anxiety, Anger, Interest and Surprise. Therefore, these intermediate states are important for modeling an intellectual assistant as an emotionally empathic device in academic discourse. However, the maximum electrical activity corresponds to the state of greatest irritation [Talanov et al., 2019]. Such a psycho-emotional status of recipients of new information in the course of directed discourse enables asserting a more complex multidimensional dynamic figure, which is enclosed in the so-called “cube of emotions” by H. Lövhelm [2012], as the emotion of surprise, which is important for obtaining new knowledge and has maximum electrical activity of the brain, is located in terms of computing power consumed

between such psycho-emotional states such as anxiety, anger, interest, and surprise. The emotion of surprise, awakening an ethno-linguo-cultural shock in the recipients, creates favorable patterns for the perception of new information [Karabulatova et al., 2023].

Accordingly, the use of these neuromodulators, in our opinion, allows us to create a more subtle learning system capable of controlling “fight or flight” actions, which, in turn, is aimed at facilitating the implementation of various learning procedures [Karabulatova et al., 2024; Talanov et al., 2017; Zubanova, Didenko, Karabulatova et al., 2023], and introduces the problem into the neuro-linguistic spectrum of relevant digital research in the field of emotional intelligence [Talanov, Toshchev, 2015].

The proposed sociomorphic modeling in academic emotionology is seen in the engineering application of neuro-psycholinguistic technologies in social engineering, which implies the development of engineering solutions with a reproducible algorithm of application due to the evidence-based basis of natural language data processing. This makes it possible to model an emotionally empathic intellectual assistant in

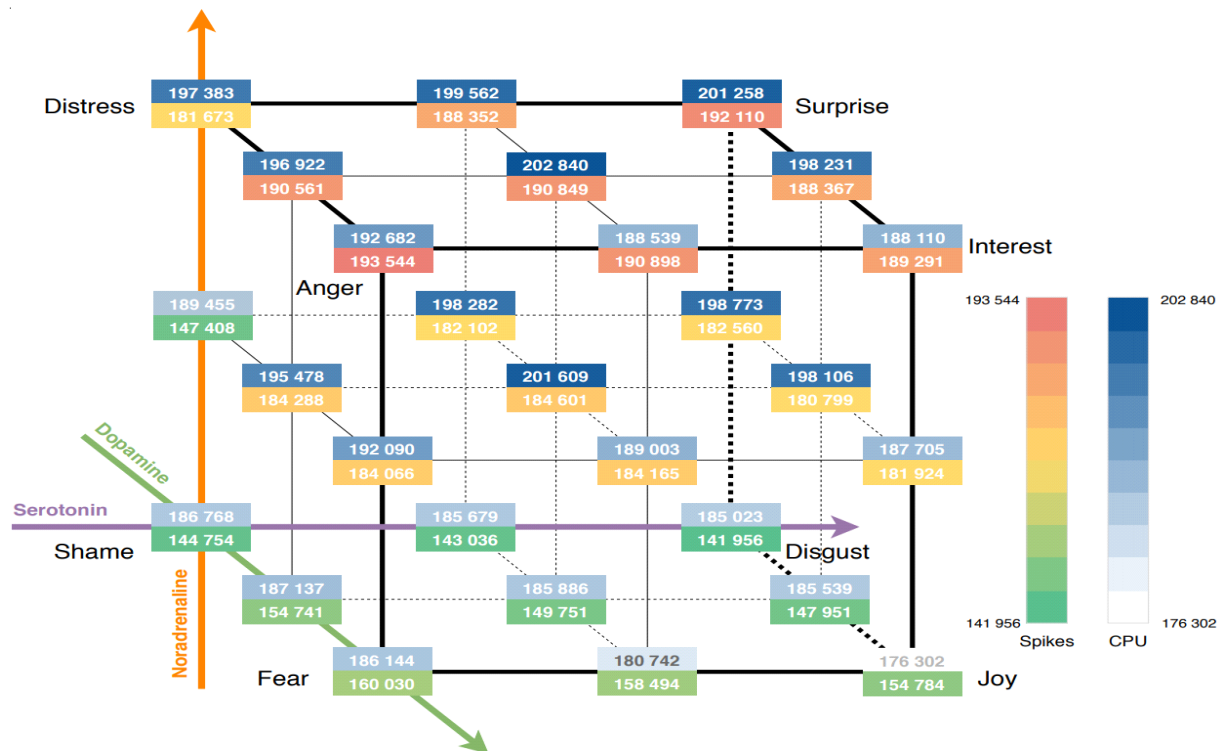

Fig. 1. Verification of a biomimetic concept for a neuro-linguistic model of emotional intelligence design
 Note. Source: [Talanov et al., 2019].

academic discourse with the reproduction of a wide range of educational discourse processes similar to the educational process based on human intelligence at the time of processing a message in natural language.

According to the criterion of the problem being solved, the proposed digital humanitarian technologies form several blocks of significant clusters with a tendency to expand them:

1. Automatic text processing technologies, thanks to which the text fabric of academic discourse becomes linguistically transparent, which allows it to be further used for machine learning and automatic analysis using digital tools of lexical, morphological, syntactic, discursive, emotive analysis, etc.

2. Technologies and models that help construct the knowledge map of academic discourse: thesauri, ontologies, metagraphs, engineering tools for verifying entities, attributing topics, semantic connections, emotional assessments and relationships.

3. Technologies aimed at recognizing and modeling assessments of the perception of the target audience and the emotional layer of academic discourse based on affective calculations and various tools of sentiment analysis, psychometric measurements of emotions.

4. Technologies aimed at modeling the processes of extracting meaning from textual data of academic discourse for further processing in line with machine learning, taking into account modification, which allows creating models of understanding and interpreting academic discourse in the natural language of human communication with the tools of paraphrasing and summarization.

5. Technologies developed in classical psycholinguistics and digital humanities for effective modeling of human communicative behavior, which implies the use of both verbals, non-verbal and paraverbal layers in communication, which ensures the creation of an emotionally empathic intellectual assistant for teacher.

Inspired by the works of A. Damasio [2008], M. Minsky [2007], A. Sloman [1994], and P.O. Haikonen [2014], we adopted a bio-inspired perspective for the realization of psycho-emotional states in computing systems.

The implementation of the proposed approach is presented in this simplified diagram where: the linguistic input is done through Broca's area and the output is motor cortex → spinal cord. Here we can select central NA, DA and 5-HT parts of the limbic system that are not linearly independent in contrast they influence each other: 5-HT inhibits DA and NA, while DA and NA modulate each other and NA excites 5-HT. Overall three subsystems modulate the thalamocortical loop (Fig. 2).

In our schematic, we underscore the pivotal role of the thalamocortical loop, detailing the modulatory (both excitatory and inhibitory) projections from cortical columns to the thalamus that forge critical feedback loops for the processing and routing of information across various cerebral regions, including the prefrontal cortex, Broca's area, and the motor cortex. These loops undergo modulation by three primary monoaminergic systems: DA, 5-HT, and NA, and are referred to as "emotional loops." These emotional loops, capable of persisting for durations extending from several minutes to hours post-

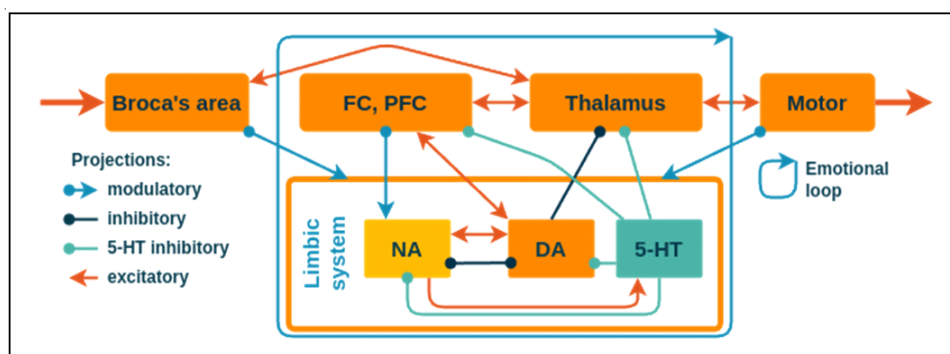

Fig. 2. Emotional feedback loop

Note. The frontal/prefrontal cortex feedback loops are neuromodulated by three subsystems of the limbic system: DA, 5-HT, NA. Inputs from Broca's area and outputs in the motor cortex.

interaction with an antagonist, are linked to reflective and imaginative processes as described in the concept of “emotional machine imagination” [Minsky, 2007]. Such dynamics facilitate the recalibration of synaptic weights within the brain’s neural network, heralding a self-training regimen enriched by emotional content integrated into both reflective and self-reflective processes.

Results and discussion

The first attempt to introduce artificial intelligence technologies into the field of education dates back to the 1970s, when the SCHOLAR program was proposed, which became the prototype of an intelligent learning system [Izmailova, 2024].

The creation of an emotionally empathic intellectual assistant for a teacher is based on the idea of a game simulator, the neuromodeling of which is inspired by data from the pleasure and reward center in the human brain [Buscicchi, van der Deijl, 2023]. However, the creation of such a robotic training program, which involves learning in an emotionally charged form of play, requires attention to understanding the inner boundaries of personality. In this regard, such an intelligent assistant brings language learning simulators closer to professional simulators that use a system of penalties for violating rules and making mistakes. Despite the fact that the use of professional exercise machines with pain is considered effective [Lee et al., 2021], we believe that stimulating comfort and pleasure zones is an underestimated factor, which is confirmed by the increase in alexithymia and autism among children and adolescents.

The use of emotive neuromodeling in academic learning discourse has a dominant effect, contributing to the build-up of new cognitive connections during the continuous “translation” of natural physical reality data into digital and vice versa, strengthening dopamine anticipation connections when exposed to new information. In view of this, the introduction of digital twins takes a priority position [Gapanyuk et al., 2024; Shahat, Hyun, Yeom, 2021], which uses the brain’s ability to link the physical object itself, its visual, verbal and/or other representation together, which allows the digital analog to influence objective reality.

In this regard, it is advisable to talk about **academic emotionology** as a new branch of

emotionology and neuropedagogy, which uses deep mechanisms of emotional involvement to ensure effective management of the process of mastering new knowledge. It is no coincidence that A. Wierzbicka notes some inconsistency in the definition of concepts related to emotions and emotivity, seeing this as a big problem for successful research communication [Wierzbicka, 2010].

In the situation of academic emotionology, in most cases, as a rule, the implicit presence of some kind of probabilistic punishment is implied, which takes into account our subconscious mind during the period of intensive preparation and study, as a result of which mechanisms for supporting inner comfort in the form of “silence,” as well as in the form of both conscious and unconscious countering learning based on serotonin and norepinephrine.

However, ignoring emotions and excluding them from the educational context leads to a poorer understanding of the educational process, despite the recognition that emotions such as surprise and joy are inherent in the process of cognition [Karabulatova et al., 2023], and in the formation of natural and artificial bilingualism, the role of emotions becomes a priority [Chen, Chung-Fat-Yim, Marian, 2022; Chung-Fat-Yim et al., 2022]. Here, the Western model of learning as such, which originates from the well-known saying “In much wisdom there are many sorrows”, comes into dissonance with the Eastern point of view on the nature of cognition and on reacting when confronted with something new [Karabulatova et al., 2024]. For example, Buddhist principles of nonviolence show some parallels with AI ethics, because ahimsa empathy eliminates discrimination, just as AI strives for fact-checking and justice [Hagendorff, 2020; Hongladarom, 2020].

Based on this, the very concept of morality, postulated in Western culture, starting from the principles of sentimentalism and existentialism, is interpreted as an emotional response to the actions of others, which served as a starting point in psychology, linguistics, and ethnography for understanding empathy through the nature of morality and the values of the ethno-cultural moral and ethical code in the speech-behavioral matrix [Liu et al., 2025].

An analysis of scientific studies on foreign language teaching models in China shows that the

consideration of the emotive-emotional neuromodeling factor is not well developed, or even completely ignored when calculating the effectiveness of educational strategies in the educational process [Ni Lulu, Zhang Manman, 2022]. Thus, the claimed “increasing the research potential of teachers based on the innovation of learning processes” [Ni Lulu, Zhang Manman, 2022, p. 33] in most pedagogical works, it is not a supported metaphor, although it should imply the use of accurate assessment tools and mathematical calculations of the probabilistic volume of research potential, including taking into account psycho-emotional means of influence. However, since the model itself is often missing, this makes it difficult to assess the effectiveness of the proposed methods, which actualizes our research as demonstrating the vector of implementation of models for evaluating the effectiveness of learning materials.

At the same time, the implementation of communication skills in native and foreign languages not only on everyday but also professional topics is conditioned by the dynamic development of the neurohumoral system, which requires the elaboration of existing models with the proposal of new emotional models in the educational process from the perspective of ensuring the environmental friendliness of the methods used to preserve a healthy psyche and the boundaries of different forms of identity.

EmoAI is based on the simulation of empathy, which is in demand in the field of robotics, focused on communication as a companion, so the leading principle here is to verify the maximum possible range of human emotions and then respond to them with empathy, such as chatbots and/or “smart assistants.” As an example, the Empath emotional artificial intelligence developed with a built-in mechanism for recognizing emotions based on the acoustic characteristics of a sounding voice in real time, and the algorithm works independently of the language of recognized speech [Shlyapnikov, 2022]. As the developers themselves point out, the Empath API and SDK tools have proven their relevance in more than 50 countries in various sectors of the socio-economic sphere: from call centers and smart voice assistants to automotive, shipbuilding and psychiatric care [Vocal...]. Some tools of empathic AI, such as the AI companion XiaoIce [Zhou et al., 2020], are aimed at using emotional

connection to meet the human need for communication, attachment and social communication, belonging to certain cohort groups.

Based on the understanding of the leading role of empathy in teaching, improved digital technologies have been created in many countries with an emphasis on psycho-emotional factors in teaching, actualizing empathic triggers that enhance one’s own vision of linguistic and cultural specifics through the teacher’s style, selection of illustrative material, and selection of techniques.

The use of virtual media in academic discourse promotes memorization, but it can make it difficult to form both communicative multilingual competence and subject-expert competence due to a misunderstanding of the regulatory mechanism of higher nervous activity, which is influenced not only by psychophysiological, age-related features, but also by ethno-sociocultural patterns in the worldview of actors in the educational process. The use of digital analogues of other linguistic cultures demonstrates the fact that the problems of family and social education, as well as the environment, can be leveled when immersed in a different linguistic culture, because the conciseness and intensity of the rhythm of modern learning give priority to a concise presentation of information. This, in turn, affects the psychophysiological basis of speech, which becomes excessively labile when assimilating new information, which allowed researchers to talk about the pseudo-patho-psycholinguistic phenomenon of modern communication [Karabulatova et al., 2021], which reveals certain parallels with AI hallucinations, such as: fragmented reasoning, increased euphemia, colorful metaphor, causal disorders-investigative relationships, erroneous judgments, “leaps of thought,” etc. These communicative markers of the psycho-emotional state correspond to the modern behavior of actors in academic discourse (see Table). It should be emphasized that we are talking about the norm of speech communication without affecting the module of patho-psycholinguistics, which indicates the transformation of cognitive processes in the younger generation, Internet users, under the influence of IT technologies.

In this regard, the use of digital analogues in academic discourse reveals difficulties due to the

influence of Internet communication on real communication, including between humans and machines. At the same time, the discovered pseudo-patho-psycholinguistic deviations demonstrate the interdependence of biofeedback formation when modeling multiple intelligence in the course of academic discourse, demonstrating the psycho-emotional dynamics of the learning process based on pedagogical neuro-targeting, which is actively used in technologies for managing speech and behavioral strategies in real society [Temirgalinova et al., 2021; Yan et al., 2024].

Research in the field of emotivity of educational discourse in Russia reveals a large gap compared to work in the world of neuropedagogy, which is due to the historical and cultural context. In 1936, the conduct and publication of the results of psychometric research in the ethno-socio-cross-cultural aspect came under a total ban. The theory of psychometry itself as a tool for modeling speech

and behavioral standards in the transforming conditions of the Soviet era was declared a bourgeois relic and forgotten, because experimental measurements conducted in the young republics of Central Asia revealed differences in the intellectual and thinking activity of the peoples of the region (in particular, among Uzbeks) due to rigid patterns in the cerebral cortex to an ethno-socio-culturally determined repertoire of stimuli that provide the specifics of information accumulation and processing in the cerebral cortex [Kurek, 2004; Luria, 2002].

Psychometric studies revealed the absence of illusions of perception of Gestalt figures in many Central Asian ethnic groups, which led to an understanding of the nature of neurocognitive dissonance in intercultural communication, since it was not assumed that abstract figures, well understood by representatives of different European peoples, would create such great

Pseudo-patho-psycholinguistic features of modern communication correlated with AI hallucinations

№	The ratio of signs and meanings	Ranking of respondents by country, %			
		Greece	Australia	Russia	Kazakhstan
1	Narrowing of lexical meaning	25	37	20	18
2	Excessive detail	28	32	31	29
3	The dominance of excessive abstraction with a tendency to generalize judgments	27,95	27,38	16,86	27,8
4	The priority of choosing to use abstract vocabulary words	30,24	31,18	30,71	30,71
5	The desire to construct neologisms and form new meanings for words from the active vocabulary due to post-interpretation	37,7	28,2	23,54	33,42
6	The priority of using emojis, graphemes, and other creolized semiotic signs in communication	42	50,9	49,4	44
7	The predominance of the use of combinations of different semiotic signs in communication	16,7	17,2	5,1	3,8
8	The priority of using excessive specification in the evidence base of judgments	29,3	31,5	14,8	43,19
9	Using the strategy of pretentiousness of statements as a means of uniqueness of style and attracting the attention of a potential target audience	31,3	34,1	26,7	29,9
10	The use of paradoxical statements as a psycho-emotional device in communication	41,1	43,4	34,7	36,8
11	Using the technique of constantly slipping from one topic to another as a psycho-emotional strategy in modern communication	27,3	46,23	33,12	32,18
12	Using the technique of alogization as a modern psycho-emotional strategy in the communicative process	14,3	13,32	12,7	11,91
13	The dominance of formalisms and clichés in communication	9,87	13,89	23,41	7,89
14	The impact of hypertext Internet communication in the implementation of over-connectivity	7,3	11,81	12,58	22,7
15	The priority of actualizing hidden meanings and persistence	14,51	17,33	21,22	21,38
16	Emphasis on the use of inadequacy in judgments	27,81	39,2	24,55	24,38
17	Actualization of reasonableness as a new normotypic feature of modern communication	29,31	35,3	28,26	21,34
18	The predominance of expressive syntax as a new emotional norm of communication	31,81	49,6	37,35	29,82

Note. Source: [Karabulatova et al., 2021, p. 1520].

difficulties. As a result, these studies became the basis for the subsequent development of academic emotionology and neuropedagogy in the aspect of differentiation of ethnocultural approaches in education [Kurek, 2004; Stern et al., 2022].

Based on this, the upper level of the academic emotionology architecture is presented as a multicomponent system focused on detecting emotions in scientific and pedagogical discourse, followed by social management of the recipient's emotional state in the classroom (Fig. 3).

It cannot be said that these blocks are limited only by the specified connections and are not interconnected by additional peripheral connections that are present in the multidimensional representation. So, we can draw separate edges from the block of verifying our own emotions to the block of social engineering in the aspect of self-education and self-improvement. At the same time, the complex graph "Emotion verification" can be spatially linked to the graph "Emotion detection." Emotives can also be classified taking

into account the factor influencing the development of critical and creative types of thinking, which are necessary not only in scientific research, but also in educational practice.

Besides, the modeling of the psycho-emotional state of the audience can also take place through both verbals, non-verbal and paraverbal means of emotive engineering performed by the teacher. However, for example, E.A. Antonova, like most researchers in the humanities, simply notes that non-verbal means in Russian as a foreign language classes contribute to the effective enrichment of vocabulary among foreign students, without taking into account the determinative role of academic emotionology in this case [Antonova, 2019].

However, this is not the mistake of individual researchers, but the traditional adherence to established principles in scholasticism and Russian linguodidactics, in particular, which did not consider emotionogenic factors in educational discourse separately due to the weak development

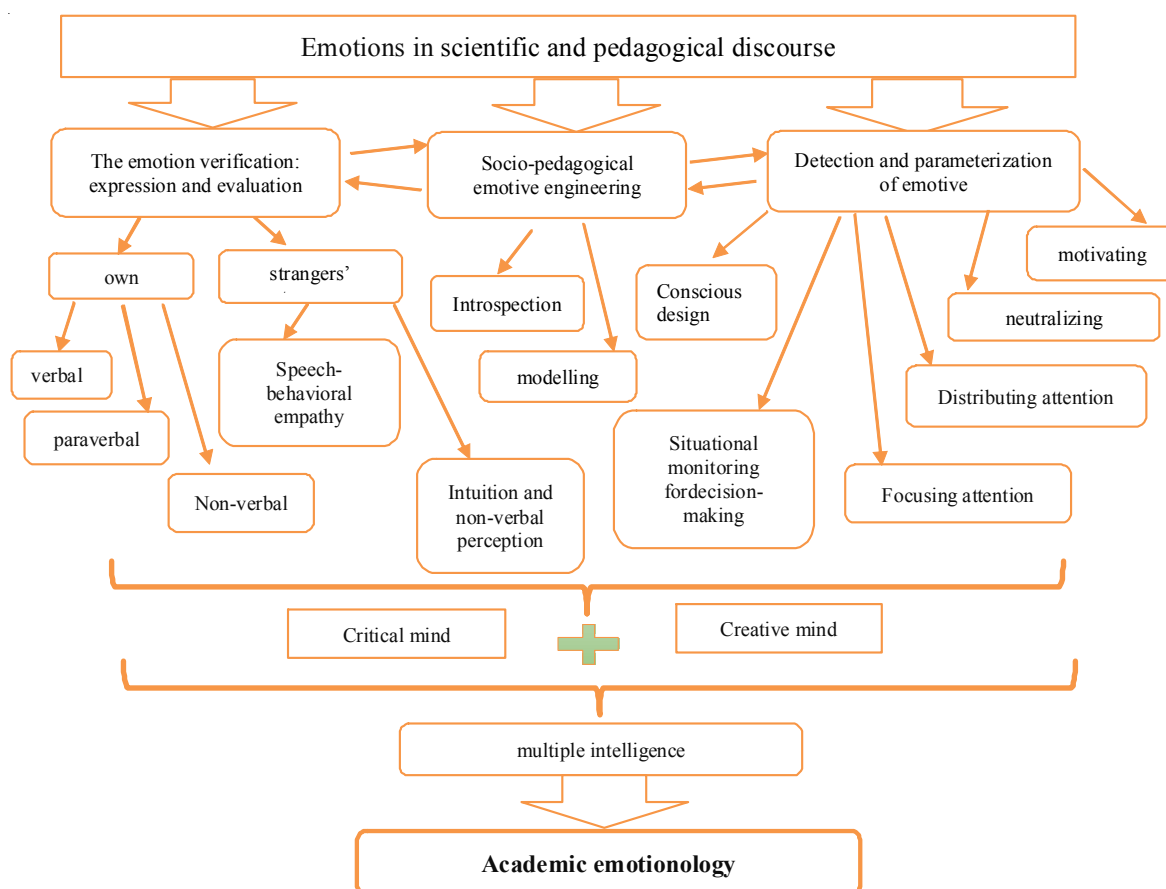

Fig. 3. The upper level of the architecture of academic emotionology as a system of complex graphs of the controlled psycho-emotional state of actors in the coordinates "teacher + student"

of emotiology as a scientific field and the belittling of the role of emotions in the educational process [Shakhovsky, 2019]. The transition of active educational communication to the virtual learning space actualizes the graphical transmission of psycho-emotional states in order to more accurately understand the emotions experienced in the addressee-addressee system, which takes the development of emotional artificial intelligence to a new level and understanding of natural emotional intelligence, focusing on the following objectives emotivity settings in virtual communication.

The complex graph of situational monitoring of emotions includes enlarged blocks that can be detailed. Any life situation experienced as a personal crisis affects the inner picture of the individual's world with the marking of an additional positive and/or negative evaluative attitude (Fig. 4).

It can be seen from Figure 4 the very variety of life situations provoking psycho-emotional perception and evaluation is due not only to exogenous factors, but also to the specifics of the manifestation of psycho-emotional reactions predetermined by awareness of the transformation

and/or destruction of the internal coordinate system, the permissible boundaries of the space of the personal "I" as a kind of structured myth—a story about oneself and for oneself under the influence of some third force. In our opinion, the allocation of sociomorphic modeling is predetermined by epigenetic consequences, as a result of which previously acquired life experience and environmental influences actualize the manifestation of some genes and drown out the effect of those that lose their relevance due to various traumatic events [Roseboom, 2019]. Consequently, the "deep" language that the body uses to convey to a representative of another, usually younger generation, encodes the historical and cultural experience of the family, society, people and the state, in order to provide strategies that ensure vitality and resilience. In other words, the very concept of "internal resources" is beginning to take on a new meaning.

At the same time, each of these blocks can have a gradation of evaluative perception in both the negative and positive ranges, which must be taken into account when creating EmoAI based on sociomorphic modeling in emotional natural

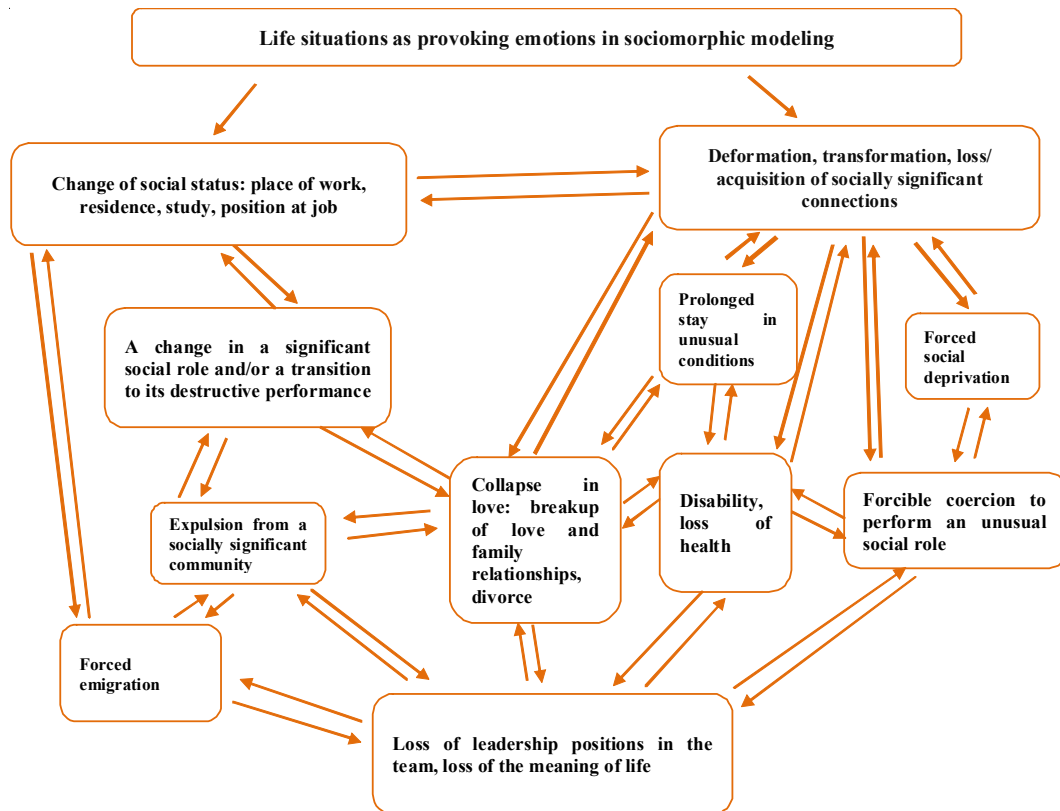

Fig. 4. The upper level of the architecture for monitoring life situations as provocatives of emotionalization in sociomorphic modeling

intelligence. With respect to this, the interpretation of actions can proceed both from the position of the victim (always overcoming something, with an emphasis on the negativization of surrounding circumstances), and from the position of the hero (perceiving any negative as a point of realization of one of the probabilities of acquiring a positive experience, or inner strength).

Such a module as a whole can be important and useful in analyzing the speech and behavioral stereotype of a hero in fiction with a metaphorical transfer to behavior in everyday life, becoming a powerful emotionogenic factor that reinforces a specific type of behavior in a particular ethno-culture. In this regard, artistic parables related to the culture of filial piety can be cited as an example of an emotionogenic factor that forms emotional intelligence, which demonstrates the success of modeling emotional reactions in difficult life situations, the patterns of which were developed back in the heyday of Confucius' teachings.

The prerequisites for the emergence of modern academic emotionology can serve as the principles of filial piety and brotherly virtue developed in Ancient China, which have been reproduced in Chinese society for many centuries, using such an important element of cognitive behavioral neurodidactics as the "desire for praise," based on a dopamine basis in cultivating motivation to commit socially approved acts, supported by socially psychological engineering of Chinese society, allowing you to regulate your emotional sensitivity to the socio-emotional effects of praise.

The results of modern instrumental research in the field of neurobiology and neuro-psycho-physiology have demonstrated the effectiveness of perceiving sincere appreciation in both positive and negative ways, while neuroimaging has confirmed that flattery is decoded with a large fan of interpretation and is perceived as an unreliable response, little trustworthy.

Thus, communicative multicultural and multi-subject competence in academic discourse is directly dependent on the psycho-emotional perception of educational material, allowing it to accelerate understanding and mastering [Franklin et al., 2014] at a new stage in the development of academic emotionology.

The Fourth Industrial Revolution and the active use of various IT technologies have highlighted the importance of neuro-

psychophysiological research on language and speech [Khokhlova, 2017; Rusalov, 2012]. This is a new round in the debate about the nature of man, about the principles of his consciousness and thinking, about ways of objectifying the world, as well as about methods of neuro-psychoemotional influence and human management in the structure of social engineering, which were raised in his research by A.R. Luria, whose pioneering works of the early twentieth century still have not lost their relevance [Luria, 2002].

An understandable misunderstanding of the processes of evolution of neurocognitive brain structures at the stage of the formation of science, the lack of opportunities for conducting neurobiological in-depth experiments led to the impossibility of developing cross-cultural pedagogy, which began to develop rapidly within the framework of academic emotionology and neuropedagogy already in the 21st century, based on well-calibrated tools for determining the neuro-psychophysiological parameters of language, speech and thinking development in different ethnic and racial groups [Li, English, Kulich, 2021; Stern et al., 2022].

The significance of the experimental developments of A.R. Luria and L.S. Vygotsky is determined by the fact that they became the basis for the development of test systems for measuring IQ and psychometric principles of scientific organization of work [Luria, 2002]. Although objective, reliable psychological tests were later banned, and those enthusiasts in the field of psychology, neurology, and psychiatry who continued to develop social testing Patho-Psychology were publicly censured and forcibly isolated within the framework of "punitive medicine" [Kurek, 2004, p. 24]. Meanwhile, psychiatrist A.B. Zalkind, who was later severely ostracized, made a fundamental prediction about the high degree of neuroplasticity of the cerebral cortex, directing and controlling which it is possible to achieve a possible change in conditioned and unconditioned reflexes, which echoes modern neurotargeting and linguistic marketing [Korsakov, 2010], justifying sociomorphic modeling of the speech and behavioral standard.

The possibility of modeling is predetermined by the selection of several types of signals that are perceived by the nervous system in real time from the external environment, either in the direction of an auditory, color-light, or electromagnetic speech

signal, perceived as visual and/or written, or a neuromuscular impulse, or a surge of the neurohumoral sphere (as acts of neuro-psychophysiological communication) which have, in addition to the main informational value, an additional emotive value, which was defined by us as an emoticeme [Karabulatova et al., 2023]. The presence of additional emotional coloring can play a crucial role in the perception of information, allowing it to be decoded at a specific emotive locus.

Consequently, the scope of emotional intelligence is much broader than it appears in the simplified model, which, using modern ML approaches that analyze neural data, is divorced from understanding neuro-psycholinguistic processes that somehow affect the outcome in the form of prediction and the creation of classifiers [Rao, 2019]. The non-always conscious verification of the components of this external signal, however, in real time allows them to be sequentially transformed using the nervous system into an internal binary code, which is then decoded during conscious processing, prioritizing the selection of information in the “dangerous – not dangerous” coordinates, which ensures the effectiveness of its perception and understanding [Blouw et al., 2019]. A strict standard of script communication in the online space is becoming dominant in communication with “smart assistants,” as a result of which speech becomes dry, formalized and emotionless. This mechanistic nature of communication is mitigated by the use of a variety of emoticons that act as a kind of psycho-emotional refuge, allowing a modern person to hide from the oppressive burden of the requirements of the standard imposed on communication by modern society in conditions of transparency of digital reality and tracking by various regulatory organizations.

Today, the scientific world has come to the need to detail the very subject of AI, which is positioned not only as a new branch of the science-intensive industry, but is also considered the most promising area of AI research. However, the enthusiastic attitude towards the development of emotional models as some kind of technological IT innovations in the development of effective human-machine communication often omits some important points of the most scientific foundation of natural emotional intelligence, not to mention emotional AI models, believing that combining big

Data technology and deep Learning methods with using artificial neural networks (ANN) capable of self-learning and representing a simplified analogue of natural neural networks, developed based on machine learning. Recall that the algorithm itself is aimed at obtaining and processing both the data originally embedded in it, and at obtaining new information with subsequent processing to justify and support effective decision-making in the increasingly complex conditions of the modern augmented reality world.

In this regard, the conditional design of a sympathetic intelligent agent acting as a lecturer-teacher can be represented as a complex hierarchically organized dynamic system with the ability to actively learn and self-learn (Fig. 5).

Figure 5 shows the high-level architecture of an intelligent agent acting as a lecturer. The intellectual agent: 1) recognizes the student's emotions; 2) creates a model of the student's psycho-emotional state; 3) displays the student's psycho-emotional state through subjective experience on its model of the psycho-emotional state; 4) generates an emotional response to the respondent (student) [Karabulatova, Talanov, Vallverdú, 2024].

Thus, we propose to create an intelligent agent capable of maintaining an emotional dialogue with students, projecting not only educational information, but also emotionally colored content, which should increase the immersiveness of learning and, as a result, its quality.

Further analysis will make it possible to create a complex multigraph model, which would include: 1) a model of the history of emotivity in pedagogical discourse; 2) a model of the biological basis of emotions; 3) a model of psychological parameters of emotions; 4) a model of neurophysiological parameters of emotions; 5) a model of sociological variables of emotions; 6) a model of linguistic characteristics of emotions, etc.

At the stage of the pre-project analysis, it is necessary to first perform a full-scale and comprehensive analysis of the phenomenon of empathy, which will fully identify the markers of emotional response on different planes, after which it is possible to build instructions and models for training artificial intelligence and neural networks.

Thus, the historical block of the phenomenon of empathy unfolds in the variants of ideas about emotions in the European, Russian and Chinese

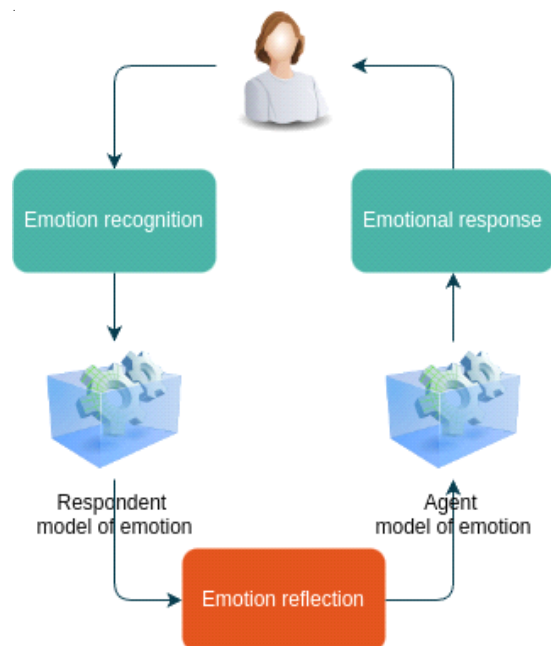

Fig. 5. The representation of an empathic emotive intellectual agent/lecturer

civilizational paradigms. The difficulty is due to the fact that already in the 6th–4th centuries BC in the ancient Chinese civilization questions of conflict and emotionality of behavior were raised, which allowed Confucius in the treatise “Conversations and Judgments” to give the basics of ecological and healthy communication: “Don’t do to others what you don’t want to do to yourself.” Confucius emphasized that “when you talk to a person you can’t talk to, you’re wasting your words. A wise man does not make mistakes in people and does not lose his words”/ “当你和一个你不能说话的人说话时，你是在浪费你的话。智者不犯错误，不失言语” [Tao te Ching, 2023, p. 68].

Similar ideas were expressed in ancient Greece by Plato and Aristotle. Later, E. Kant entered into a time-delayed polemic with the philosophers of antiquity. It is from here that the most polarized points of view regarding the consideration of the phenomenon of emotionality and its essence, as well as the traditions of views on emotions as something instinctive, beyond the scope of human regulation, originate.

The use of emotive neuromodeling in academic discourse has a dominant effect, contributing to the build-up of new cognitive connections during the continuous “translation” of natural physical reality data into digital and vice versa, strengthening dopamine anticipation connections when exposed to new information.

The regulation of psychoemotional response is based on the recognition of the variability of individual empathy, which reveals close links with the semantic peaks of triggers that are widely represented in the ethnosociocultural context of the academic space.

Conclusion

From the standpoint of the evolutionary development of the human species, decoding of emotional-emotive interaction is implemented according to the residual principle, therefore, the creation of intelligent systems to support academic discourse is directly dependent on the psychoemotional response to incoming information.

The need to use emotional intelligence data in academic discourse is due to the observed trivial phenomena of a decrease in the quality of defensive reactions in the form of fatigue or the development of hypnotic trance in the target audience, which makes it difficult to perceive information that is decoded as an atypical or evolutionarily unusual signal. The introduction of “smart assistants” in educational discourse revealed gaps in the theory of emotions, which necessitated the identification of academic emotionology as a new branch of applied linguistics.

Despite the postulation of the need to detail the subject of AI itself, which is positioned as a

new branch of the science-intensive industry, digital academic emotionology is considered as the most promising area of AI research in optimizing educational discourse.

However, the enthusiastic attitude towards the development of emotional models as some kind of technological IT innovations in the development of effective human-machine communication often omits some important points of the most scientific foundation of natural emotional intelligence, not to mention emotional AI models. The combination of big data technology and deep learning methods using artificial neural networks capable of self-learning and representing a simplified analogue of natural neural networks is being developed based on machine learning.

Recall that the algorithm itself is aimed at obtaining and processing both the data originally embedded in it, and at obtaining new information with subsequent processing to justify and support effective decision-making in the increasingly complex conditions of the modern augmented reality world. In this regard, the development of new principles for the integration of neurocognitive knowledge and emotional-emotive models in modern academic emotionology is becoming a new research challenge, thanks to which we can examine in more detail the structure of the blockchain in education based on graphs that make up the features of different types of emotional intelligence to ensure effective learning of educational material. In other words, from each simple conclusion it is possible to reach an understanding of the general definition of a specific terminological concept.

The output graphs that appeared as a result of text analysis have various differences. Due to the presence of various kinds of conclusions and conclusions in the text, and using two-digit and multi-valued types of logic, it is possible to perform operations with background knowledge matrices. However, there is a problem of constructing a single metagraph that could show a common “tree” of the definition of a particular term from a set of features.

The proposed empathic emotive intellectual agent/lecturer is able to accumulate various models of knowledge representation about emotions and their emotive representations in different ethno-cultures, social groups and sciences. At the same time,

we recognize that today building a “single tree” is not an easily feasible task due to the presence of various types of logic (such as modal, temporal, etc.), for which it will be necessary to create new “trees” of inference. In this respect, in order to implement the idea, we found it necessary to segment into different areas of knowledge about emotional intelligence, taking into account the hierarchy and chronotope and the vagueness of the input data.

Further analysis will make it possible to create a complex multigraph model, which includes: 1) a model of the history of emotions; 2) a model of the biological basis of emotions; 3) a model of psychological parameters of emotions; 4) a model of neurophysiological parameters of emotions; 5) a model of sociological variables of emotions; 6) a model of linguistic characteristics of emotions; 7) a model of non-verbal parameters of emotion expression (kinesics, facial expressions); 8) a model of paraverbal parameters of realization emotions (voice pitch, voice saturation, etc.).

The pre-project analysis determines the priority of a full-scale and comprehensive consideration of the phenomenon of emotional intelligence in its subtypes. This allows you to fully identify markers of emotionality and emotivity at different levels, after which it is possible to build instructions and a multi-level model for teaching emotional artificial intelligence and a neural network, which allows you to implement a high-level architecture of an AI lecturer capable of generating an adequate emotional response to communication with a student.

ACKNOWLEDGMENTS

Prof. Vallverdú’s research has been possible due to the financial support of ICREA.

REFERENCES

- Antonova E.A., 2019. *Illustrirovannyi slovar na zanyatiakh po RKI kak sposob obogashcheniya slovnogo zapasa inostrannykh studentov* [Illustrated Vocabulary in the Classroom of Russian as a Foreign Language as a Way to Enrich the Vocabulary of Foreign Students]. Petrova S.M., Dishkant E.V., Antonova E.A., eds. *Rusistika v Rossii i Kitaye: innovatsionnyye*

- praktiki: sb. materialov II Mezhdunar. foruma (g. Yakutsk, 17–21 iyunya 2019 g.)* [Russian Studies in Russia and China: Innovative Practices. Proceedings of the 2nd International Forum (Yakutsk, June 17–21, 2019)]. Yakutsk, Izd. dom Sev.-Vost. feder. un-ta, pp. 11-14.
- Bachler R., Segovia-Lagos P., Porras C., 2023. The Role of Emotions in Educational Processes: The Conceptions of Teacher Educators. *Front. Psychol.*, vol. 14, art. 1145294. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1145294
- Basu A., Blanning R., 2007. *Metagraphs and Their Applications*. New York, Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-37234-1>
- Battistoni S., Erokhin V., Iannotta S., 2019. Frequency-Driven Organic Memristive Devices for Neuromorphic Short and Long-Term Plasticity. *Organic Electronics*, vol. 65, pp. 434-438. DOI: 10.1016/j.orgel.2018.11.033
- Blouw P., Choo X., Hunsberger E., Eliasmith C., 2019. Benchmarking Keyword Spotting Efficiency on Neuromorphic Hardware. *Proceedings of the 7th Annual Neuro-Inspired Computational Elements Workshop*. Albany, ACM, pp. 1-8. DOI: 10.1145/3320288.3320304
- Buscicchi L., van der Deijl W., 2023. Clearing our Minds for Hedonic Phenomenalism. *Review of Philosophy and Psychology*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13164-023-00705-w>
- Chen P., Chung-Fat-Yim A., Marian V., 2022. Cultural Experience Influences Multisensory Emotion Perception in Bilinguals. *Languages*, vol. 7, no. 1, p. 12. DOI: <https://doi.org/10.3390/languages7010012>
- Chung-Fat-Yim A., Chen P., Chan A.H.D, Marian V., 2022. Audio-Visual Interactions During Emotion Processing in Bicultural Bilinguals. *Motivation and Emotion*, vol. 46, no. 5, pp. 719-734. DOI: 10.1007/s11031-022-09953-2
- Damasio A., 2008. *Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain*. S.I., Penguin Books. 312 p.
- Gapanyuk Yu.E., 2024. Metagraph Theory as a Basis for Modeling Relevant Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 20-30. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.2>
- Gapanyuk Yu.E., Terekhov V.I., Ivlev V.Y., Kaganov Yu.T., Karabulatova I.S., Oseledchik M.B., Semenov D.V., 2024. Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach. Samsonovich A.V., Liu T., eds. *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023 – Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society. Studies in Computational Intelligence. Vol. 1130*. Cham, Springer Nature, pp. 356-366. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-50381-8_36
- Franklin S., Madl T., D'Mello S., Snaider J., 2014. LIDA: A Systems-level architecture for Cognition, Emotion, and Learning. *IEEE Transactions on Autonomous Mental Development*, vol. 6, iss. 1, pp. 19-41.
- Hagendorff T., 2020. The Ethics of AI Ethics: An Evaluation of Guidelines. *Minds and Machines*, vol. 30, no. 1, pp. 99-120. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09517-8>
- Haikonen P.O., 2014. Consciousness and Robot Sentience: A Response to My Reviewers. *International Journal of Machine Consciousness*, vol. 6, iss. 1, pp. 71-74.
- Hongladarom S., 2020. *The Ethics of AI and Robotics: A Buddhist Viewpoint*. Lanham, Lexington Books. 230 p.
- Izmailova M.A., 2024. The Role of Artificial Intelligence in Building an Adaptive Educational Environment. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 15, no. 1, pp. 8-26. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.1.8-26>
- Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S., 2021. Linguocognitive Conflict of Digital and Pre-Digital Thinking in Online Educational Discourse During the Pandemic: Social Danger or a New Challenge? *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, vol. 14, no. 10, pp. 1517-1537. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0836>
- Karabulatova I.S., Anumyan K.S., Korovina S.G., Krivenko G.A., 2023. Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 818-840. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840>
- Karabulatova I.S., Kuo Ch., Sun Q., Ivanova-Yakushko M.M., 2024. Metaforicheskaya evfemizatsiya neyropsikhofiziologicheskoy kommunikatsii v terminologii traditsionnoy kitayskoy meditsiny [Metaphorical Euphemization of Neuro-Psychophysiological Communication in the Terminology of Traditional Chinese Medicine]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki* [Key Issues of Contemporary Linguistics], no. 1, pp. 33-51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51
- Karabulatova I.S., Talanov M., Vallverdú J., 2024. The Structure of Emotional Intelligence from the Perspective of Academic Emotionology: An Integrated Study of Neurocognitive Knowledge and Emotion-Expression Models in

- Language Teaching. *Foreign Language Research*, no. 6, pp. 32-40. (In Chinese).
- Khokhlova L.A., 2017. *Psikhofiziologicheskie predposylki sposobnostey k ovladeniyu inostrannymi yazykami: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Psychophysiological Prerequisites for the Ability to Master Foreign Languages. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 40 p.
- Korsakov S., 2010. Novye fakty o A.B. Zalkinde [New Facts About A.B. Salkind]. *Filosofskiye nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 4, pp. 51-55.
- Kurek N.S., 2004. *Istoriya likvidatsii pedagogii i psikhotehniki* [History of the Elimination of Pedagogy and Psychotechnics]. Saint Petersburg, Alethea Publ. 330 p.
- Lee I., Jung W., Lee Y., Wallraven C., Chae Y., 2021. Operant and Classical Learning Principles Underlying Mind-Body Interaction in Pain Modulation: A Pilot fMRI Study. *Scientific Reports*, vol. 11, art. 1663. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-81134-6>
- Li X., English A.S., Kulich S.J., 2021. Anger Among Chinese Migrants Amid COVID-19 Discrimination: The Role of Host News Coverage, Cultural Distance, and National Identity. *PLoS One*, vol. 16, iss. 1, art. e0259866. DOI: 10.1371/journal.pone.0259866
- Liu Z.-J., Abdullah N. bt, Sokolovskiy K., Karabulatova I., 2025. Social Media Communities as an Example of a New Type of Communication Ecosystem and Society Clustering. *Information & Culture*, vol. 60, no. 1, pp. 59-79.
- Lövheim H., 2012. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. *Medical Hypotheses*, vol. 78, no. 2, pp. 341-348.
- Luria A.R., 2002. *Priroda chelovecheskikh konfliktov: Obyektivnoye izucheniye dezorganizatsii povedeniia cheloveka* [Nature of Human Conflicts: Objective Study of the Disorganization of Human Behavior]. Moscow, COGITO centre Publ. 525 p.
- Minsky M., 2007. *The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind*. S.I., Simon & Schuster. 400 p.
- Ni Lulu, Zhang Manman, 2022. O strategii povysheniia kvalifikatsii prepodavateley russkogo yazyka na primere grupp innovatsionnogo obucheniia v bakalavriate Sianskogo universiteta inostrannykh yazykov [On the Strategy of Professional Development of Russian Language Teachers Using the Example of Innovative Learning Groups in the Bachelor's Degree Program at Xi'an University of Foreign Languages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Linguistics], no. 5, pp. 27-35. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-27-35
- Nosovets Z.A., Ushakov V.L., Zaidelman L.Y., Kotov A.A., 2023. System of Methods and Algorithms for Comprehensive Neurosemantic Mapping of the Human Brain. *Cognitive Systems Research*, vol. 82, no. 101122. DOI: 10.1016/j.cogsys.2023.05.011
- Picard R.W., Vyzas E., Healey J., 2001. Toward Machine Emotional Intelligence: Analysis of Affective Physiological State. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, vol. 23, no. 10, pp. 1175-1191.
- Ponsonnet M., 2022. Emotional Language: A Brief History of Recent Research. *Approaches to Language and Culture (Handbook)*. S.I., De Gruyter Mouton, pp. 307-335.
- Rao R.P., 2019. Towards Neural Co-Processors for the Brain: Combining Decoding and Encoding in Brain-Computer Interfaces. *Current Opinion in Neurobiology*, iss. 55, pp. 142-151. DOI: 10.1016/j.conb.2019.03.008
- Roseboom T.J., 2019. Epidemiological Evidence for the Developmental Origins of Health and Disease: Effects of Prenatal Undernutrition in Humans. *Journal of Endocrinology*, vol. 242, iss. 1, pp. 135-144. DOI: 10.1530/JOE-18-0683
- Rusalov V.M., 2012. *Temperament v strukture individualnosti cheloveka: differentsialno-psikhofiziologicheskiye i psikhologicheskiye issledovaniya* [Temperament in the Structure of Human Individuality: Differential Psychophysiological and Psychological Studies]. Moscow, In-t psikhologii RAN. 528 p.
- Shahat E., Hyun C.T., Yeom C., 2021. City Digital Twin Potentials: A Review and Research Agenda. *Sustainability*, vol. 13, iss. 6, p. 3386. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13063386>
- Shakhovskiy V.I., 1983. *Emotivnyy component zhacheniyaimetody ego opisaniia* [Emotive Component of Meaning and Methods of Its Description]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. ped. in-ta. 94 p.
- Shakhovskiy V.I., 2019. Obosnovaniye lingvisticheskoy teorii emotsii [Substantiation of the Linguistic Theory of Emotions]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (39), pp. 22-37.
- Shlyapnikov V.V., 2022. Iskusstvennyy intellect: empatiia i podotchetnost [Artificial Intelligence: Empathy and Accountability]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiie*, no. 3, pp. 100-103. DOI: 10.53115/19975996_2022_03_100-103
- Slovan A., 1994. What Sort of Architecture Is Required for a Human-Like Agent? *Foundations of Rational Agency*, pp. 35-52.
- Stern J.A., Jones J.D., Nortey B.M., Lejuez C.W., Cassidy J., 2022. Pathways Linking Attachment

- and Depressive Symptoms for Black and White Adolescents: Do Race and Neighborhood Racism Matter? *Attach Hum Dev.*, vol. 24, no. 3, pp. 304-321. DOI: 10.1080/14616734.2021.1976924
- Talanov M.O., Toshchev A.S., 2015. Vychislitel'naya model emotsiy v intellektualnykh informatsionnykh sistemakh [Computational Model of Emotions in Intelligent Information Systems]. *Elektronnyye biblioteki* [Russian Digital Libraries Journal], no. 18 (5), pp. 231-241.
- Talanov M., Zikov E., Erokhin V., Magid E., Distefano S., Gerasimov Y., Vallverdú J., 2017. Modeling Inhibitory and Excitatory Synapse Learning in the Memristive Neuron Model. *ICINCO*, vol. 2, pp. 514-521.
- Talanov M., Leukhin A., Lövheim H., Vallverdú J., Toshev A., Gafarov F., 2019. Modeling Psycho-Emotional States via Neurosimulation of Monoamine Neurotransmitters. *Blended Cognition: The Robotic Challenge*. S.l., Springer, pp. 127-156.
- Tao te Ching, 2023. *Judgments and Conversations of Confucius*. London, Harper Collins e-books. 149 p.
- Temirgalinova A., Karabulatova I.S. Amiridou S., Erina I.A., 2021. Case-Method in the Formation of Communicative Ethnopedagogical Competence of a Foreign Language Teacher: Based on the Material of Russia, Greece, and Kazakhstan. *European Journal of Contemporary Education*, vol. 10, no. 4, pp. 1013-1026. DOI: <https://doi.org/10.13187/ejced.2021.4.1013>
- Verkhlyutov V.M., Balaev V.V., Ushakov V.L., Velichkovsky B.M., 2019. A Novel Methodology for Simulation of EEG Traveling Waves on the Folding Surface of the Human Cerebral Cortex. Kryzhanovsky B., Dunin-Barkowski W., Redko V., Tiumentsev Y., eds. *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research II. Neuroinformatics 2018. Studies in Computational Intelligence*. Cham, Springer, vol. 799, pp. 51-63.
- Vocal Emotion Recognition Test by Empath*. URL: <https://webempath.net/lp-eng>
- Wierzbicka A., 2010. On Emotions and on Definitions: A Response to Izard. *Emotion Review*, vol. 2, iss. 4, pp. 379-380. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073910374664>
- Yan C., Han X., Zhu Y. et al., 2024. Phishing Behavior Detection on Different Blockchains via Adversarial Domain Adaptation. *Cybersecurity*, vol. 7, art. 45. DOI: <https://doi.org/10.1186/s42400-024-00237-5>
- Zhou L., Gao J., Li D., Shum H.-Y., 2020. The Design and Implementation of Xiaolce, an Empathetic Social Chatbot. *Computational Linguistics*, vol. 46, no. 1, pp. 53-93. DOI: https://doi.org/10.1162/coli_a_00368
- Zubanov S., Didenko E., Karabulatova I., 2023. Location-Based Mobile Learning System Facilitating English Learning. *Interactive Learning Environments*, vol. 31, no. 8, pp. 4818-4834. DOI: <https://doi.org/10.1080/10494820.2021.198360>

Information About the Authors

Max Talanov, PhD (Mathematics), Associate Professor, Institute of Artificial Intelligence, Novi Sad, Serbia; Associate Professor, University of Messina, Messina, Italy, max.talanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6727-0983>

Irina S. Karabulatova (Corresponding Author), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Research Center for Digital Humanities, Heilongjiang University, Harbin, China; Leading Researcher, Laboratory Machine Learning and Semantic Analysis, Institute of Artificial Intelligence, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, radogost2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>

Victor Erokhin, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Director of Research, (National Council of the Research of Italy), Institute of Materials for Electronics and Magnetism, Parma, Italy, victor.erokhin@imem.cnr.it, <https://orcid.org/0000-0002-6297-5538>

Jordi Vallverdú, PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, ICREA Academia, University of Barcelona, Barcelona, Catalonia, Spain, jordi.vallverdu@uab.cat, <https://orcid.org/0000-0001-9975-7780>

Информация об авторах

Макс Таланов, PhD (математика), доцент, Институт искусственного интеллекта, г. Нови Сад, Сербия; доцент, Университет Мессины, г. Мессина, Италия, max.talanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6727-0983>

Ирина Советовна Карабулатова (корреспондирующий автор), доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай; ведущий научный сотрудник лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института искусственного интеллекта, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, radogost2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>

Виктор Ерохин, доктор физико-математических наук, профессор, директор по исследованиям (Национальный исследовательский совет Италии), Институт материалов для электроники и магнетизма, г. Парма, Италия, victor.erokhin@imem.cnr.it, <https://orcid.org/0000-0002-6297-5538>

Джорджи Валверду, PhD (философия), доцент кафедры философии, ICREA Academia, Автономный университет Барселоны, г. Барселона, Каталония, Испания, jordi.vallverdu@uab.cat, <https://orcid.org/0000-0001-9975-7780>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

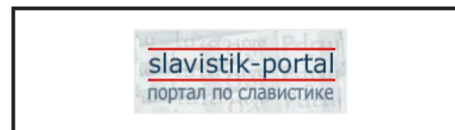
The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

ISSN 1998-9911

76>

9 771998 991007